

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Печатается по распоряжению директора ИИМК М. И. Артамонова

Ответственный редактор С. Н. Бибииков

І. ДОКЛАДЫ НА СОВЕЩАНИИ КОМИССИИ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ¹

(28—29 мая 1940 г.)

ИТОГИ СОВЕЩАНИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ НАРОДОВ СЕВЕРА

Среди вопросов истории СССР одними из наиболее сложных и трудных являются вопросы этногенеза, т. е. происхождения народов нашей страны. Историческое значение проблемы этногенеза огромно, так как без правильного ее решения остаются неясными исторические корни культуры каждого народа и исходные этапы его истории. Вместе с тем актуальность разработки этих вопросов тем более велика, что, пожалуй, не много найдется исторических проблем, вокруг которых было бы создано столько псевдонаучных, националистических построений, причем именно недостаточная разработанность этих проблем давала всякого рода националистам широкую возможность создавать свои враждебные науке „теории“. Трудность проблем этногенеза, помимо недостатка источников, усугубляется тем, что для их разрешения требуется координированная работа ученых различных специальностей: историков, археологов, этнографов, лингвистов, антропологов. В целях координации работ в этой области, осуществляющихся различными институтами Академии Наук СССР и другими учреждениям, при Отделении истории и философии была создана Комиссия по этногенезу под председательством члена-корреспондента Академии А. Д. Удальцова.

28—29 мая с. г. состоялось созданное Комиссией совещание по этногенезу народов Севера — одной из наименее разработанных в науке областей истории СССР. На совещании, в заседаниях которого участвовало до сорока научных работников Москвы и Ленинграда, было заслушано 10 докладов сотрудников Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра и Института этнографии АН СССР, Института и Музея антропологии и кафедры этнографии Московского ордена Ленина университета им. М. В. Ломоносова.

Уже перечень докладов дает представление о сложности проблемы и значительности поставленных на совещании вопросов.

Доклад А. П. Окладникова показал, что на основании собранных советскими учеными материалов можно выявить уже для эпохи неолита

¹ В номере не помещены доклады А. М. Золотарева и Г. Н. Прокофьева, так как с содержанием каждого из них можно познакомиться в следующих изданиях: 1) А. М. Золотарев. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Известия Воронежского Государственного педагогического института, т. IV, 1938, стр. 73—87; 2) Прокофьев Г. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. Сов. этнография, т. III, М.—Л., 1940, стр. 67—76.

территориальные группировки древних племен Сибири и Севера и нащупать исторические связи между этими группировками и позднейшими группами северных народов. К наиболее определенным заключениям удалось прийти в отношении происхождения эвенкийского народа, исторические корни культуры которого прослеживаются в Прибайкалье вплоть до времени перехода от неолита к бронзовому веку (III тысячелетие до н. э.).

Работы советских антропологов, отраженные в докладах Г. Ф. Дебеца и Т. А. Трофимовой, показали, что заселение северной полосы Восточной Европы шло с двух сторон — с юга и с востока. Это отразилось в древнем смешении на этой территории монголоидных и европеоидных антропологических типов.

Доклады других исследователей показали, что уже с бронзового века, а особенно с I тысячелетия до н. э., в связи с дальнейшими этапами развития хозяйства и общества народов Сибири и Севера, начинаются интенсивные культурные взаимоотношения между племенами степной и лесной полосы, проявляющиеся частью в передвижениях и смешении народов, частью в культурном влиянии дальше шагнувших вперед в социально-экономическом и культурном развитии народов степей на более отсталые лесные племена. Влияние культуры скифской степи прослежено в докладах А. В. Збруевой и В. Н. Чернецова до Верхнего Прикамья и низовьев Оби. В. Н. Чернецов, Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова продемонстрировали сложность процесса формирования обско-югорских народов — манси и хантов. В антропологическом типе и культуре этих племен имеются элементы, связанные с древними местными арктическими и таежными охотничьими племенами, но эти автохтонные элементы сочетаются с иными, происхождение которых вызвано проникновением с юга, из зоны Западносибирских и Казахстанских степей, кочевых коневодческих югорских племен с культурой, во многом близкой скифской. Аналогичную картину в отношении самодийских народов Обь-Енисейского бассейна (ненцы, селькупы) вскрыл Г. Н. Прокофьев, показавший, что в культуре и языке этих народов отложились местные элементы, родственные, с одной стороны, палеоазиатам северо-восточной Азии (юкагирам, чукчам, корякам), с другой — древним племенам Приуралья и северо-восточной Европы.

Скрещении культуры местных, юкагирско-эвенкийских племен с культурой просочившихся с юга и юго-запада ответвлений тюркских и монгольских народов показал анализ якутской культуры, произведенный С. А. Токаревым. Доклад А. М. Золотарева показал связь эскимосской культуры Америки с древними культурами арктических охотников азиатского побережья Ледовитого океана и дал убедительную картину формирования чукотского и коряцкого народов на фоне хозяйственного развития арктических приморских охотников, перешедших, под влиянием оленеводческих народов тайги и тундры северо-восточной Сибири, к оленеводству. Немалый интерес для этногенеза народов Америки представляет и упомянутый доклад тт. Трофимовой и Чебоксарова, выявивших среди антропологических типов манси тип, во многом близкий к американским индейцам. Нахождение этого типа на крайнем северо-западе Сибири является новым серьезным аргументом в пользу тесной исторической связи коренного населения Америки с народами Советского Севера.

Совещание показало, что историческое значение разработки вопросов этногенеза народов Севера и Сибири далеко выходит за пределы этой территории. Правильное разрешение этих вопросов позволяет понять

многое в истории народов Восточной Европы, Средней и Центральной Азии, Китая, Тихоокеанского бассейна и Америки.

В своей резолюции совещание отметило, что, несмотря на значительные достижения, работа в области этногенеза народов Севера заставляет еще желать многого. Она носит еще неплановый, случайный характер, многие научные учреждения не придают ей должного значения. Масштабы работ далеко не соответствуют научному значению проблемы.

Совещанием особо отмечено почти полное отсутствие лингвистических работ, связанных с этногенезом Севера и с проблемой этногенеза вообще. Одним из важных результатов совещания является то, что им положено начало объединенной плановой разработке этого круга вопросов.

С. П. Толстов

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ЭТНОГОНИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Необходимость привлечения археологических материалов, использования вещественных памятников как источников для изучения древнейшей истории Сибири осознавалась с самого начала исторической науки. Уже Миллер — подлинный основатель истории Сибири как науки — пытался установить связь между древними памятниками Сибири и определенными этническими образованиями. С другой стороны, он же хотел установить связи между современным и древним населением этой обширной страны. Но недостаток материала и зачаточное состояние археологической науки не позволили ему достичь поставленной цели.

Немногим дальше Миллера ушла сибирская археология и позже.

Естественно, поэтому, что в XIX и начале XX в. больше всего для истории древнейших этнических взаимоотношений в Сибири дали этнография и лингвистика. Именно этнографам и лингвистам принадлежат самые широкие и глубокие по охвату гипотезы, смелые попытки проникнуть в историю сложения современных этнических образований в Сибири. Такова, напр., блестящая теория Кастрена, прочно установившего родство финских, самоедских и тюркских языков и считавшего их общей родиной Саяно-Алтайское нагорье. Основой для построения Кастрена служил лингвистический материал, подсобное значение имел для него даже и собственно этнографический материал.

За Кастреном следует Шренк. Ему принадлежит гипотеза, согласно которой окраинные племена Северной Азии и все племена, по языку и культуре изолированные среди прочих, выделяются в особую палеоазиатскую этническую группу. Прежде, полагал Шренк, палеоазиаты занимали несравненно более обширные пространства, но под напором поздних пришельцев они отступили и сохранились лишь по краям материка. „Это — лишь остатки некогда более многочисленных, распространенных и разветвленных племен, так сказать, выходы пластов более древней этнографической формации, над которой, вследствие неоднократно повторявшихся наплывов, отложились новые формации“.

Для обоснования обеих грандиозных по масштабу теорий, урало-алтайской и палеоазиатской, не хватало, однако, таких фактов, которые безукоризненно точно установили бы связь явлений в пространстве и их археологическую последовательность и служили бы бесспорными вехами действительной истории. Такими фактами должны были быть (при полном

отсутствии или крайней отрывочности и скудости письменных источников) археологические вещественные материалы.

Конечно, не только Миллер, но и Кастрен и Шренк, как позднее и Штернберг, понимали значение археологических источников и стремились использовать их, однако в их распоряжении все еще не было археологического материала в таком объеме, который соответствовал бы поставленным целям.

В течение ряда десятилетий происходило последовательное накопление археологического материала. Особенно существенные сдвиги в развитии археологической науки произошли после Великой Октябрьской социалистической революции, когда изменилось содержание археологической работы и ее методы; неизмеримо расширились масштабы исследовательских работ, а перед исследователями встали совершенно новые задачи и цели.

Прежде всего это относится к использованию археологических данных как основного источника для восстановления древнейших этапов истории Сибири и Советского Дальнего Востока, для понимания отдаленнейшего прошлого населявших эти территории и населяющих их теперь этнических групп.

Положение и роль археологической науки в данной области действительно уже в настоящее время коренным образом изменились со времен Кастрена и Шренка.

Чтобы убедиться в этом, достаточно кратко ознакомиться с результатами исследований в той части, где всего меньше и всего труднее было ожидать увязки мертвых археологических фактов с конкретными этническими образованиями, с историей живых, ныне активно действующих племен и народностей.

Долгое время не было ясного представления о характере памятников сибирского неолита и их возрасте. Существовало, например, ошибочное представление об единообразии сибирского неолита, о его тождестве с неолитом лесной полосы Европейской части СССР, даже о его абсолютной молодости и „этнографическом характере“. Сейчас прочно установлено, что „сибирский неолит“ вовсе не однообразен и совсем не так уж молод. Исключительно важно с точки зрения этногенеза то, что сейчас прослежено наличие больших территориальных групп памятников и соответствующих им локальных культур. Это: а) центральная для Сибири, байкальская культура, распространенная в тайге, где источником существования были охота и отчасти рыболовство; б) противоположная ей — амурская и две камчатских культуры, где основным занятием было рыболовство; в) обская, причем там прослежено совпадение с амурским неолитом (внешний быт — материальная культура на определенном этапе, рыболовство); наконец, г) особняком стоит арктическая культура, которую нельзя понять вне суровой арктической природы и своеобразного хозяйства морских зверобоев (рис. 1).

За отличиями памятников локальных культур неолитического времени несомненно стоят иные, более глубокие особенности их носителей, т. е. конкретных этнических образований прошлого. Каждая из отмеченных этнических групп неолитического времени, как показывает археологический материал, имела свою культурную жизнь, свой сложный исторический путь, разумеется еще больше усложнявшийся связями с соседями, с другими этническими образованиями.

Наиболее изучен теперь неолит Прибайкалья. Тут мы имеем последовательно сменяющие друг друга стадии: а) хиньская, б) исаковская, в) серовская, г) китойская, д) последняя — глазковская, с которой со-

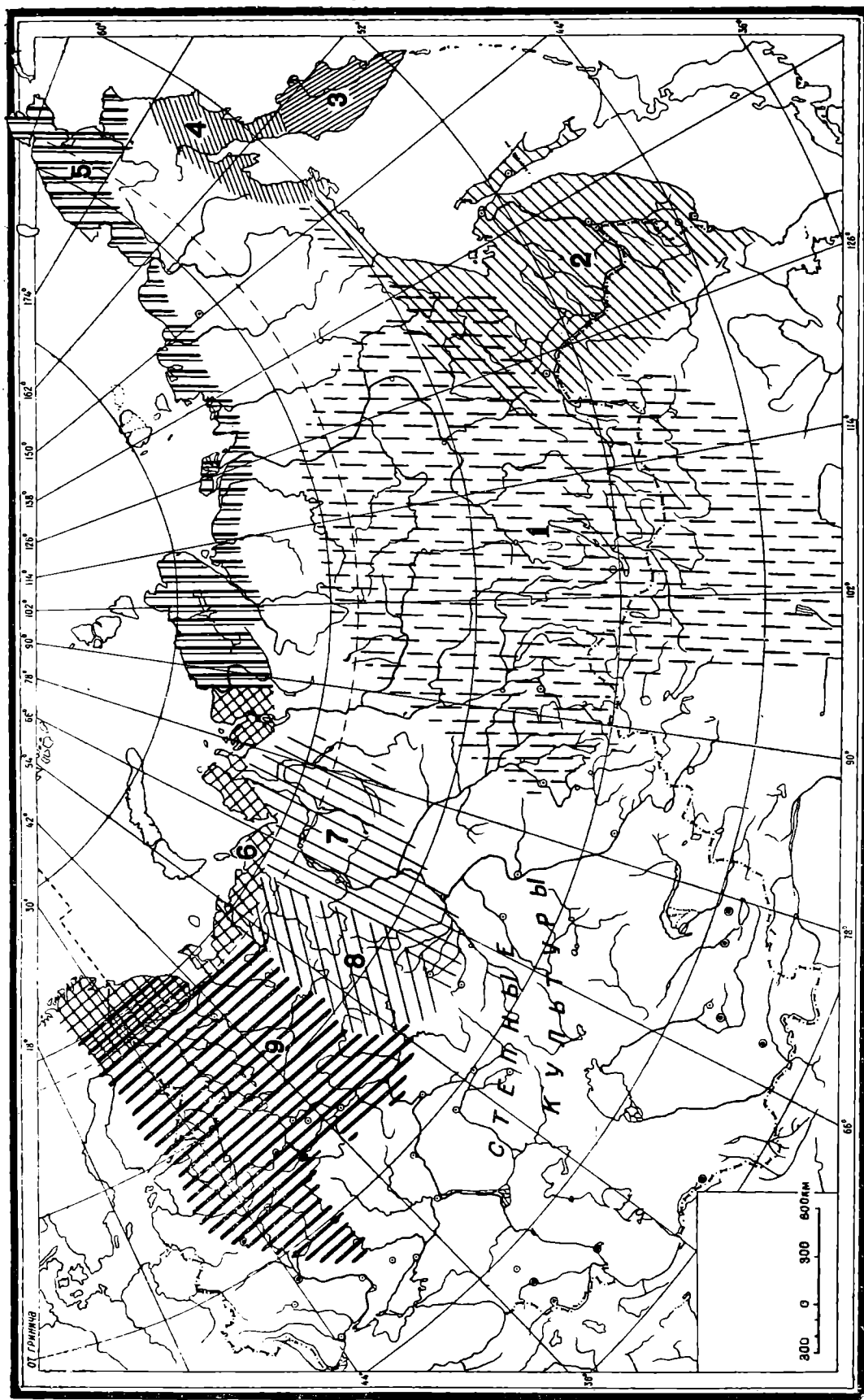

Рис. 1. Карта распространения неолитических культур Сибири и Дальнего Востока.

1 — байкальская неолитическая культура; 2 — амурская; 3 — южнокамчатская; 4 — северокамчатская; 5 — восточноарктическая; 6 — западноарктическая; 7 — обская (восточноуральская); 8 — камская; 9 — культура ямочно-гребенчатой керамики.

впадает такой важный момент, как переход к металлу. Смена отмеченных стадий байкальского неолита охватывает время примерно с VI тысячелетия вплоть до X в. до н. э.

Замечательно при этом, что именно на глазковской стадии, в конце II тысячелетия до н. э., обнаруживаются такие факты, мимо которых не может пройти ни один исследователь, интересующийся историей этнических взаимоотношений в Северной и Восточной Азии.

Чтобы понять их значение, нужно вспомнить господствовавшие в недавнее время представления об этническом и расовом составе неолитического и энеолитического населения Сибири. По мнению автора первого общего курса истории Сибири, Огородникова, в конце ледникового периода северную часть Европы и Азии заняли народы „длинноголовой расы“, обитавшие здесь до самого конца неолитического периода. „Между тем, в очень ранние времена во внутренней Азии образовалась короткоголовая раса, которая на протяжении ряда веков заселила обширные пространства этой части света и большую часть Европы. Короткоголовые принесли с собой на новые места начатки высшей культуры, которая основывалась на возделывании земли плугом и на скотоводстве; они знакомы были также с медью, бронзой и золотом и умели обрабатывать их. Главными средоточиями этой культуры в глубокой древности были Китай и Вавилония. Короткоголовые носители медно-бронзовой культуры направились затем двумя потоками за пределы своей родины. Один из этих потоков проник на юг Сибири, оттуда на Алтай и в Саяны. Короткоголовые пришельцы частью уничтожили, частью ассимилировали культурно-отсталых долихоцефалов каменного века. Каменному веку и охотничье-рыболовческой культуре длинноголовых людей был положен конец...“

Разделяя в принципе мнение о коренной, почти мгновенной смене населения и культуры вследствие прихода новой расы, другие утверждали, однако, что в Восточной Сибири, куда не проникли овладевшие степями Западной Сибири носители бронзовой культуры, такая катастрофа совершилась позднее, лишь в эпоху железа. Обоснованием этих взглядов был якобы установленный археологами „хиатус“ между неолитом и железом, отсутствие памятников чистой бронзовой культуры в тайге и прямых потомков длинноголовых неолитических людей среди современных жителей Прибайкалья.

Но тем более неожиданными оказались результаты исследования костяков неолитического времени.

Изучение черепов из неолитических погребений Прибайкалья привело Г. Ф. Дебеца (вслед за Рогинским) уже в 1929—1930 гг. к неожиданному выводу, что один из выделенных им антропологических типов неолитического населения Прибайкалья, условно обозначенный литерой А, обладает и теперь „этногеографической реальностью в полной мере“.

Он писал: „Тип, условно названный типом А, ближе всего стоит к черепам раннего железного периода Забайкалья и современным тунгусам Северного Байкала. Я называю этот тип байкальским, он в общем схож с уральским типом Бунака и с эскимосским. Правильнее, однако, выделить те и другие в особые типы палеосибирского варианта (расы). Такое наименование мне представляется наиболее удобным, принимая во внимание широкое распространение этого варианта (расы) среди совершенно различных лингвистических групп, разорванность ареала его распространения, имеющего вид островков, лежащих в стороне от путей позднейшей урало-алтайской колонизации. Возможно, что североамериканский (эскимосский) тип придется выделить в особый вариант (расу).

Представляется достаточно ясным, что весь палеосибирский вариант (раса) относится к числу монголоидных. Он обладает всеми диагностическими признаками монголоидного черепа, к числу которых относится высокое и широкое плоское лицо, слабо выступающий нос с узкими носовыми костями и высокие орбиты“.

В распоряжении Г. Ф. Дебеца тогда не было еще необходимого сравнительного материала по черепам эвенков и других племен Сибири. Он имел данные только о четырех тунгусских черепах с севера Байкала. В последующей работе Я. Я. Рогинского был вскоре опубликован единственный в своем роде антропологический материал, собранный в 1927 г. экспедицией Института антропологии И МГУ и Центрального музея народоведения на северном побережье Байкала, среди эвенков Киндигирского, Чильчагирского и Шемагирского родов. Материалы Рогинского целиком подтвердили правильность сближения типа А Прибайкальского неолита, с одной стороны, и современных эвенков и вогулов — с другой. Рогинский пришел далее к выводу, что „байкальская раса имеет большую древность, чем существующие ныне этнические и языковые подразделения Северной Азии, что она ниоткуда не приходила, но образовалась на обширном пространстве лесной Сибири“

В связи с результатами новейших антропологических исследований особое значение приобретают и некоторые археологические факты, находящие в них свое объяснение.

Счастливые находки последних лет на Лене (Хабсагаевский могильник), на Селенге (Фофаново) и в долине Ангары (падь Нохой, Ленковка и другие могильники) дают представление не только о составе украшений, бытовавших в энеолите, но и о характере одежды в целом, так как сотни перламутровых бус, кружки из нефрита, грушевидные бусы из клыков оленя и прочие украшения сохраняют в могиле свое первоначальное положение.

Судя по их расположению, самой характерной деталью одежды были передник или нагрудник, расшитый и унизанный кружочками из раковин или камня. В Фофановском могильнике такой передник, например, представлял сплошную широкую полосу из блестящих перламутровых бус, спускавшуюся от шеи до бедер. В пади Нохой и других могильниках нагрудник имел вид более узкой полосы, покрывавшей позвоночник погребенного и расширявшейся на тазовых костях.

Но такой нагрудник или передник — неперемнная принадлежность тунгусского костюма. Он всегда дополняет собой тунгусский „фрак“ со свойственным последнему разрезом спереди.

Казаки в момент первого столкновения с эвенками на трех Тунгусках Восточной Сибири видели и брали в ясак именно такие „шубенки тунгусские“. Путешественники XVIII в. оставили как описания, так и рисунки старинной тунгусской одежды — кафтанз или „фрака“ с нагрудником. „Поелику верхнее платье, которое впереди не совсем сходится, то привешивают они по большей части красиво выстроченный и корольками или раздувающимся крашенным волосом конским или козьим выложенной нагрудник, которой вверху в ладонь, а внизу в пядень, достает до половину лядвей и держится около шеи на веревочке“, писал, например, Георги о тунгусском нагруднике, размеры которого и украшения („корольки“) соответствуют древним энеолитическим нагрудникам с украшающими их бусами из перламутра.

Одежда энеолитических обитателей Прибайкалья имела следовательно тот же покрой, что и национальная одежда современных эвенков, столь резко отличающая их от степняков-бурят, от оленевод-

ческих племен тундры и сидячих приморских жителей северо-восточной Сибири.

Головной убор энеолитического времени также нетрудно представить по расположению украшавших его бусинок и кружков из камня в погребениях. Он, обычно, имеет вид „диадемы“, охватывающей лоб от виска до виска одной узкой сплошной полоской. В большинстве случаев нефритовые кружки и медные кольца оказываются у черепа, часто под ним; во многих случаях — в глазных впадинах, куда они явно сползли со лба и с темени. В пади Ленковке четыре круглых кружках из нефрита, симметрично расположенные на лбу, на затылке и по вискам, украшали головной убор, кроме того лоб был обрамлен „диадемой“.

И этот головной убор вполне разъясняется этнографическими параллелями из быта эвенков. „Диадема“ окаймляла помещающийся над глазами и лбом передний край обычной эвенковской меховой шапочки. В белых нефритовых кружках следует видеть не фантастическое кольцо для продевания косы, как думали раньше, а прототип серебряных бляшек, украшавших тунгусские шапочки еще в XVII в. и являвшихся собственными изделиями тунгусских мастеров, которые делали тогда эти кружки-бляшки из привозимого к ним китайского серебра. Как и современные эвенки, древние жители Прибайкалья украшали свою меховую обувь нашитыми на нее бусами, но не из бисера и не стеклянными, а из тех же перламутровых и каменных кружков.

Исключительно интересен костюм „шаманки“ из погребения № 3 в Усть-Уде. На голове у нее была традиционная „диадема“, обрамлявшая шапочку и нефритовое кольцо; на ее груди располагались каменные украшения обычного передника, а поверх последних лежали рядом два резных антропоморфных изображения из мамонтовой кости (такое же, но миниатюрное изображение обнаружено было около Братска при детском костяке).

Георги, кстати, писал о тунгусских нагрудниках, что тунгусы „благоговейно и суеверно носят на таковых нагрудниках, а летом просто на груди — жестяного идола во образе человека, зверя или птицы, и уповают на его покровительство, ожидают от него счастья в зверином промысле“.

Приложенный к труду Георги рисунок тунгуса в полном охотничьем вооружении и в праздничном костюме дает представление о таких антропоморфных фигурках, носимых древними тунгусами на нагрудниках, и является почти точным воспроизведением костюма усть-удинской энеолитической „шаманки“.

С ног до головы энеолитический житель тайги выглядел поэтому эвенком, а не папуасом, как того хотелось некоторым прежним исследователям.

Отмеченные элементы костюма: фрак с нагрудником, шапка и унты, характерные украшения — кольца и круги, нагрудные изображения — „хранители“, имеют следовательно важное значение, как надежное средство для распознавания этнической принадлежности древних жителей Прибайкалья. Но, кроме того, совпадение прослеживается и дальше, хотя и в более общих для хозяйства и материальной культуры чертах, а также в религии, искусстве.

1) В хозяйстве — это охота и отчасти рыболовство в тайге, как основное занятие.

2) В соответствующей этому хозяйственно-бытовому укладу материальной культуре: а) жилище: чум с очагом из камней, крытый дерном, шкурами или берестой; б) производственный инвентарь: лодки-берестянки, костя-

ные рыболовные крючки характерной формы, костяные рыбы-приманки типа так наз. „кайда“ и многое другое.

3) В социальном строе уже в глазковское время проявляются основные черты патриархально-родового общества эвенков, имущественное неравенство, рабы, межродовые войны.

4) В искусстве — прямолинейная геометрическая орнаментика, схематизация и условная трактовка объекта, „остроголовые боги“. Это была уже подлинная материнская почва искусства лесных племен современной Сибири.

5) В религии уже в энеолите существовала сложная и развитая религия, в которой много общего с позднейшим шаманизмом, особенно эвенков. Судя по погребениям, в Усть-Уде и Аносове теперь появились шаманы с их характерным облачением.

Многое в неолитическом погребальном ритуале разъясняется верованиями эвенков (охра в могилах и предание о Хеладан, рисующее представления об охре как крови мертвых, восточная ориентировка неолитических костяков и поясняющие ее тексты обращений к духам — проводникам умерших, речная ориентировка в энеолите и представления о „реке мертвых“ у эвенков, а также непонятное, на первый взгляд, для исследователей отражение в религии современных оленеводов-эвенков рыболовного быта, объясняющееся значением рыболовства в жизни их предков на энеолитической стадии).

Остается особый вопрос об отношении предков эвенков к другим племенам, в частности: а) к европеоидным племенам степей того времени; б) к лесным племенам современности, например вогулам, и к племенам арктики — эскимосам; в) к манчжурам, туркам и монголам. Такую же самостоятельную проблему представляет вопрос о том, что происходило в промежутке между энеолитом и XVII—XIX вв. Но это завело бы нас сейчас слишком далеко. На данном же этапе достаточно констатировать факты, определенно ставящие современных эвенков в связь с их отдаленными предками. Важно и то, что эти факты требуют пересмотра изначально сложившихся и ставших традиционными взглядов о южном происхождении тунгусов.

В последнее время особенно настойчиво развивал в ряде своих работ эту идею Широкогоров, который приводил тунгусов не только из северо-восточной Кореи и Манчжурии, но и из Китая.

Основные его доказательства: 1) антропологическое „сходство“ с тунгусским выделенного им северокитайского „типа Гамма“; 2) „южный“ покрой одежды эвенков; 3) южный (простой, не рефлексирующий) лук. Концепция Широкогорова была, как известно, принята этнографами „культурно-исторической школы“. Например, Копперс развивал эти положения тем, что вслед за Гикишем указывал, будто у тунгусов имеется южный „земледельческий“ культ неба, индийский (?) культ змеи. Но, как уже отмечалось антропологами, приводимые Широкогоровым антропологические данные не могут быть приняты во внимание (налицо лишь искусственно выделенные типы). Культ неба и змей — явление всеобщее (археологические материалы мадленского времени со стоянок Мальта и Мезин). Также и простой лук есть явление всемирное, изначальное в истории лука.

Главное же, „южная“ одежда, как действительно этнически-отличительная черта, на самом деле доказывает лишь автохтонность тунгусов в тайге, ибо „распашистое“ и „легкое“ платье облегчает движения лесного охотника. Идеальная их приспособленность к естественной среде и быту нашла свое отражение в том, что мы имеем не только платье

с разрезом, но целый культурно-бытовой комплекс: лыжи, костюм с нагрудником, унты, оморочка и чум. Эти элементы неразрывно связаны вместе. С такой культурой, такими застали тунгусов русские в XVII в. Такими помнят своих предков с незапамятных времен и сами эвенки. Такими они были и три тысячи лет тому назад, в энеолите, на берегах Байкала, Лены, Ангары и Селенги.

Второй мощный центр этногенеза неолитической эпохи в Азиатской части СССР представлял район распространения Амурской неолитической культуры. По сравнению с Прибайкальем население этих областей издавна проходило особенный путь

Для него были характерны: а) рыболовство, а не охота в качестве главного занятия; б) оседлость — поселки сидячих рыбаков, с большими землянками, а не легкими чумами, как у байкальских охотников; в) плоскодонная керамика, а не остродонная; г) принципиально иное искусство: неожиданно богатая криволинейная орнаментика, родственная орнаменту айну, маори, с одной стороны, и неолитических памятников Китая (культура Яньшао) и японских островов (Джомон-культура) — с другой, именно та „ленточная“ орнаментика, для которой типичны сложные орнаментальные мотивы: „плетенка“, спирали и меандры, а не прямолинейная геометрическая, как в байкальской культуре. И, как в Прибайкалье, достаточно обратиться к этнографии народов Амура, чтобы увидеть значительное соответствие и здесь древней культуры с современной.

Естественно, впрочем, поставить вопрос: каковы хронологические рамки, каков возраст амурского неолита? С этой стороны важно, что соседство могучего очага китайской культуры, оказывается, давало себя знать уже с очень отдаленных времен. У Хабаровска найдены погребения конца чжоусского времени. Это конец неолита на Амуре и, во всяком случае, уже не тот неолит, который существовал здесь в эпоху расцвета неолитической культуры. Последний, значит, падает по крайней мере на II—III тысячелетие до н. э. Совпадение с культурами типа Яньшао (Китай) и Шакуотуна (юго-западная Манчжурия), прослеживающееся во многом для неолитических памятников на Амуре типа древнейшего поселения на о. Сучу, подтверждает такую датировку. Естественно, что дольше всего и полнее всего следы древнейшей культуры этого рода сохранились в наиболее отсталых районах Приамурья: у ульчей, гиляков (нивхов) и айну.

Так, на новой базе, привлекая совершенно новый материал и расширяя неожиданным образом территориальный охват, мы волей фактов возвращаемся к теме, поставленной Л. Я. Штернбергом в его замечательной работе об айнской проблеме.

В то время как в Байкальском районе развивалась действительно северная, сибирская, в собственном смысле этого слова, культура, на Амуре в неолите была несомненно южная культура, с тихоокеанскими связями и, быть может, происхождением. Она вдавалась клином вдоль одной из величайших рек нашей части света в глубь северо-восточной части Азии, как прямое продолжение культур островного мира, окаймляющего восточную и юго-восточную Азию.

Отсюда видно, какой существенный вклад в древнейшую историю Сибири и советского Дальнего Востока и историю этнических взаимоотношений на этих территориях дает археология. Этот вклад тем важнее, что аналогичная картина выясняется для северо-западной Сибири, с одной стороны, и северо-восточной Сибири — с другой (культуры эскимосов и чукчей, хантэ и маньси). На территории Западной Европы, несравненно

лучше изученной, нельзя проследить такой прямой связи между древним и современным населением. Этого нельзя сделать даже и для степной полосы Сибири: вряд ли кто может сопоставить казахов, монголов и неолитические племена этих территорий.

В чем причина этого обстоятельства?

Прежде всего, очевидно, нужно считаться с огромными просторами Сибири, с разнообразием ее естественных условий и наличием ряда самостоятельных ландшафтных областей, широтных зон тайги, тундры, степей, особых геоморфологических районов (степной Минусинский край, горный Саянский пояс и т. д.). Это разнообразие географической среды predisполагало местное население к самостоятельному и самобытному развитию, содействовало раннему возникновению особенных локальных культур: рыболовов, охотников, морских звероловов, степных кочевников.

Что касается тайги, то ее огромные пространства, безграничные леса и широкие реки, изолируя отдельные племена, консервировали их своеобразный быт и локальные черты, а также и антропологические типы.

Еще важнее общая отсталость культуры и суровая природа, в условиях которой жили все эти „гиперборейцы“, определявшие медленные темпы развития. Сказывалось и то, что связи с соседями были ограниченные. Передовые центры тогдашнего мира были слишком далеки, исключение представлял только Китай, да и тот был замкнут долгое время в своих границах, (не случайно, кстати, что именно в Китае прослеживается такая же четкая связь неолита Яньшао с культурой и населением современного Китая).

В связи со сказанным надо особо отметить, что резким и вполне закономерным исключением для неолита и энеолита Сибири является степная афанасьевская культура.

Мы не видим сейчас в Сибири прямых потомков „афанасьевцев“, не наблюдаем и каких-либо пережитков их культуры. А между тем это была широко распространенная, яркая и оригинальная культура.

Чтобы понять и объяснить этот факт, нужно учесть два обстоятельства:

1) Афанасьевская культура чужда тому, из чего ее иногда прямолинейно выводят: типичному, т. е. известному нам сейчас наиболее полно лесному сибирскому неолиту. Особенно характерна с этой стороны афанасьевская керамика, отличная от лесной байкальской. Да и скольконибудь многочисленных памятников неолита по сути до сих пор в области ее распространения не обнаружено.

2) Тем интереснее то, что афанасьевская культура предстает перед нами с чертами уже очень высокого развития. Самое существенное, что люди афанасьевского времени располагали уже всеми главными видами домашнего скота. У них были лошади, коровы, овцы.

Обращает внимание и относительно высокая ступень обработки металла: имеются ножи с черенками, медные оковки для сосудов. И сразу же за ней следует андроновская культура с кельтами и другими изделиями очень совершенного типа.

Таким образом вопрос о переходе от камня к металлу в Минусинской котловине, о характере и происхождении афанасьевской культуры является более сложным, повидимому, чем об этом обычно думают.

Нельзя не обратить внимание на ряд элементов в инвентаре афанасьевской культуры, явно чуждых Сибири, особенно Восточной. Таковы: 1) раковины *Corbicula fluminalis* (из района Аральского моря); 2) куриленки ямно-катакомбного типа; 3) отмеченная С. В. Киселевым роспись

на сосудах из Тесинского могильника. Сюда же, очевидно, войдут: 4) развитое скотоводство; 5) довольно развитая техника обработки металла.

Не менее важно, что в афанасьевское время, совпадающее с концом китойской и началом глазковской стадии, на Енисее ясно проходит грань между монголоидным в основе населением Прибайкалья и европеоидным — степей.

С какими культурами и племенами Запада были связаны европеоиды — носители афанасьевской культуры, можно судить как по следам ямнокатакомбной культуры в степях юга России и на Северном Кавказе, так, в особенности, по вновь открытой кельтеминарской культуре в низовьях Аму-дарьи, в Хорезме. Генетически связанная с Западом, с его европеоидным населением, афанасьевская культура дала начало культурам степной бронзы. Но развитие последних не было прямолинейным; как свидетельствуют антропологические факты, в степях произошло распространение совершенно нового по типу монголоидного населения, возникли совершенно новые этнические образования.

Следовательно, в отличие от лесов, именно степи с возникновением скотоводства стали большой дорогой и для диффузий и для культурных влияний, и для миграций. Именно в степях Сибири издавна интенсивно развивались процессы скрещения и смешения племен и культур, а потому там нельзя проследить прямых связей, объединяющих древние и современные этнические образования, так, как это удается для более глухих лесных областей Сибири.

А. П. Окладников

ПРОБЛЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

Задача антропологии в разрешении исторических проблем и, в первую очередь, проблемы этногенеза, сводится к выяснению путей и времени первоначального заселения человеком отдельных районов и последующих смен населения, вызываемых переселениями людей.

В настоящем докладе я хотел остановиться на конкретном примере приложения антропологического материала в связи с вопросом о происхождении населения северо-западной Сибири. Вопрос о появлении человека в Сибири, как известно, до настоящего времени не разрешен в науке. Мы не знаем еще пока в Сибири стоянок мустьерского типа и, естественно, не знаем находок человека того времени. Поэтому основанные на конкретном археологическом и антропологическом материале вопросы, связанные с древнейшим заселением Сибири, относятся уже к более позднему этапу, к этапу существования человека современного типа.

Известно, что верхнепалеолитические стоянки в довольно большом количестве открыты в Сибири, они имеются на Алтае, под Томском, в долине Верхнего Енисея, в долине Ангары, наконец, в Забайкалье. Находок самого человека этой эпохи пока имеется очень мало. Об одной из этих находок я расскажу позднее. Пока что мы не имеем возможности точно установить происхождение и расовый тип населения палеолитической эпохи Западной и Восточной Сибири. Однако, некоторые данные, относящиеся к более поздним эпохам, позволяют, действуя ретро-

спективным путем, высказать кое-какие предположения о происхождении населения этих областей.

Известно, напр., что древнейшие антропологические находки в Западной Сибири, на Алтае и в Минусинском крае, относящиеся ко времени за 2000 лет до нашей эры, к эпохе так наз. афанасьевской энеолитической культуры, характеризуются выраженными чертами европеоидной большой расы. Два с половиной десятка сохранившихся черепов афанасьевской эпохи обладают более или менее общими признаками. На ряду с признаками, определяющими европейский тип вообще, т. е. с выступающим носом, не уплощенным, сравнительно коротким ортогнатным лицом, афанасьевские черепа характеризуются еще некоторыми специфическими особенностями, а именно — длинной формой и массивностью. Это выражается в большой ширине лица, в сильном наклоне лба, в сильно развитых надбровных дугах. Комплекс указанных признаков в настоящее время среди европеоидных рас не известен, он наблюдается только в ископаемом состоянии, начиная с верхнего палеолита Западной Европы.

Типы черепов, которые обычны для афанасьевской энеолитической культуры Западной Сибири, находят свои ближайшие аналогии в кроманьонском типе, столь характерном для верхнего палеолита Западной Европы. Так как все до сих пор найденные афанасьевские черепа относятся к этому типу и так как по ним нельзя установить никакой примеси монголоидных элементов, то, по всей вероятности, этот тип присущ древнейшим обитателям Западной Сибири.

Есть две возможности объяснения наблюдаемых фактов. Первая заключается в том, что афанасьевцы пришли на территорию Западной Сибири из других областей и полностью вытеснили более древнее население с занимаемых территорий. Другая возможность та, что афанасьевцы в значительной степени связаны или, во всяком случае, близки по своему расовому типу к древнейшему населению.

Первая возможность кажется мне мало вероятной. Трудно представить себе, чтобы на такой большой территории, как степи Западной Сибири, на данном этапе исторического развития произошло полное вытеснение людей более поздними пришельцами. Скорее можно допустить, что древнейшее население степной полосы Западной Сибири до Минусинского края антропологически относилось к европеоидному типу по своему происхождению, к типу кроманьонской расы Западной Европы.

Совершенно другое мы видим в Восточной Сибири. Неолитические могильники Прибайкалья дали уже несколько десятков хорошей сохранности костяков и черепов, которые указывают на то, что неолитическое население Прибайкалья в основной своей массе характеризовалось совершенно другими признаками, чем население Западной Сибири: плоским носом, выступающими скулами и т. д., т. е. признаками, присущими монголоидному типу. Как указывал А. П. Окладников, этот тип может быть прослежен среди прибайкальских тунгусов. Встречается он и у других народов. Вместе с гуннами этот тип проходит на Запад до Венгрии включительно. Некоторая европейская примесь, наблюдающаяся у населения прибайкальского типа, в основном не меняет дела, и неолитическое население Прибайкалья должно быть все же отнесено к монголоидной расе. Нет оснований предполагать, что это население Прибайкалья не явилось потомком древнейшего населения этой территории, поэтому я считаю возможным, что Прибайкалье было, повидимому, издавна заселено монголоидами.

Вопрос о древнейшем населении Западной Сибири, сложнее.

Данных об ископаемом населении имеется очень небольшое количество. Однако то, что имеется, позволяет прийти к некоторым любопытным выводам: во-первых, мы имеем небольшое количество черепов так наз. красноярской энеолитической культуры — повидимому синхроничной андроновской и карасукской, — найденных в могильниках Базаихи, в могильниках у стоянки Перевозная, под Красноярском. Эти черепа, в противоположность афанасьевским, т. е. южным степным, характеризуются довольно выраженными монголоидными чертами. Правда, их нельзя отождествлять с неолитическим населением Прибайкалья. Но так как материал по красноярскому неолиту не очень велик и так как разница между красноярским неолитическим населением и байкальским относится уже ко второму порядку, — то для окончательного установления этого факта необходим большой статистический материал и пока можно ограничиться только общими выводами о том, что неолитическое население долины Енисея под Красноярском уже в сравнительно отдаленное время относилось к монголоидному типу, тогда как на юге, в степях, еще господствовал европеоидный расовый тип.

Находка обломка черепа человека, сделанная участниками XVII геологического конгресса в 1937 г. на палеолитической стоянке Афонтово II под Красноярском, позволила мне установить, что этот монголоидный тип красноярского неолита уходит далеко в глубь веков. Обломок лобной кости с частью кости переносья, найденный на стоянке Афонтово II, настолько резко выражает черты монголоидного расового типа, что, несмотря на небольшие размеры этого обломка, несмотря на то, что он представляет единственную находку, принадлежность его к монголоидной расе не вызывает никаких сомнений. В частности, уплощенность переносья находится на нижней границе вариации высоты переносья детских черепов чукчей. Только в отдельных случаях даже у современных монголоидов можно отметить такую крайнюю степень уплощенности переносья, которая наблюдается на афонтовском фрагменте. На европейских же черепках, даже на детских, даже на черепках новорожденных европеоидного типа, такая степень уплощенности переносья никогда не встречается. Поэтому мы можем заключить, что район Красноярска был очень давно заселен монголоидами.

Таким образом оказывается, что население долины р. Енисея относилось к европеоидной расе в районе Минусинского котлована и к монголоидной расе в более нижнем течении. Мы имеем здесь, следовательно, разрыв между вероятно монголоидной областью Центральной Азии и монголоидной областью лесной полосы Западной Сибири.

На этом основании я предполагаю, что лесную полосу Западной Сибири человек заселил не с юга по течению рек, а с востока.

Известно, что в настоящее время лесная полоса Западной Сибири занята типами, в антропологическом отношении переходными между европеоидной и монголоидной большими расами. Экспедиция 1939 г., работавшая в долине Тыма и Ваха на Обь—Енисейском междуречье, установила весьма значительную европейскую примесь у туземного населения этой области. Ряд соображений — природные условия, изолированность населения по реке Ваха от русских — позволяет с полной уверенностью предположить, что эта европейская примесь не может быть целиком объяснена за счет смешения с русскими. Отдельные случайные связи с русскими, конечно, могли быть, но так как население р. Ваха и коренное население р. Тыма находилось не в большем отношении с русскими купцами, чем тунгусы и т. д., а европейская примесь у них гораздо отчетливее и резче выражена, то, следовательно, за счет русских

целиком относить эту европейскую примесь невозможно. Ясно, что она имеет гораздо большую древность.

¶ Вопрос, который встает в связи с образованием этого смешанного европеоидно-монголоидного расового типа, сталкивается с полным отсутствием палеоантропологических материалов по этому району Западной Сибири, а надо сказать, что соотношения между материалом по антропологии современного населения и ископаемого примерно такое же, как соотношение между этнографическим и археологическим материалом. Данные по антропологии современного населения имеются, что дает отправные точки для исследования, но распределение во времени элементов, выделяемых в современном населении, нуждается еще в проверке. Однако кое-какой антропологический материал имеется по лесной полосе Восточной Европы. Исследования, производимые в настоящее время Е. В. Жировым над костяками, найденными на Онежском озере, установили, что в составе населения Оленеостровского могильника имеется небольшая, но вполне определенная примесь монгольского типа. Исследование материалов, добытых археологом А. Я. Брюсовым в неолитическом могильнике, подтвердило наблюдения Жирова. Монголоидный элемент, который вошел в состав неолитического населения Северной России, может быть только восточного происхождения. Южная и восточная полосы Европы были заселены европеоидными типами. Следовательно, только с востока, только из Западной Сибири через Урал могла проникнуть эта монголоидная примесь, которая доходила до Балтики, а может быть и до Скандинавии. Этим объясняется и наличие монголоидных черт у современных лопарей и, в значительной степени, те отдельные разрозненные следы каких-то монголоидных или, как принято выражаться, лапоноидных типов, проникающих далеко на запад.

Таким образом распределение больших рас, распределение основных расовых типов в эпоху, предшествовавшую началу нашей эры, рисуется следующим образом.

В полосе степей от Урала до Минусинского края — потомки прото-европейского типа, связанные с кроманьонской расой в широком смысле этого слова. В Прибайкалье — монголоидный тип, который распространяется на запад до Прибалтики, но в крайних западных областях своего распространения уже очень давно, еще в неолите, смешивается с идущими с юга, заселявшими лесную полосу России, европеоидами. Около начала нашей эры в границах ареалов распространения основных рас происходят большие сдвиги, большие перемены. В Минусинском крае в это время впервые констатируется массовая примесь монголоидных типов. Она выражается, прежде всего, в погребальных масках таштыкской культуры; количество этих масок в настоящее время довольно велико. Антропологический анализ показал, что в их состав примерно в равной степени входит и европейский и монгольский расовые элементы. В дальнейшем, в VII—X вв. н. э. монголоидный тип в степях Западной Сибири преобладает, и в том палеоантропологическом материале, который до настоящего времени известен и относится к этой эпохе, уже никакой европейской примеси проследить почти не удастся. И если бы мы не знали определенно, что эти монголоиды железного века поселились на территории, ранее занятой представителями европеоидной расы, то возможно, что нам не удалось бы даже и высказать предположение о существовании последней. Правда, материалы по современному населению указывают на возможную европейскую примесь у некоторых народов Алтае-Саянского нагорья; такая примесь у шорцев прослеживается

в области племен Хакассии, живущих выше по Абакану. Этнографические и лингвистические данные, которые были получены в результате работы гг. Чернецова и Прокофьева, приводят их к выводу о том, что примерно к началу нашей эры относится распространение каких-то этнических волн из Южной Сибири и Алтае-Саянского нагорья на северо-запад. По всей вероятности именно в это время происходит инфильтрация европеоидных элементов на северо-запад Сибири в область расселения современных хантов — манси и племен самодийской группы.

Около начала нашей эры монголоидные элементы начинают проникать с юго-востока и в степную полосу Западной Сибири. Возможно, что к этому же времени относится проникновение европеоидных типов в лесную полосу Западной Сибири. Образование смешанных европеоидно-монголоидных типов Западной Сибири происходило:

а) на севере, в результате переселения, европеоидов на территорию, ранее занятую монголоидами;

б) на юге (Алтай, Хакассия) в результате переселения монголоидов на территорию, ранее занятую европеоидами.

Таковы общие результаты антропологических и палеоантропологических исследований на интересующую нас тему.

Само собою разумеется, что выводы, которые я сейчас изложил, носят очень общий характер. Дальнейшая детализация возможна, но она сталкивается с отсутствием антропологических данных по ряду даже современных народов Западной и Центральной Сибири; например, совершенно не затронута антропологическим исследованием тазовская группа. Лишь фрагментарные данные имеются по кетам. Кроме того, по отношению к северо-западной Сибири мы сталкиваемся с отсутствием ископаемого материала, который хотя бы в небольшом количестве должен иметься в нашем распоряжении для того, чтобы наметить основные вехи хронологических соотношений между указанными типами. В частности, вопрос о том, была ли в северо-западной Сибири более древняя европеоидная примесь, чем та, которая туда, вероятно, проникла около начала нашей эры, — вопрос, который перед нами вполне законно ставят, — мы не в состоянии еще разрешить потому, что установить время проникновения этих европеоидных элементов в эту область можно только предположительно.

Таким образом антропологический материал дает нам пока возможность в широких, в самых общих чертах, установить пути расселения человека на территории Западной Сибири на разных этапах исторического развития.

Г. Ф. Дебец

ОЧЕРК ЭТНОГЕНЕЗА ОБСКИХ ЮГРОВ

Настоящее сообщение является первой попыткой обобщить материалы по истории племен, населявших и населяющих Среднее и Нижнее Приобье. Материалы эти пока еще настолько бедны, что позволяют наметить путь образования современных обитателей Приобья, остяков и вогулов, лишь в самых общих чертах.

Территория Среднего и Нижнего Приобья расположена частью в полосе тайги, частью в зоне тундры. Такое различие в естественно-географических условиях на севере и юге этой области способствовало развитию и отличным друг от друга форм материальной культуры у обитавших здесь племен.

Наиболее ранние из известных нам памятников таежной полосы относятся к позднему неолиту. Они свидетельствуют о населении, основными занятиями которого были охота и рыболовство. Одно из таких поселений, сохранившееся наиболее полно, найдено на песчаном мысу некогда существовавшего, а теперь заросшего, озера в верховьях р. Ляпин, притока р. Северной Сосвы. Это поселение состояло из прямоугольных землянок, от которых осталось около двадцати ям. Некоторые из этих ям выделяются своими размерами. Так, площадь одной составляет 625 кв. м, при длине и ширине по 25 м. Другая, примерно равной площади, имеет в длину 28 и в ширину 22 м. Три других, несколько меньших, имеют по 20 м в каждой стороне. Прочие землянки не превышают площади в 100 кв. м. Глубина самых больших землянок достигает 3 м.

В 1934 г. геологом С. Г. Бочем и в 1935 г. мною была разведана одна небольшая землянка. В ней обнаружены долота, тесла, стрелы и ножи, шлифованные из твердого сланца, скребочки и отщепы из кремня и кварца. Глиняные сосуды имели яйцевидное днище, выделялись способом налепа и от края до донышка были сплошь покрыты гребенчатым орнаментом.

Судя по органическим остаткам, обнаруженным в культурном слое, занятиями обитателей землянок были охота и рыболовство, причем едва ли не главнейшим объектом охоты была лось.

Другие памятники этой эпохи, напр. стоянка в устье р. Хулум-Сунт, стоянка, обнаруженная под культурным слоем городища Сартынья I, дают материал, в основном совпадающий с только что названным. В стоянке Хулум-Сунт встречен также каменный просверленный диск (рис. 2, 6) и грубо обработанное клинообразное сланцевое орудие, рабочий край которого сильно избит и зазубрен. По всей вероятности это — мотыга, служившая для разрыхления земли при постройке землянок (рис. 2, 5). В стоянке Сартынья I найдено тесло очень хорошей работы (рис. 2, 7).

Орудия и керамика всех этих памятников очень близки к материалам из поздне-неолитических стоянок восточной части Среднего Урала — Левшинской и у Гремячего Ручья. На основании этой близости их можно, с известной осторожностью, отнести ко II тысячелетию до н. э. Дальнейшие работы, надо полагать, позволят уточнить эту датировку и определить хронологические рамки данной культуры.

В отношении уровня общественного развития обитателей поздне-неолитических стоянок Приобья следует отметить то, что огромные землянки, при низком уровне развития тогдашней техники, могли быть построены лишь силами коллектива и, очевидно, их следует считать общинными жилищами, характерными для материнского рода.

В памятниках конца II и I тысячелетия до н. э. мы находим в общих чертах ту же культуру, но уже с более развитой техникой. Каменные орудия встречаются реже. Обычнее всего лишь наконечники стрел (рис. 2, 8) и скребки (рис. 2, 9). В то же время глиняные сосуды становятся разнообразнее как по формам, так и по орнаменту. Появляются плоскодонные горшки, неглубокие миски (рис. 2, 11). Орнамент богаче и, кроме простого гребенчатого, применяются иные виды штампа (рис. 2, 10, 12, 13), особенно в I тысячелетии до н. э. (рис. 2, 14—17). Жилищем, по крайней мере зимним, остается землянка, но размеры ее заметно сокращаются и уже не превышают 300 кв. м. Сокращение домово́й общины, являющейся, надо думать, основной хозяйственной единицей, идет параллельно с развитием техники, позволявшей выполнять теперь те же процессы при меньшем количестве рук.

Иные формы имела древняя культура северной части территории Приобья. Последняя стала известна лишь недавно. В 1929 г нам удалось обнаружить на п-ове Ямале остатки поселений приморских охотников-зверобоев.¹ Правда, ямальские памятники относятся к сравнительно позднему времени, но генетически они несомненно связаны с более отдаленным прошлым, почему и заслуживают особого внимания.

На мысу Тиутей-сале (Моржовом) вдоль кромки высокого обрыва при слиянии рек Тиутей-яга и Сэр-яга располагается поселок из трех неглубоких землянок. Землянки были круглые, с очагом посредине. Кровля их поддерживалась вертикальными столбами. Пол был покрыт плотным слоем слежавшейся деревянной щепы, угля, обгорелых костей, обрывков кожи, кусочков китового уса. Значительная мощность слоя говорит о том, что землянки служили местом длительного обитания. Как внутри, так, особенно, и снаружи рассеяно множество костей животных: моржа, тюленя, кита и белого медведя. В меньшем количестве встречаются кости оленя, песка и различных птиц. В одной из землянок найдены различные орудия и фрагменты глиняной посуды. Употреблялись каменные изделия. Из них обнаружены: кварцевый скребок для выделки кожи, обломки шлифованных орудий, оселки из песчаника и сланца. Из кости выделывались грубые наконечники стрел, долота, перекладыны для рукояток вёсел, ложки, лопаточки-скребки для обработки кожи.

Дерево (его здесь всегда можно найти на берегу моря) также служило материалом для различных поделок. Для изготовления сосудов употреблялась синеватая глина, к которой примешивали крупнозернистый песок. Сосуды выделывались способом налепа и представлены двумя основными формами: круглодонные с более или менее высокой и прямой шейкой и боченкообразные плоскодонные с невысоким поддоном. Встречаются и неглубокие миски. Орнамент посуды довольно богатый и изящный, нанесен гребенчатым и другими штампами (рис. 2, 13). Металлические изделия очень редки. Найдены только железные наконечники стрел, нож, кольцо. Несмотря на бытование каменных орудий, наличие железа и характерные формы сосудов дают право отнести землянки на мысу Тиутей-сале к I тысячелетию н. э. Бронзовые предметы, напр. эполетообразная застежка пьянобэрского типа с изображением медведя, прямоугольные бляхи того же времени, изображение птицы ломоватовского типа, найденные в аналогичных памятниках, подкрепляют такую датировку.

Поселение на мысу Тиутей-сала не единично. По сведениям, которыми мы располагаем, аналогичные, повидимому, памятники встречаются и в других пунктах побережья полуостровов Ямала и Явая, на о. Белом, на востоке — вплоть до устья р. Хатанги, а на западе — по всему побережью Большеземельской и Малоземельской тундры до Канина Носа. Эта своеобразная приморская культура выросла, очевидно, из так наз. „арктического неолита“, памятники которого, относящиеся к середине I тысячелетия до н. э., обнаружены на р. Печоре, в устье р. Индиги (Чешская губа) и на о. Оленьем, близ Мурманского побережья. Так, напр., мы встречаем в обеих культурах гарпуны одинаковой формы для охоты на морского зверя. Гарпуны эти — из кости с одним или двумя симметрично расположенными шипами, с вкладными остриями. В отличие от берингоморских, западные гарпуны обычно имели не втулку, а насад, входящий в костяную трубку.

¹ В. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямале. Сов. этногр., 1935, № 4—5.

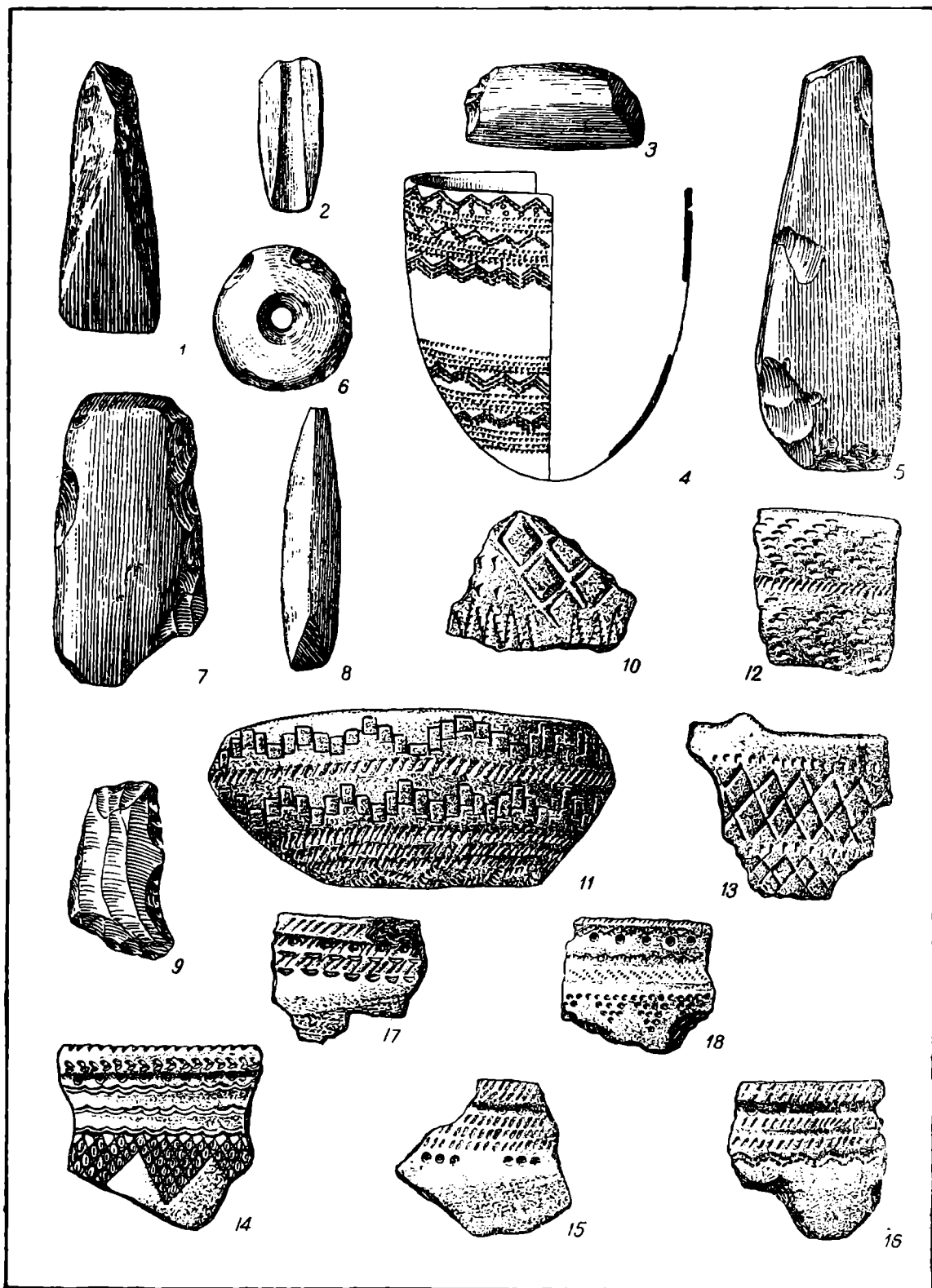

Рис. 2. Предметы из поздненеолитических стоянок (1—7):

1—3 — шлифованные орудия из стоянки Честный-яг ($\frac{1}{3}$ нат. вел.); 4 — реконструкция сосуда из стоянки Честный-яг; 5 — шлифованное тесло (стоянка под культурным слоем городища Сартынья I) ($\frac{1}{2}$ нат. вел.); 6 — шлифованное орудие (возможно маховичок для сверла, Хулюм-суит) ($\frac{1}{2}$ нат. вел.); 7 — тесло (Сартынья I).

Предметы из памятников эпохи бронзы (8—16; $\frac{2}{3}$ нат. вел.):

8 — наконечник стрелы из сланца (Сале-Хард); 9 — скребок (Сале-Хард); 10—11 — фрагменты керамики (Сале-Хард); 12—18 — фрагменты керамики (Сартынья I).

Для западно-приморско-арктической культуры, как и для восточной, были характерны: развитой морской зверобойный промысел (особенно моржа); оседлые поселения в землянках, у самого берега моря, чаще всего на мысах и в устьях рек; изобилие костяных изделий и глиняная посуда; употребление кожаного каяка типа эскимосского; применение в охоте на морского зверя костяного гарпуна; местами применение костей кита в строительном деле.

В значительной части побережья приморская культура просуществовала до первой половины II тысячелетия н. э., а в наиболее глухих и удаленных местах дожила, очевидно, и до второй его половины.

Старинные путешественники (Пьер де-ля-Мартиньер, Стефан Барроу, Белявский) передают много ценных деталей из быта населения побережий Баренцова и Карского морей. Они еще застали там в повсеместном употреблении примитивные деревянные костяные и каменные орудия.¹

Жители побережья имели закрытые кожаные лодки типа эскимосского каяка с остовом из кости и дерева и пользовались гарпуном. Они татуировались, причем татуировка их напоминает чукотскую.

В фольклоре современных обитателей тундры, ненцев-оленоводов, отразились воспоминания об этих приморских жителях — охотниках на морского зверя, об их полуподземных жилищах в виде холмов на выдававшихся в море мысах.

Согласно преданиям приморские охотники не жили круглый год в землянках. Последние служили только зимними жилищами, а летом обитатели их уходили в глубь тундры для охоты на дикого оленя, линного гуся и для рыбной ловли по рекам и озерам. Следы этих перекочевков служат стоянки по берегам тундровых озер на дюнах Тазовской и Обской губы и берегом Карского моря. Некоторые стоянки в Тазовской губе относятся еще к эпохе ранней или средней бронзы и содержат, наряду с керамикой, довольно близкой к керамике Тиутей-сале, остроконечники из кости, каменные скребки и кремневые наконечники стрел с выемкой. Другие дюнные стоянки, относящиеся к эпохе поздней бронзы и железа, известны к югу от мыса Тиутей и в дельте Оби.

Об этнической принадлежности населения Среднего и Нижнего Приобья эпохи позднего неолита можно сказать пока очень мало. Данные антропологических исследований указывают, с одной стороны, на наличие монголоидных черт, являющихся, очевидно, древними для данной территории, а, с другой стороны, на то, что значительного отличия между северными и южными группами населения по всей вероятности не было. Как для тех, так и для других прослеживаются древние связи с востоком Сибири. По Г. Прокофьеву, основывающемуся на данных языка, племена арктического побережья были в некоторых отношениях близки палеоазиатам северо-востока Сибири. Монголоидные черты имеет также и череп из погребения под полом землянки на мысу Хаэн-сале на берегу пролива Малыгина. В таежной полосе связь аборигенов Приобья с востоком четко прослеживается на основании формы каменных топоров, так наз. „топоров с ушками“, считавшихся ранее присущими лишь Восточной Сибири.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. в культуре племен, обитавших на территории северо-западной Сибири, стали появляться элементы до той поры там неизвестные, но хорошо знакомые нам из более южных степных культур. К началу нашей эры они приобретают более отчетливые черты.

¹ В. Чернецов, ук. соч., стр. 128.

Наиболее ранними следами таких связей являются бронзовые котлы, встречающиеся в лесной части Оби и Иртыша. Некоторые из них, напр. найденный на горе Куйлайка Нарымского округа, должны быть отнесены к минусинскому курганному этапу. Серединой и второй половиной I тысячелетия до н. э. датируются кельт и миниатюрный вотивный клевец, найденные при устье р. Полуя, секира и клевец из Березовского района. К началу нашей эры на территории Приобья не только проникали импортные вещи, но и выдвигались уже на месте предметы, близкие к степным того времени. Выразительным свидетельством этого служит появление глиняных сосудов, копирующих скифские котлы и почти целиком вытеснивших ранее существовавшие типы керамики. Такие сосуды были распространены по всей территории Остяко-Вогульского округа.

Большой интерес для понимания событий начала нашей эры в Приобье представляет недавно открытый памятник в устье р. Полуя. Место это благодаря исключительно удобному своему положению — на высоком песчаном берегу при впадении р. Полуя в Обь, недалеко от Обской губы, на границе леса и тундры, — было обитаемо и раньше, задолго до нашей эры. Не было оставлено оно и в дальнейшем, во всяком случае до V—VI вв. н. э. В продолжение почти целого тысячелетия устье р. Полуя являлось то местом поселения — в ананьино-пьяноборское время, — то пунктом для жертвоприношений (IV—VIII вв. н. э.), а иногда и тем и другим. Существовало там когда-то и городище, от которого сохранились следы вала и рва.

В культурном слое было найдено около 12 000 предметов. Находки показывают, что основным занятием населения Полуя была охота, в частности, на морского зверя и затем рыболовство. Найдены искусно сделанные из кости гарпуны (рис. 3, 1—2), наконечники стрел разнообразных форм, главным образом трехгранные и ромбические (рис. 3, 3—4), а также с вытянутым черенком и жальцами, костяные пластинки, служившие обкладками концов лука. Значительное место занимало в хозяйстве собирательство. Найдены костяные части копалок. Нередки и поделки из бронзы. Можно указать кельты и наконечники стрел своеобразных типов (рис. 3, 5, 7). Песты и терки из камня применялись, вероятно, для растирания съедобных корней, ягод и т. п. Из домашних животных была собака. Она служила упряжным животным, о чем свидетельствуют костяные детали упряжи, а также и резное изображение запряженной собаки. Существенно, что собака, как это и характерно для собаководов, употреблялась в качестве жертвенного животного. На это указывает груда собачьих черепов с пробитыми затылочными костями.

На основании некоторых находок можно предположить также существование прирученного оленя-маньщика, но ездвое оленеводство обитателям Усть-Полуя известно не было.

Замечательной особенностью полуйских находок является изобилие бытовых изделий из кости, притом богато украшенных (рис. 3, 9, 12).

В Усть-Полуе ярко выявлено сочетание двух, глубоко отличных между собой культур. С одной стороны, это выше охарактеризованная охотничье-рыболовческая культура арктического типа. С другой стороны, в Усть-Полуе имеются элементы южной и степной культур. К таким (не считая импортных вещей) относятся глиняные сосуды с высоким поддоном, копирующие степные бронзовые котлы (рис. 3, 14), изображения кинжалов, близких по форме к скифо-сарматским, вотивные бронзовые кинжалы и кловцы поздне-тагарского типа (рис. 3, 6, 8), высокие гребни, украшенные скульптурной резьбой (рис. 3, 10, 11) и т. д.

Не менее четко отражена эта двойственность культуры в богатом, стоящем на высокой ступени мастерства местном изобразительном искусстве того времени. С одной стороны, в нем отражаются чисто реалистические традиции. Изображения животных по художественной выразительности близки к образам, известным по памятникам позднего неолита и ранней бронзы на Среднем Урале.

С другой стороны, во многих вещах оказываются совершенно иные художественные традиции. К таким надо отнести часто повторяющееся изображение орла, клюющего оленя (рис. 3, 10), — сюжет хорошо известный в искусстве ранних кочевников Сибири. С последним искусство Приобья роднит и изображение свернувшегося в кольцо хищника, нацарапанное на одном из бронзовых дисков пьяноборского времени. В восточной части этой территории также обнаруживаются следы связей со степью, как напр., части чешуйчатого рогового панцыря сарматского типа, найденные при рытье Обь-Енисейского канала, скифские котлы, изображения неживущих в тайге животных — кабана, барана; бронзовая литая фигурка, представляющая свернувшегося в кольцо хищника, и т. д., найденные в памятниках Нарымского края.

Глубина происшедших изменений свидетельствует о том, что они были обусловлены не только развитием обмена с югом, хотя таковой тоже имел место, но и появлением в северо-западной Сибири нового этнического элемента, принесшего с собой иные навыки — традиции степной скифо-сарматской культуры.

В фольклоре остяков и вогулов встречается этноним сёпыр-сипыртяпыр, в своих вариантах распространенный также в топонимике, — названия родов и фамилий. Как установлено рядом исследователей, даже не имевших еще тогда в своем распоряжении современных археологических материалов, этот этноним следует связывать с именем гуннского племени сабиров-себеров, или сабир-угоров. Второй компонент последнего имени, имеющий параллели среди племенных названий степной полосы, в частности скифского племени иирков, в свою очередь также смыкается с названием обитателей Приобья — юграми. Кроме того, само название остяков „хантэ-хунту“ с большой долей вероятности может быть сближено с именем „хунну“ — гунны. Самоназвание вогулов „маньси“, как известно, совпадает с самоназванием венгров „магуар“ (по языку близких к остякам и вогулам), для предков которых установлена тесная связь с кочевым населением степей в начале нашей эры. Следует отметить при этом, что и сохранившаяся в мансийском фольклоре древняя коневодческая терминология, совпадающая с венгерской, указывает на свое происхождение из иранских языков.

Появление в Приобье этого нового этнического элемента и последующее скрещение его с аборигенным населением привело к возникновению современных вогулов и остяков. В основном этот процесс протекал в рамках пьяноборского времени.

Пришельцы, югры по языку, во время своего пребывания в степи первоначально входили в состав скифо-сарматского мира; двигаясь на север, они утратили коневодство, восприняли материальный быт охотников и рыболовов. В то же время югры оказали очень глубокое влияние на технику, общественный строй, идеологию и особенно на язык местных племен, который сменился в основном югорским. Лишь в фольклоре, изобразительном искусстве и обрядах сохранилось отражение их былого знакомства с лошадью.

С приходом югров в Приобье начинает развиваться металлургия, которая если и существовала здесь раньше, то находилась в зачаточном

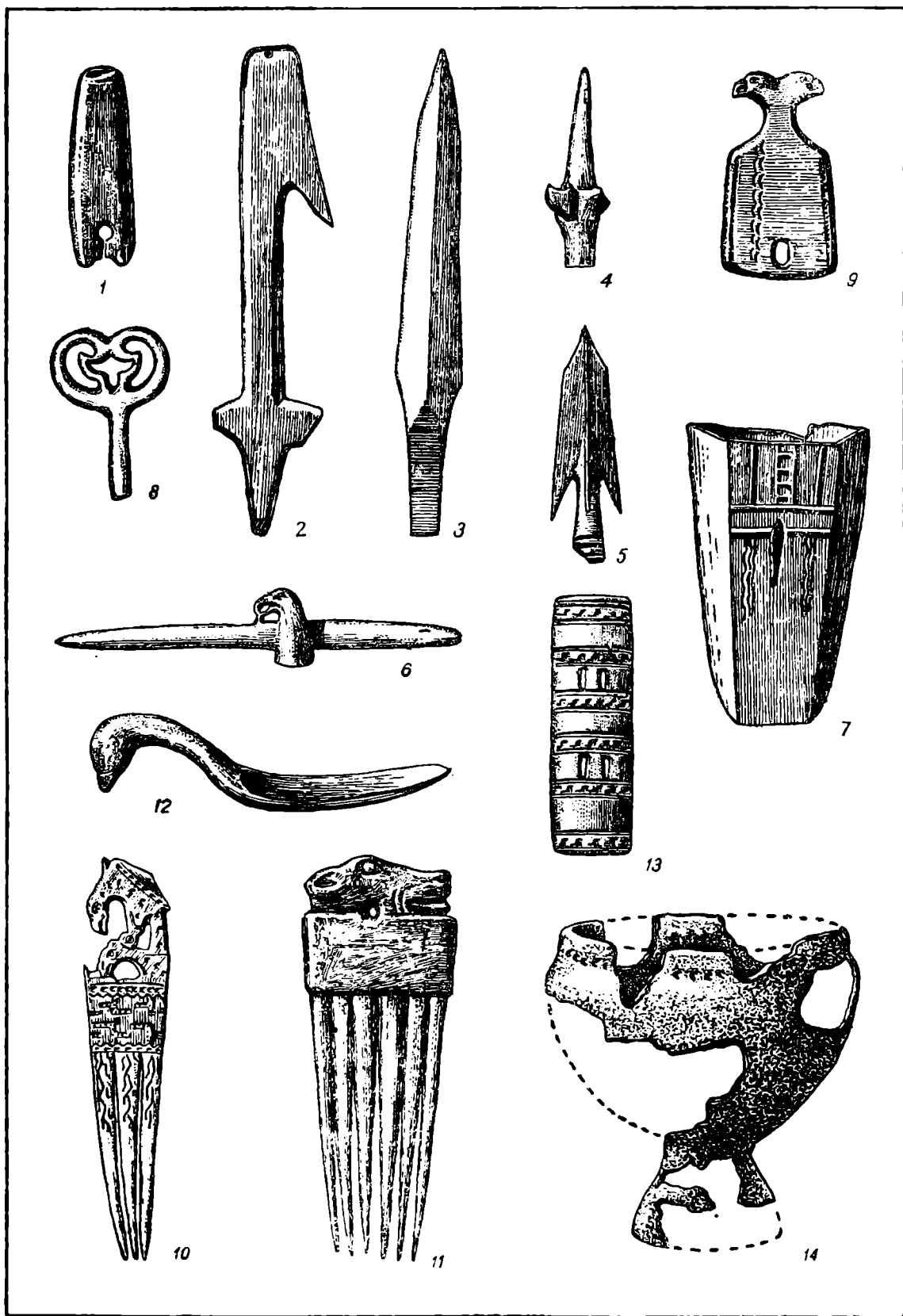

Рис. 3. Предметы из памятников полуйской культуры (около начала н. э.).
 1-14 — Усть-Полуй (1-12 — 1/2 nat. вел.; 13 — nat. вел.).

состоянии. В ранне-югорский период (совпадающий по времени с пьяноборским Западного Урала) появляется уже местное металлургическое производство. Сюда относится медное литье, изделия весьма архаической и своеобразной формы. Это плоские фигурки, изображающие животных, людей, а также существ со смешанными зооморфными и антропоморфными чертами. Фигурки очень примитивны по виду и технике. Они отлиты в земляных формах, о чем можно судить по неровной шероховатой поверхности, не подвергавшейся последующей обработке и сглаживанию. Форма могла служить для отливки только один раз. По типу изображения можно различить два центра этой металлургии — восточный, охватывающий верхнее течение Оби и междуречье Оби и Енисея, и западный — бассейн среднего, а вероятно, и нижнего течения Оби.

Характерной особенностью плоского литья западного района является то, что одно и то же изображение повторяется нередко в количестве одного — двух десятков. При этом многие из таких серийных изделий, напр. фигурки бегущих волков, найденные на Иртыше, оказались все без исключения переломленными пополам. Такие вещи, несомненно, имели культовый, магический характер. Так, у кондинских вогулов еще вплоть до начала XX в. существовал обычай отливать из меди фигурку животного или птицы, чтобы заставить душу вернуться в покинутое ею тело человека.

На связь „плоского литья“ с южной степной культурой указывает близость изображений, найденных в различных пунктах Приобья, по их трактовке к изображениям воинов, найденным около д. Сапоговой вблизи г. Свердловска, вооружение которых напоминает сарматское. Близость „плоского литья“ к „сапоговским фигуркам“ подчеркивается и тем, что последние тоже имеют серийный характер.

Восточный район характеризуется так наз. „ажурным литьем“, вещами в высшей степени своеобразной формы, которые можно сопоставить с изображениями на позднейших шаманских принадлежностях кетов.

Очевидно, именно вследствие своей религиозной роли архаическое плоское литье сохранялось неизменным на протяжении всего пьяноборского времени, хотя и сосуществовало с литьем уже более совершенных форм.

Последнее, как можно предположить, развивается под влиянием высокой металлургической техники западного Урала пьяноборского времени. Вместе с техникой проникают на восток и характерные вещи, сыгравшие немалую роль в развитии местного искусства Приобья в I тысячелетии н. э. Примером этого могут служить своеобразные эполетообразные застежки камского типа, на основе которых в Приобье развился своеобразный локальный вариант таких изделий.

К середине I тысячелетия н. э. этногенетические процессы Приобья в основном уже закончились и имели своим следствием возникновение обско-югорских племен, сложившихся в две народности, чрезвычайно близкие между собой по языку и культуре — хантов (остяков) и манси (вогулов).

В это же время в результате изменений, происшедших в технике (развитие металлургии), расширения межплеменного обмена, а также и непосредственного влияния стадильно более высокого югорского общества, на территории Приобья происходит смена матриархального строя патриархальным. Многочисленные укрепленные поселения-городища и находки пластинок от костяных панцырей (рис. 3, 13) указывают на то, что военные столкновения в это время становятся более частыми. Отражением этой эпохи, вероятно, и являются пляски с мечами во время

родовых и племенных обрядов остяков и вогулов, бытовавшие до начала XX в.

Восточнее, в районе Нарымского края и Обь-Енисейского междуречья, около середины I тысячелетия н. э. наблюдается появление новой этнической волны — самодийских племен, пришедших в соприкосновение с кетами и восточной группой обско-югорских племен. Результатом их прихода явилось возникновение селькупов — народности, соединившей в своей культуре черты местного населения — кетов и югров и пришлого — самодийцев с преобладанием языка последних.

Итак, во второй половине I тысячелетия н. э. в северо-западной Сибири мы застаем следующую картину расселения этнических групп.

На востоке по левобережью Енисея и отчасти по междуречью — кеты и соседящие с ними на западе селькупы. По бассейну средней и нижней Оби и нижнему течению Иртыша — обско-югорские племена (вогулы и остяки). Последние на юге соседнили с кара-киданиями, которых именовали хатань“, название впоследствии перенесенное на татар. Далее к западу племена югров, скорее всего вогулов, населяли склоны Среднего Урала до широты нынешнего Свердловска, по рр. Туре, Тагилу, Нейве, Режу и на западном склоне по р. Чусовой, бассейнам Верхней Камы и Верхней Печоры. На севере за полярным кругом югры граничили с древними аборигенными племенами Арктики, причем тундра была населена, вероятно, сравнительно слабо.

Связи между таежной и степной частями Сибири не были односторонними и не ограничивались лишь проникновением степных кочевников на север. Многочисленные находки показывают проникновение вещей, типичных для Приобья и даже для западного склона Урала — фигурок птиц, шумящих подвесок и пр. — далеко на восток и юго-восток до предгорий Алтая.

Во второй половине I тысячелетия н. э. наблюдается значительное развитие торговых сношений между вогулами и остяками и внешним миром. Старые связи югров с югом не оборвались после их водворения к Приобью. По знакомым уже путям поступают на север товары из далекого Ирана и Хорезма, в обмен на меха, мамонтову кость и „рыбий зуб“

Следы этих сношений обнаруживаются в виде серебряных блюд, в значительном количестве найденных в бассейне Оби и на Камском Урале.

Блюда эти играли особую роль в религиозных церемониях обских югров, связанных с солнечным культом, максимальное развитие которого падает именно на I тысячелетие н. э. Этой ролью, очевидно, и объясняется то большое количество, в котором блюда ввозились на север. Много их уже найдено в виде кладов, а немало и по сей день находятся на жертвенных местах Приобья. Так же отчетливы следы торговых сношений и с более культурными западными соседями югров, о чем имеются уже сведения арабских писателей.

Развитие обмена способствовало нарастанию новых элементов общественного строя Приобья, во всяком случае в местах, стоявших ближе к торговым путям. Находки на поселениях конца I-го тысячелетия: „Барсов городок“ (Сургутский р-н), на месте Искера (близ Тобольска) показывают, что на фоне старых очень устойчивых культурных традиций появляются новые черты, свидетельствующие о глубоких изменениях в материальной культуре и общественном строе, о развитии скотоводства, по крайней мере в южных частях территории, обработки железа, о торговых сношениях и появлении имущественного неравенства.

Правда, в районах более удаленных развитие югорского общества протекало во много раз медленнее. Там еще во II тысячелетии суще-

ствовали большие коллективные дома, свидетельствующие о сохранности первобытно-общинного уклада.

Около X в. в тундрах северо-западной Сибири появляются кочевники — оленеводы-самодийцы. Продвигаясь с востока и отчасти с юго-востока на запад, самодийцы ассимилировали аборигенов Арктики, а отчасти и северные группы югров, воспринимая одновременно с этим элементы их культуры, более приспособленной к местным физико-географическим условиям.

Освоение тундры самодийскими племенами закончилось, вероятно, уже в первые века II тысячелетия, но в наиболее отдаленных местах арктического побережья древняя приморская культура, как сказано выше, продолжала существовать и позднее, вплоть до XVI—XVII вв. В первые же века II тысячелетия северные племена югров заимствовали от ненцев оленеводство.

В. Н. Чернецов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МАНСИ

1

До самого последнего времени наши сведения об антропологическом типе манси основывались почти исключительно на данных С. И. Руденко, который обследовал в бассейне Северной Сосьвы и Ляпина 75 человек. По Руденко, манси характеризуются как низкорослые мезокефалы с низкой головой, умеренно темной окраской волос и глаз, сравнительно небольшим, довольно низким лицом, средне-выступающим носом чаще всего с вогнутой спинкой и умеренным развитием монголоидных особенностей глаза (в частности эпикантуса).

На основании материалов Руденко многие антропологи считали манси наиболее характерными представителями угорской или уральской расы, которая большей частью включалась в состав монголоидов, хотя у них (манси) и отмечалось наличие признаков, переходных к европеоидным. Однако уже некоторые старые материалы показывают, что суммарное отнесение манси к уральскому типу не выдерживает критики. Описательные характеристики физического типа манси, данные Носиловым¹ и Малиевым, наводят на мысль, что кроме уральской расы в состав вогулов вошли другие антропологические элементы.

Материалы, которые были собраны Северо-Уральской экспедицией Музея антропологии МГУ летом 1939 г., дают возможность значительно дополнить и расширить наши сведения об антропологическом составе манси.

Северо-Уральская экспедиция работала в пределах Молотовской и Свердловской областей. Она обследовала манси трех групп: во-первых, совершенно обрусевших метисов Усть-Улса в верховьях Вишеры, к западу от Уральского хребта; во-вторых, манси Ивдельского района, живущих, главным образом, в верховьях Лозьвы и ее притоков, а также частично в верховьях Пельма, и, в-третьих, манси низовьев Пельма и Вагиля в Гаринском районе. При наших работах мы старались охватить обследованием все взрослое мужское население, что в значительной степени и удалось. 213 мужчин и 187 женщин, которые были изучены, составляют большую часть мансийского населения Ивдельского и Гаринского районов.

¹ К. Д. Носилов. У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904, стр. 1—2.

Первое, что поразило нас при самом беглом знакомстве с ивдельскими манси, — это большое физиономическое сходство многих из них с енисейскими кетами. Неслучайно в практике полевой работы один из наиболее распространенных в ивдельской группе антропологических комплексов был обозначен нами как „енисейский“. Подчеркиваем условность этого названия, возникшего в процессе получения первых впечатлений.

Что сближает ивдельских манси с кетами? Прямые волосы, слабое развитие третичного волосяного покрова, в частности бороды, иногда полное отсутствие растительности на лице, широкое уплощенное монголоидное лицо, и в то же время сравнительно выступающий нос, часто с выпуклой спинкой и опущенными кончиком и основанием, сравнительно слабая выраженность монголоидных особенностей глазной области (складки верхнего века и эпикантуса). Перечисленные черты напомнили то сочетание признаков, которое характерно для кетов, судя по антропологическим данным об этом народе, к сожалению, далеко не полным и методически не вполне удовлетворительным.

Дальнейшие полевые и лабораторные работы подтвердили реальность описанного „енисейского“ комплекса у манси. Уже простое сопоставление суммарных антропологических характеристик ивдельских, пельымско-вагильских, кондинских и сосвинско-ляпинских манси показывает, что ивдельцы по многим признакам отличаются от своих соплеменников и приближаются к той комбинации признаков, которая характерна для кетов. Ивдельские манси монголоиднее остальных групп, обследованных нами, по развитию третичного волосяного покрова, по горизонтальной профилировке и ширине лица и по некоторым другим признакам. В то же время у ивдельцев слабее развит эпикантус (особенно резко различия с северными манси по данным Руденко) и значительно больше процент выступающих носов с выпуклой спинкой и опущенными кончиком и основанием (табл. 1).

Еще резче особенности „енисейского“ комплекса выступают в том случае, если произвести антропологический анализ по родовым группам. Правда, к такому анализу следует подходить с большой осторожностью, так как в виду экзогамности родов внутри них всегда происходит значительное смешение. Однако у ивдельских манси некоторые родовые группы до известной степени являются и территориальными.

Мы выделили прежде всего группы Бахтиаровых и Анямовых, которые занимают в пределах Ивдельского района более западную территорию в верховьях Лозьвы, Вишеры и Печоры.

Оказалось, что у представителей этих родов — сильнее у Бахтиаровых, в меньшей степени у Анямовых, — черты „енисейского“ комплекса выражены сильнее, чем у представителей других родов и чем у группы ивдельских манси в целом. Бахтиаровы и Анямовы обладают большим количеством прямых волос. Рост бороды у них значительно меньше, окраска волос и глаз темнее, лоб более наклонный, надбровья развиты сильнее, лицо значительно больше, шире и выше. В то же время эпикантус и складка верхнего века встречаются в меньшем количестве, а процент выступающих носов с выпуклой спинкой, опущенными кончиком и основанием очень высок (табл. 2).

Все это, несмотря на небольшое число обследованных в каждой родовой группе, дает возможность заключить, что наметившийся „ени-

Таблица 1

Антропологическая характеристика манси

(взрослых мужчин)

Признаки	Группы и авторы				
	Усть-Улсская (Трофимова и Чебоксаров)	Ивдельская (Трофимова и Чебоксаров)	Пелымско-Вагиль- ская (Трофимова и Чебоксаров)	Кондинская (Доскач)	Сосьвинско- Ляпинская (Руденко)
Число исследованных	50	60	103	150	75
Рост в см .	165.4	159.4	161.5	159.9	156.7
Форма волос: $\frac{0}{100}$ прямых .	46.8	44.8	57.4	—	—
Рост бороды: М (1—5)	2.46	1.89	2.26	—	—
Цвет волос { $\frac{0}{100}$ черных (№ 27, 4—5) $\frac{0}{100}$ светлых (№ 88, 9—26)	16.7 16.7	30.5 5.1	38.1 9.3	— 5.6	— 1.3
Цвет глаз { $\frac{0}{100}$ карих и каре-зеленых) . $\frac{0}{100}$ голубых и синих	24.0 20.0	53.3 5.0	53.5 2.9	42.4 17.4	76.0 1.3
Продольный диаметр в мм .	190.0	191.3	188.8	185.1	192.2
Поперечный диаметр в мм	153.3	153.1	152.4	154.1	149.9
Головной указатель .	80.8	80.0	80.8	83.5	78.3
Высота лица в мм (от переносья) .	122.5	117.8	118.7	118.5	119.5
Скуловая ширина в мм .	141.9	145.0	142.5	144.6	142.1
Нижнечелюстная ширина в мм	112.8	113.9	111.0	111.9	106.5
Горизонтальный профиль лица: М (1—3)	1.98	1.66	1.74	—	—
Складка верхнего века: $\frac{0}{100}$ наличия	75.5	81.7	75.0	—	—
Эпикантус: $\frac{0}{100}$ наличия	6.0	21.7	24.8	37.2	46.7
Носовой указатель 1 (от переносья) .	74.4	77.1	74.5	73.3	79.1
Высота переносья: М (1—3)	2.06	1.88	1.99	—	—
Спинка носа { $\frac{0}{100}$ вогнутых $\frac{0}{100}$ выпуклых	28.0 0.0	10.0 23.3	33.3 9.5	46.9 10.2	81.1 0.0

Таблица 2

Ивдельские манси
(взрослые мужчины)

Признаки	Группы					Всё
	Роды					
	Бахтиаровы	Анямовы	Куриковы	Прочие		
Число исследованных	20	13	12	15	60	
Средний возраст (в годах)	38.0	37.0	35.3	39.7	37.6	
Рост в см	162.1	159.0	157.8	157.9	159.4	
Форма волос: М (1—4)	2.40	2.46	3.17	2.80	2.67	
Рост бороды: М (1—5)	00	00	00	00	00	
Цвет волос: $\frac{0}{10}$ черных (№ 27, 4—5)	50.0	38.4	25.0	6.7	30.5	
Цвет глаз: М (0—2)	1.30	1.15	1.17	0.87	1.13	
Головной указатель	79.5	80.1	79.9	81.2	80.0	
Наклон лба: М (1—3)	2.15	2.85	3.00	2.73	2.62	
Надбровье: М (1—3)	1.90	1.38	1.08	1.20	1.45	
Горизонтальный профиль лица: М (1—3)	1.40	1.54	2.00	1.80	1.66	
Высота лица (от нижнего края бровей)	127.5	126.1	118.9	121.2	123.9	
Скуловая ширина	146.6	146.5	142.7	142.9	144.9	
Нижнечелюстная ширина	115.2	116.8	110.9	113.8	113.9	
Эпикантус: $\frac{0}{10}$ присутствия	10.0	14.4	16.7	46.7	21.7	
Складка верхнего века: $\frac{0}{10}$ присутствия	75.0	76.9	75.0	100.0	81.7	
Высота переносья: М (1—3)	1.95	1.92	2.00	1.60	1.88	
Спинка носа { $\frac{0}{10}$ вогнутых	5.0	7.7	8.3	20.0	10.0	
{ $\frac{0}{10}$ выпуклых	45.0	30.7	0.0	6.7	23.3	
Кончик носа: М (1—3)	2.55	2.08	1.92	1.33	2.03	
Основание носа: М (1—3)	2.50	2.00	1.75	1.33	1.97	

сейский“ комплекс имеет среди манси определенную территориальную локализацию и не может быть объяснен случайным сочетанием признаков.

Большой интерес представляет вопрос — встречается ли „енисейский“ тип у других групп манси, кроме ивдельцев.

В низовьях Пелыма и на Вагиле нам не удалось констатировать скольконибудь значительной примеси этого комплекса. Что касается манси бассейна северной Сосьвы и Ляпина, то, судя по данным Руденко, здесь тоже нельзя предполагать присутствия рассматриваемого типа. Однако, серия фотографий Гондатти, хранящаяся в Антропологическом музее МГУ и просмотренная нами, показывает, что отдельные субъекты, обладающие „енисейскими“ чертами, встречаются и среди северных манси.

Где, кроме кетов, можно искать морфологических параллелей описанному „енисейскому“ типу?

В 1938 и 1939 гг. экспедиции Антропологического музея и института МГУ, работавшие под руководством Чебоксарова и Шлугера, обнаружили аналогичные комбинации среди ненцев. Наиболее отчетливо они выступают, повидимому, у населения Северного Ямала, в частности, у представителей рода Ялтик.

На основании характеристики Долгих и Попова видно, что подобные же сочетания нередки среди нганасан. Долгих специально подчеркивает большое физиономическое сходство нганасан с кетами.¹

Известные параллели „енисейскому“ типу можно проследить и дальше к востоку, в частности, среди луораветланов (чукоч) и нымылланов (коряков). Многими исследователями отмечалось также большое физиономическое сходство кетов, нганасан и луораветланов с индейцами Северной Америки.

Проводя все эти параллели, мы должны подчеркнуть, что ими не следует увлекаться, так как, во-первых, они основаны в большинстве случаев на фрагментарных и случайных характеристиках, методически не сопоставимых друг с другом; во-вторых, охватывают лишь отдельные признаки и, в третьих, часто имеют негативную форму, устанавливая только отсутствие выраженной монголоидности у тех или иных групп.

Мы думаем, что при настоящем уровне наших знаний можно говорить лишь о том, что у различных народов Северной Азии встречаются формы, сочетающие выраженную монголоидность по одним особенностям с ослаблением ее по другим. Именно такое своеобразное сочетание приводит нередко к физиономическому сходству с очень отдаленными группами до индейцев включительно.

Следует также отметить, что распространение „енисейских“ или „американоидных“ форм отнюдь не специфично для Северной Азии: параллели к ним можно найти и в более южных районах. Тот южно-сибирский тип, который был подробно описан А. И. Ярхо и который распространен среди казахов, киргизов и многих других народностей Средней Азии и Сибири, морфологически очень сходен с „енисейским“ вариантом.

Если представить себе типичного казаха с длинными волосами и в северной одежде, то он будет сильно напоминать и ивдельского манси Савву Бахтиарова и кетов и многих североамериканских индейцев. Можно только говорить о том, что везде вокруг ареала распространения сложившейся архиморфной монголоидной расы расположены отдельными

¹ Б. Долгих. Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района. Сов. Азия, 1929, № 2, стр. 55—56.

островками менее монголоидные формы, причем ослабление монголоидности часто выражается в меньшем развитии эпикантуса и складки верхнего века, а также в менее уплощенном переносье.

Трудно ответить в настоящее время на вопрос о происхождении всех этих форм. А priori можно наметить два пути для решения поставленной проблемы. Один из них следует назвать эволютивным, другой — метисационным. По первой гипотезе существование „ослабленно“ монголоидных и американоидных форм может объясняться тем, что первоначальные насельники Северной Азии, принадлежавшие к монголоидной большой расе, обладали уже некоторыми характерными чертами этой расы, как напр., прямыми волосами, слабым развитием третичного волосяного покрова, уплощенным широким лицом и т. д., но в то же время у них еще не выработались другие монголоидные особенности вроде эпикантуса, низкого плоского переносья, сильно развитой складки верхнего века и т. д. По второй гипотезе енисейский, южносибирский и другие аналогичные им расовые варианты с ослабленной монголоидностью представляют собой продукты метисации уже сложившихся „архиморфных“ больших рас — европеоидов и монголоидов.

Обе гипотезы не исключают друг друга, так как вопрос о происхождении „енисейских“ или „американоидных“ комбинаций должен решаться отдельно для каждого конкретного случая.

Представляется вероятным, напр., что образование описанных сочетаний к западу и к востоку от Енисея происходило по-разному. Для Восточной Сибири нельзя говорить о сколько-нибудь значительной древней примеси европеоидов. Поэтому метисационная гипотеза вряд ли применима для этой территории. Но в Западной Сибири смешение монголоидов и европеоидов уже с древних времен происходило чрезвычайно интенсивно; комбинации, морфологически сходные с восточными „американоидами“, здесь могли возникать в результате метисации.

Окончательное решение поставленного вопроса может быть дано только на основе дальнейшего детального антропологического изучения населения всей Северной Азии, в частности северо-западной Сибири. Особенно большую роль здесь должна сыграть палеоантропология, которая пока для лесной зоны северо-западной Сибири представляет пустое место.

3

Более определенно можно говорить о распространении среди манси, в особенности в ивдельской группе, европеоидного мезокефального расового типа с умеренно темными волосами, большей частью смешанными глазами, с широким, но низким лицом и сильно выступающим носом. Систематически описанный тип может быть сближен с восточными средиземноморцами, особенно с так наз. северопонтийской или черноморской расой классификации проф. В. В. Бунака.

Признаки южных европеоидов среди ивдельских манси выражаются в обилии мягких, иногда волнистых волос, в распространении смешанных оттенков пигментации, в небольшой высоте лица, в мезокефалии и т. д.

Антропологический анализ ивдельских манси по родовым группам показывает, что признаки средиземноморского типа ярче всего выражены в небольшой группе Куриковых, охватывающей всего 12 человек. Поселения Куриковых расположены, главным образом, в самых верховьях Пельма. Они по отношению к Бахтиаровым и Анямовым являются более восточной группой в Ивдельском районе. Из табл. 2 ясно, что у Кури-

ковых, по сравнению с другими родами, значительно больше волнистых волос, сильнее рост бороды, лицо ниже, уже и значительно более профилировано в горизонтальном направлении, монголоидные особенности глаз ослаблены, переносье несколько выше и т. д.

Аналогичную комбинацию признаков мы нередко встречали также на Нижнем Пелыме и Вагиле. Есть все основания утверждать, что мезокефальные низколидые европеоидные элементы вошли в состав нижнепелымских и вагильских манси. Черты средиземноморского типа у манси подметил, как можно заключить из вышеприведенной цитаты, также Носилов. Параллели этому типу среди современного населения находятся большей частью в районах, отдаленных от мест обитания манси. Есть, напр., основания предполагать, что восточно-средиземноморские элементы вошли в состав иньвенских коми-пермяков. Близкие типы встречаются также среди удмуртов, казанских татар, особенно мишарей, среди мордвы, по всей вероятности и среди башкир.

Есть основания предполагать, что мезокефальные, относительно темные европеоиды Прикамья и Поволжья связаны с аналогичными формами Причерноморья и Северного Кавказа.

Однако все эти параллели не могут считаться полными уже потому, что средиземноморские черты у перечисленных мною групп всегда связываются с более темной пигментацией, чем у ивдельских манси.

При попытке отождествить европеоидный тип манси с депигментированными элементами Северной Европы мы тоже наталкиваемся на значительные трудности, потому что европеоидность выражена у ивдельских манси достаточно сильно, а депигментация по североевропейским масштабам все же слабо. Кроме того, в строении лица и носа есть ряд существенных различий между европеоидным элементом ивдельских манси и балтийским типом, который был бы в Приуралье наиболее вероятен.

Представляется заманчивым связать европеоидные мезокефальные элементы у манси с теми типами степной полосы Восточной Европы и Западной Сибири, которые известны с древнейших времен. Интересно отметить, что комбинация признаков, характерных для восточно-средиземноморского компонента ивдельских манси, напоминает сочетание, известное нам по черепам андроновской культуры: резко выраженная европеоидность при низком, но широком лице. Так как андроновские черепа найдены в Западном Казахстане, сравнительно недалеко от области расселения современных манси, представляется возможным поставить вопрос о вхождении в состав манси расовых элементов, близких к андроновским. Однако здесь надо соблюдать большую осторожность в силу очень большого хронологического разрыва, который существует между андроновцами и современными манси.

Во всяком случае несомненно, что какие-то европеоидные мезокефальные типы южного степного происхождения принимали участие в формировании антропологического состава манси.

4

Взаимодействием енисейского и восточно-средиземноморского типов всего разнообразия физического облика манси объяснить нельзя. Остается несомненным преобладание в некоторых мансийских группах переходных между европеоидами и монголоидами элементов, описанных в литературе под именем „уральского“ и „лапоноидного“ типов. Характерными особенностями этих типов являются прямые, но мягкие волосы, пониженная растительность на лице и теле, умеренно темная пигментация, неболь-

шое, несколько уплощенное лицо, средне-выступающий нос с вогнутой спинкой, приподнятыми кончиком и основанием. Все эти признаки в комплексе не свойственны ни восточно-средиземноморскому, ни енисейскому типам, о которых говорилось выше. Зато сочетание перечисленных особенностей с мезокефалией характерно для уральского расового типа, с брахикефалией — для лапоноидного.

Среди манси уральские черты наиболее ярко выражены, судя по данным Руденко, на Северной Сосьве и Ляпине, где головной указатель дает средние цифры около 78. Присутствие брахикефальных переходных элементов, близких к лапоноидам, очень вероятно среди манси бассейна Конды, головной указатель которых — по материалам Доскач — достигает 83.5 (табл. 1). Тот же „лапоноидный“ комплекс широко распространен, повидимому, также у нижнепелымских и вогильских манси, где понижение высоты лица и увеличение количества вогнутых спинок носа связывается с некоторым повышением головного индекса. Наличие рядом с Пелымом брахикефальной Кондинской группы говорит об общности тех переходных элементов, которые вошли в состав пелымских и кондинских манси.

За пределами расселения манси урало-лапоноиды распространены на очень широкой территории среди этнически разнообразного населения лесной полосы северо-западной Евразии от Балтики до Енисея. Конечно, у различных народностей, живущих здесь, урало-лапоноидные черты выражены в разной степени: на востоке они более монголоидны, на западе — более европеоидны. Но известная общность, выражающаяся в переходности между монголоидами и европеоидами, в небольшом сравнительно лице, вогнутой спинке носа и т. д., свойственна всем этим группам. Мы думаем, что можно не перечислять все те народности, у которых встречаются данные переходные типы, так как об этом уже неоднократно говорилось на нашей сессии.

Относительно происхождения урало-лапоноидов, в свете тех фактических материалов, которыми мы располагаем в настоящее время, можно почти с полной несомненностью утверждать, что данные формы сложились в результате метисации европеоидов и монголоидов, — метисации, которая началась еще в эпоху первоначального заселения человеком лесной полосы Западной Евразии и продолжалась на всем протяжении истории до наших дней.

Возникновение подобных переходных форм мы можем до некоторой степени наблюдать, если так можно выразиться, экспериментально.

Так называемые колвинские ненцы, представляющие собой по существу смесь ненцев и коми, как определенная этническая группа образовались только в начале XIX ст. в результате смешения европеоидных коми и более монголоидных ненцев. Интересно отметить, что по своей суммарной антропологической характеристике они воспроизводят особенности уральского типа не менее ярко, чем сосьвинские и ляпинские манси, описанные Руденко.

5

Конечно, заманчиво связать вхождение в состав манси отдельных антропологических типов с теми или иными этногоническими процессами, — с теми процессами, которые по отношению к манси и хантам освещены работами Прокофьева, Чернецова и некоторых других исследователей. Для всех нас очевидно, что о непосредственном отождествлении современных этнических группировок с определенными антропологическими комплексами не может быть и речи. Больше того: следует

предполагать, что и древние племена, принимавшие участие в этногенезе манси и хантов, не были антропологически однородными. Однако все-таки распределение различных расовых элементов среди этих племен было несомненно различно, так что проникновение того или другого антропологического типа на территорию Приуралья можно до некоторой степени связывать с древними племенными перегруппировками и перемещениями.

Если видеть в енисейском комплексе не продукт сравнительно поздней метисации, а своеобразный антропологический тип, входивший в состав древнейшего населения Северной Азии, то представляется возможным связать проникновение его на Урал с восточными влияниями, в частности с палеоазиатскими или, по терминологии Г. Н. Прокофьева, „тяньскими“ племенами. Поскольку представляется вероятным, что заселение лесной полосы северо-западной Евразии монголоидами происходило с востока, это предположение выглядит вполне правдоподобно.

Мы далеки от мысли, что все носители древнейших палеоазиатских культур, занимавших огромную территорию, были представителями одного антропологического типа, близкого к кетам. Палеоазиатские или „тяньские“ племена, конечно, состояли из различных расовых компонентов, среди которых большую роль играл, в частности, палеосибирский выразительно-монголоидный тип, являвшийся, вероятно, одним из исходных элементов для формирования уральских форм. Но на ряду с этим сложившимся монголоидным палеосибирским комплексом среди древних насельников Северной Азии могли присутствовать и формы, напоминающие кетов, сочетающие выраженность одних монголоидных признаков с ослаблением других.

Более определенно можно говорить о происхождении среди манси европеоидного мезокефального восточно-средиземноморского элемента. Мы думаем, что совершенно несомненно его проникновение на Урал с волнами степных кочевников, бывших до начала нашей эры по своему расовому облику европеоидными. Не следует, нам кажется, связывать этот тип с какой-нибудь определенной волной, напр. только с уграми, которые вошли в состав населения Северного Приуралья в первых веках нашей эры. Более вероятно, что степные группы, приносившие с собой восточно-средиземноморский компонент, скрещивались с аборигенами лесной зоны неоднократно, может быть на протяжении многих столетий или даже тысячелетий. Наиболее древние из этих наслоений полностью растворились, дав начало — на ряду с монголоидами луговского типа — всевозможным уральским и лапоноидным формам. Это более поздние европеоидные волны не были окончательно стертые метисацией: их следы можно до настоящего времени наблюдать среди южных манси, коми-пермяков, удмуртов и т. д. Такая концепция формирования расового состава манси находится в полном соответствии с построениями В. Н. Чернецова, согласно которым обские угры сложились в результате слияния местного аборигенного населения таежной зоны с кочевниками-степняками.

Относительно уральских и лапоноидных типов есть все основания предполагать, что они сложились примерно на той же территории, где распространены в настоящее время, в результате метисации и таким образом по своему происхождению тесно связаны с древним аборигенным населением Западной Евразии. Представляется возможным высказать мысль, что переходные урало-лапоноидные типы преобладали среди того населения, которое, по терминологии Г. Н. Прокофьева, принадлежало к племенам группы „Кум“. Не случайно территория распространения этого этнонима в общем совпадает с областью формирования интересующих нас промежуточных комплексов.

Вот как в общих чертах можно наметить связи выделяющихся у манси антропологических типов с теми или иными этногоническими процессами.

Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники ананьинской культуры занимают обширную область по течению р. Камы и ее притоков. В настоящее время известно около 25 памятников ананьинской культуры — могильников, городищ и незащищенных поселений (рис. 4). Известно еще около 10 памятников (городищ, могильников и селищ), которые могут относиться к ананьинской культуре, но они или недостаточно исследованы, или же о них имеются не совсем точные сведения. Все же следует отметить, что по течению р. Белой известно еще несколько памятников, которые А. В. Шмидт считал принадлежащими к ананьинской эпохе, и еще два памятника из раскопок местных уфимских музейных работников, очень важных и интересных, о которых я упомяну впоследствии. Они расположены по р. Белой, ниже впадения р. Уфы, что еще более расширяет область распространения ананьинской культуры.

Наиболее северными являются два памятника, расположенные на верховьях Камы, выше впадения р. Чусовой, близ устья маленькой речки Горевой. Это — селище и могильник у сел. Большой Скородум. Первое было открыто А. В. Шмидтом, второй был обнаружен разведками Камской экспедиции ГАИМК в 1936 г. Изучение ананьинской культуры началось уже давно. Еще в прошлом столетии казанские археологи Пономарев, Лихачев, Штукенберг и целый ряд других исследователей начали работать в этой области и описали отдельные места поселений и могильники. Известный Ананьинский могильник был открыт в середине прошлого столетия и после этого много раз подвергался исследованию. Изучением памятников ананьинской эпохи занимался А. А. Спицын, который объединил разрозненные памятники-могильники и городища в один культурный комплекс, получивший название ананьинской культуры.

Несмотря на то, что исследование памятников ананьинской культуры ведется уже давно, вопрос об ее происхождении представляет до сих пор проблему, которая еще не разрешена. По этому поводу существует целый ряд отдельных мнений. По мнению одних исследователей, ананьинская культура в бассейне Камы является пришлой; по мнению других — она автохтонна и возникла на почве более древних местных культур эпохи бронзы. В настоящее время накопился материал, позволяющий этот вопрос поставить и, частью, может быть, разрешить.

В настоящее время памятники ананьинской культуры почти все расположены в лесной зоне СССР. Граница степи проходит, примерно, на широте г. Уфы, и только левобережье р. Белой лежит в степной полосе. В бронзовую эпоху, по целому ряду данных геоботанических, почвоведческих и археологических, граница степи лежала дальше на север, примерно, по линии Малмыж — Кунгур.

Стык между культурой степей и культурой леса происходил на территории самого Прикамья и не только в его южной части, но и значительно севернее. В настоящее время, благодаря исследованиям последних лет, мы имеем целый ряд доказательств того, что памятники степных культур тянутся далеко на север. Первый пример представляет

Маклашеевский могильник. Он расположен на высоком берегу собственно притока Волги—Утки, немного ниже Камского устья, близ пристани Тетюши. В прошлом столетии здесь работал казанский археолог Пономарев.

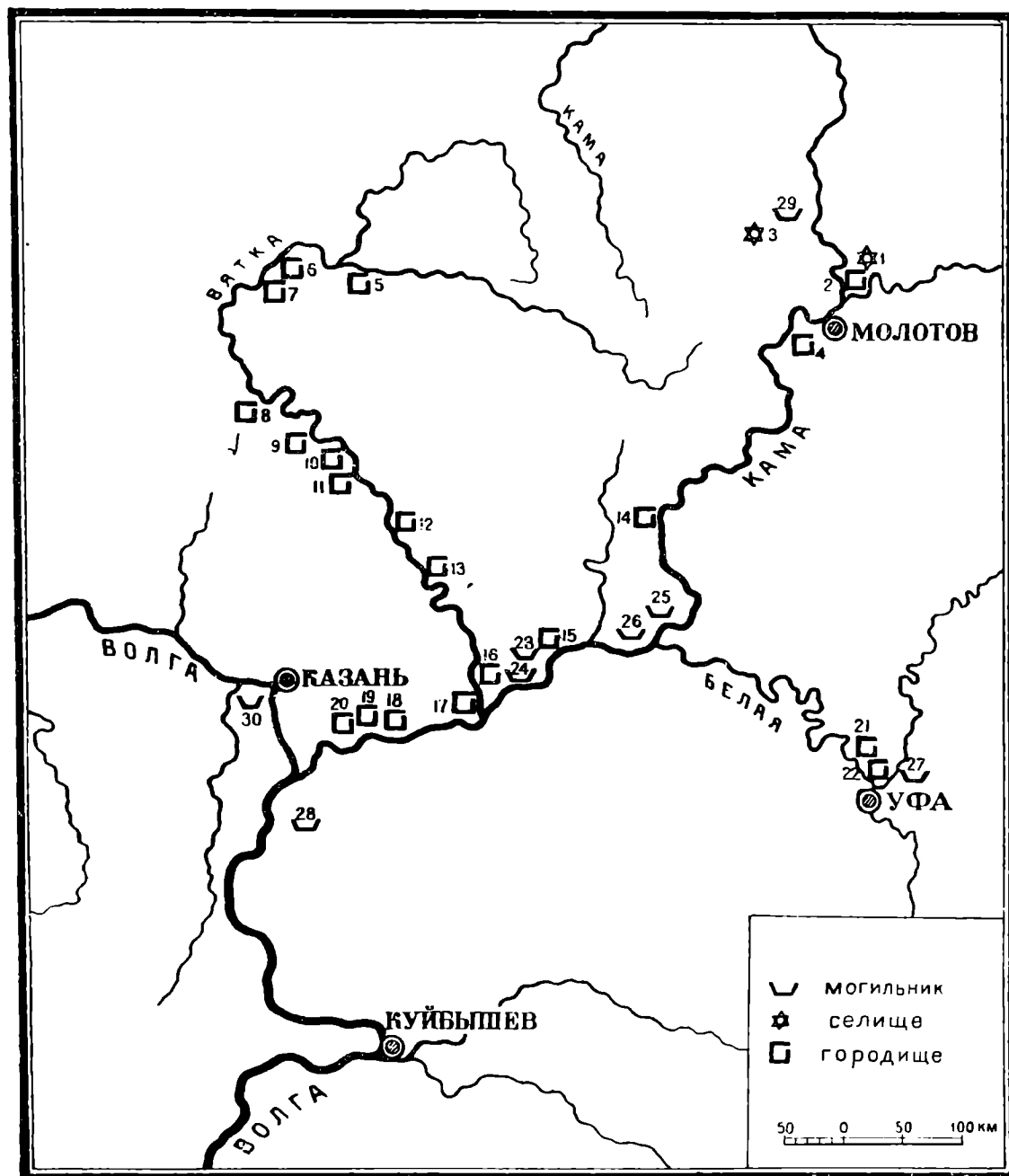

Рис. 4. Карта распространения древнейших городищ, селищ и могильников в бассейне р. Камы.

1 — Концевгорское; 2 — Галкинское; 3 — селище у дер. Скородум; 4 — Гяденовское; 5 — Кривоборское; 6 — Чижевское; 7 — Червяковское; 8 — Пижемское; 9 — Лебяжье; 10 — Белоглазовское; 11 — Буское; 12 — Ройское; 13 — Аргыж; 14 — Нечкинское; 15 — Тихогорское; 16 — Свиногорское; 17 — Гроханское; 18 — Сорочьи горы; 19 — Гремячий ключ; 20 — Кирюшкин городок; 21 — Кара-абыз; 22 — Уфимское; 23 — Анальинский могильник; 24 — Луговской; 25 — Зувский; 26 — могильник у дер. Пьяный бор; 27 — Уфимский; 28 — Маклашеевский; 29 — могильник у сел. Скородум; 30 — Пустая Морквашка.

Пономаревым были вскрыты два курганных могильника, которые он назвал Маклашеевка 1 и Маклашеевка 2. Под насыпью курганов находились могилы с вытянутыми погребениями, расположенными с востока

на запад (головой к западу или северо-западу), сопровождаемые круглодонными сосудами ананьинского типа, причем на ряду с этими сосудами встречаются мелкие, плоскодонные чашечки. Инвентарь этих могильников говорит о том, что они принадлежат к раннеананьинскому времени и имеют в своем инвентаре черты перехода от степной, так наз. срубной культуры, к ананьинской культуре.

Очень интересен открытый Пономаревым там же небольшой курган круглой, а не вытянутой, как все остальные, формы. Под насыпью этого кургана было обнаружено скорченное погребение с типичными баночными сосудами срубного типа. Разведки 1-го отряда Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР летом 1939 г. выяснили, что близ села Маклашеевки имеется не два, а три курганных могильника. В 1939 г. был обследован один из них. О формах курганов говорить трудно, так как они сильно распаханы. Высота их 50—60 см и меньше. Среди этих курганов был раскопан один, который дал 9 погребений. Костяки лежали в скорченном положении, на левом боку. Каждое погребение сопровождалось плоскодонными сосудами баночной формы, некоторые из них имели более резко выраженные плечи — смягченное острое ребро. Эти сосуды представляют собой типичные сосуды позднесрубного типа.

Таким образом мы видим, что недалеко от устья Камы, близ села Маклашеевки, существовали памятники как раннеананьинской, так и позднесрубной культуры.

В последние годы производились частичные раскопки известного Ананьинского могильника, находящегося около Елабуги, недалеко от впадения в Каму небольшой речки Тоймы. В последний раз Ананьинский могильник был исследован экспедицией Московского антропологического института в 1930 г. Там удалось найти одно погребение, а затем вскрыть стратиграфию памятника, и эта стратиграфия дала чрезвычайно много. Выяснилось, что могильник находится на месте более древней стоянки. Среди материала из раскопок была плоскодонная керамика, совершенно нетипичная для ананьинской культуры. Кроме того, на небольшом по площади участке непо потревоженного слоя стоянки был обнаружен довольно мощный культурный слой, в котором также было небольшое количество плоскодонных сосудов с орнаментом из ромбов, углов и треугольников, типичным для позднесрубной культуры.

Совершенно ясно, что почти все каменные орудия, которые были найдены на Ананьинской дюне, и все бронзовые орудия более древнего типа — вислообушный топор, топор сейминского типа — относятся не к могильнику, а к стоянке.

В то же время находка в том же слое стоянки двух круглодонных сосудов ананьинского типа позволяет сказать, что эта стоянка хронологически не могла быть очень удаленной от могильника; видимо она существовала в предананьинскую эпоху.

Такая стоянка является не единственной. Раскопки Луговского могильника, лежащего в 1—1½ км от Ананьинского (новый памятник, совершенно неизвестный в литературе, открытый только в 1938 г.), показали, что этот памятник был также расположен на более древней стоянке. Правда, на том месте, где мы вскрыли могильник, культурный слой был выражен слабо, но к востоку от могильника в конце поселка Лугового, на дюне, несколько возвышавшейся над дерезней, культурный слой достигал значительной мощности и там был собран материал, состоящий из кремневых орудий и отщепов, керамики, которая представляет собой обломки плоскодонной посуды (с орнаментом из треугольников, углов, ромбов и ломаных линий), и костей животных. Эта

стоянка, так же как и стоянка на Ананьинской дюне, опять-таки относятся к степной культуре.

Кроме того, очень интересный материал был собран Ф. Д. Нефедовым в 90-х и в конце 80-х годов прошлого столетия с городища Грохань, которое расположено в устье Вятки.

В коллекции из раскопок Нефедова поражают бронзовые орудия древнего типа, найденные им на этом городище, и между ними кинжал и кельт с двумя ушками, которые В. А. Городцов считает типичными для киммерийской культуры.

В материале из раскопок городища Грохань, собранном экспедицией Московского антропологического института, имеется небольшой комплекс керамики, который соответствует этим более древним орудиям. Здесь, наряду с керамикой, напоминающей керамику Луговской стоянки, имеются обломки посуды с так наз. „сетчатым“ орнаментом и с орнаментом из ямочных вдавлений, совершенно не типичным для ананьинской культуры.

Таким образом мы видим, что элементы культуры степей проникают довольно далеко в Прикамье.

Если мы обратимся к материалу о р. Белой, то увидим то же самое.

Особенно интересны городище и стоянка Карман-тау, которые находятся рядом, причем стоянка расположена низко в пойме, а городище — на высоком берегу. Материал из раскопок стоянки, находящийся в Центральном музее БССР, состоит, главным образом, из глиняной посуды. Эта посуда совершенно идентична посуде с Ананьинской и Луговской стоянок. Городище, судя по тем предметам, которые имеются в музее, относится к ананьинской эпохе. Мы видим, что памятники степного типа проникали и в Прикамье довольно далеко на север.

Интересен еще один момент. Тальгреном была издана археологическая коллекция, собранная казанским купцом-меценатом Заусайловым в б. Казанской и смежных губерниях. В коллекции имеются бронзовые предметы, типичные для срубной культуры, — это так наз. ножи срубного типа.

Все они были найдены в б. Казанской губ., главным образом, в Свияжском и Тетюшском районах, где находятся и Маклашеевские могильники. В Лайшевском районе их мало, в Чебоксарском районе — всего один экземпляр. Всего из Казанской губ. имеется 22 экземпляра таких ножей.

Кинжалы, которые В. А. Городцов считает типичными для киммерийской культуры, подобные найденному Нефедовым на городище Грохань, также имеются в коллекции Заусайлова в количестве 3 экз.: один из Казани, один из Тетюш и один из Свияжска.

Таким образом мы, видимо, можем считать доказанным проникновение в Прикамье памятников степной культуры поздней бронзы и влияние ее на сложение ананьинской культуры.

Что же дали эти степные влияния древним ананьинцам? Повидимому, они дали знакомство с земледелием и скотоводством.

Жилища в Прикамье нам почти не известны. Мы можем говорить определенно только о большом коллективном жилище, вскрытом отрядом Камской экспедиции на Конецгорском селище. Там мы имеем дело с жилищем полуподземного типа, представляющим собой очень длинную впадину (длиной свыше 40 м, шириной 6 м), причем по дну этой впадины было расположено 9 очагов. О перекрытии и стенах жилища пока говорить трудно. Жилища такого же типа несколько меньших размеров мы имеем опять-таки на территории распространения срубной культуры. Правда, все они имеют одно принципиальное отличие от Конецгорского

селища, состоящее в том, что внутри каждого из них был один или два очага, тогда как в Конецгорском — 9 очагов. Следовательно, можно говорить лишь о сходстве в общих пропорциях жилищ и в расположении поселений на высоких берегах.

Что касается земледелия и скотоводства, то только, представив себе, что степь когда-то находилась на территории Прикамья, в южной его части, а лесостепь поднималась дальше к северу, можно понять, каким образом в коллекции с Галкинского городища, расположенного в устье р. Чусовой, которое сейчас находится в лесном массиве, кости домашних животных преобладают над костями диких животных, т. е. что у древнего населения городища скотоводство преобладало над охотой, а, кроме того, охота имела промысловый характер. Если мы прибавим, что Галкинское городище можно датировать, примерно, VI—IV вв. до н. э., то мы вправе предположить, что с самого начала ананьинской эпохи хозяйство, основанное на земледелии и скотоводстве, уже господствовало по всей территории распространения ананьинской культуры. Кости домашних животных, между прочим, были найдены во время обследования и на самом северном поселении ананьинского типа — на селище в устье р. Гаревой.

Таким образом влияние степей отразилось на хозяйстве древнего населения Прикамья и, по всей вероятности, на формах оседлости, хотя последнее требует еще дальнейших доказательств.

Если мы обратимся к северной части распространения ананьинской культуры, то мы там не найдем памятников предананьинской эпохи. Ближайшим хронологическим памятником, предшествующим Ананьину, будет Турбинский могильник — памятник так наз. сейминской культуры, культуру, которую мы знаем очень мало. После В. А. Городцова никто ею не занимался. Большой материал из раскопок Московского антропологического института Сейминской стоянки до сих пор лежит необработанный в Горьком и еще ждет своего исследования.

Турбинский могильник расположен на высоком берегу Камы против устья р. Чусовой и представляет собой памятник сейминского типа с типичными для сейминской культуры бронзовыми копьями и кельтами, датруемый XIII—XI вв. до н. э. Другие памятники этой эпохи в северной части области распространения ананьинской культуры пока неизвестны. Если нанести на карту отдельные находки типичных бронзовых вещей сейминского типа, такие как копья и кельты, получится очень интересная картина. Наметятся следующие пункты: 1) ст. Дзержинского (б. ст. Сейма), Горьковской обл. на Оке (Сейминская стоянка — пункт давно известный и раскопанный); 2) сел. Парово, Свияжского района, ТатАССР (копье); 3) село Маклашеевка, Куйбышевского района ТатАССР (кельт сейминского типа); 4) близ г. Елабуги ТатАССР (кельт); 5) близ г. Кирова (кельт сейминского типа); 6) Усть-Сысольск (кельт); 7) сел. Турбино, Молотовского района, Молотовской обл. (Турбинский могильник с несколькими кельтами и копьем); 8) сел. Горбуново Нижне-Тагильского района Свердловской области (обломок литейной формы кельта); 9) озеро Соновское на восточном склоне Урала (кельт); 10) озеро Аятское на восточном склоне Урала (обломок кельта); 11) г. Тюмень (кельт); 12) г. Омск (копье и кельт); 13) на р. Кет (2 копья); 14) Тарский окр., Омской обл. (2 кельта); 15) Томск (литейная форма для копья и кельта); 16) Минусинск (два копья, одно с Курмана).

Кроме того, имеются 1—2 находки типичных бронзовых вещей сейминского типа, которые не нанесены на карту, так как очень удалены от интересующего нас района (напр., в Бессарабском кладе).

Таким образом область распространения типичных бронзовых предметов сейминского типа заключает в себе Прикамье, Урал и распространяется еще далее на восток. Конечный его пункт — Минусинская котловина. Другие находки пока не известны, но нет сомнения, что они будут сделаны и, возможно, что они заполнят пробелы на той же территории, которая в настоящее время почти вся лежит в лесной зоне.

Не делая пока никаких решительных выводов из вышеизложенного, все же в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что вторым слагающим элементом для ананьинской культуры была предшествующая ей сейминская культура, и что некоторые стоянки, расположенные в верховьях Камы, о которых мы имеем лишь отрывочные сведения, вероятно, относятся к сейминско-турбинскому типу. Кроме того, между ананьинской и сейминской культурой можно установить интересную связь.

Если мы возьмем самое типичное орудие труда сейминской культуры, — характерный сейминский кельт, большой шестигранный с типичным орнаментом, состоящим из ромбов и треугольников, расположенных на средних гранях, — и сравним этот кельт с ананьинским кельтом, также шестигранным, но значительно более низким, с лезвием или разным втулке или уже ее, то с первого взгляда нам не бросится в глаза связь между ними. Но если просмотреть большую серию кельтов из Прикамья и с Урала, отчасти опубликованных, отчасти неопубликованных из раскопок последних лет на Каме, то мы увидим целый ряд переходных форм между тем и другим типами.

Если мы сравним сейминское копьё с ананьинским, то на первый взгляд они кажутся разными вещами. Во-первых, сейминское копьё значительно больше. Во-вторых, оно имеет такие признаки: ромбический в разрезе стержень проходит вдоль всего пера и ниже переходит во втулку; по бокам пера — небольшие прорези.

В погребениях Луговского могильника, повидимому наиболее раннего из всех известных могильников ананьинского типа, было найдено несколько копий с ромбической вверху втулкой, которые и являются наиболее крупными. Это позволяет опять-таки ставить вопрос о связи типов орудий. П. А. Дмитриев пришел к такому же выводу относительно копий — другого типичного орудия сейминского типа, — которые на Урале также дают целый ряд переходных форм между сейминским типом копья и более поздним ананьинским.

На основании генетической связи между формами основных орудий труда можно поставить вопрос о генетической связи ананьинской и сейминской культур, причем последнюю, повидимому, следует в основном считать лесной культурой, от которой древние ананьинцы получили формы основных орудий труда.

А. В. Збруева

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП НАСЕЛЕНИЯ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИУРАЛЬЕ

(По материалам раскопок Луговского могильника)

Палеоантропологический материал из раскопок Луговского могильника, произведенных за последние годы А. В. Збруевой, дает 36 более или менее полных скелетов, из которых 19 — мужских, 10 — женских и 7 детских. Сохранность костей скелетов в общем ниже среднего. Но во всяком случае, некоторым количеством, как мужских, так и жен-

-ских черепов, достаточно сохранившихся, я располагала; это позволило мне сделать ряд наиболее важных измерений.

Череп из Луговского могильника характеризуются хорошо выраженными монголоидными чертами. Первоначально, когда я приступила к исследованию черепов, было очень трудно определить их основной тип. Мы имеем представление о монголоидах как о типе, обладающем высоким, широким и плоским лицом, со слабо выступающим носом. Здесь же я столкнулась с типом, который характеризовался в общем крайне плоским, но относительно низким лицом, а также очень слабо выступающим носом.

Надо сказать, что такого типа черепа еще до настоящего времени не были описаны не только на территории Прикамья и Приуралья, но и в областях широкого распространения монголоидной расы. Правда, Г. Ф. Дебец, исследуя черепа из могильников Маклашеевки и Полянок, отметил наличие типа с монголоидными чертами, но изученная им серия в основном характеризуется как европеоидная.

В 1939 г. А. В. Збруева раскопала несколько погребений в Маклашеевском могильнике, из которых одно было мужское, одно женское и пять детских. У черепов из Маклашеевского могильника сильно выступающий нос, лицо сужено кпереди, не плоское, узкое, глубокие собачьи ямки. У черепов из Луговского могильника лицо плоское, нос выступает слабо, собачьи ямки неглубокие. Первые черепа по типу являются бесспорно европеоидными, вторые обладают чертами, характерными для монголоидной расы.

Таким образом материал из Луговского могильника резко отличается от материала, известного нам раньше из раскопок могильников у Маклашеевки и Полянок. Эти памятники Тальгрэн рассматривал как раннеананьинские.

Г. Ф. Дебец в своем докладе на настоящей сессии упоминал о том, что на территории восточной Европы были найдены черепа с монголоидными признаками. Естественно было предположить, когда я ознакомилась с черепами из Луговского могильника, что здесь мы сталкиваемся с монголоидным типом, уже давно осевшим на территории Восточной Европы. Те параллели, которые можно было провести в первую очередь с имеющимися в настоящее время монголоидными черепами современного населения восточной Европы, были параллели с ненцами и лопарями.

Оказалось, что по абсолютным размерам черепа лопарей значительно меньше, чем черепа из Луговского могильника, по величине скулового диаметра они более узки и обладают более низкими лицами. Выступление носа у лопарей оказалось резко отличающимся от того, что мы имеем в Луговском могильнике. На мужских лопарских черепах выступание носа определяется в 28° , выступание же носа на мужских черепах из Луговского могильника оказалось равным всего 17° и на женских 16° .

Отрицательные результаты дали и сопоставление с ненцами. Выступление носа у ненцев 24° , тоже значительно больше, чем у луговских черепов.

Тогда я перешла к сравнительному анализу ряда других монголоидных серий черепов (остяков, калмыков, тувинцев и бурят). В результате этого анализа можно сделать вывод, что по выраженности монголоидных признаков,¹ черепа из Луговского могильника всего ближе к бу-

¹ Я принимаю во внимание следующие признаки: абсолютные размеры черепа, уплощенность лица, выступание носа, ширину лица; высоту лица — признак очень важный — мы должны оставить в стороне, ибо, как было уже сказано выше, тип Луговского могильника отличался именно относительно низким лицом.

рятским. Это звучит несколько парадоксально, потому что на территории Восточной Европы, казалось бы, странно встретить столь ярко выраженный монголоидный тип. Однако, действительно, черепа из Луговского могильника исключительно велики и по своим абсолютным размерам приближаются к бурятским, а черепа бурят, как известно, наиболее крупные среди монголоидной расы. В чем можно отметить разницу — это в высоте лица. Если черепа из Луговского могильника характеризуются высотой лица 71.4 мм, то высота лица у кудинских бурят (я располагала серией, исследованной Дебецом) равна 76 мм. Отсюда вполне закономерно то, что черепа бурят отличаются более высокими глазницами, чем черепа из Луговского могильника. Орбитный указатель у бурят (мужчин) достигает почти 90, а у мужских черепов Луговского могильника он равен лишь 80.4.

Сравнение черепов из Луговского могильника с неолитическими черепами из Оленьего острова и черепом из Языкова, которые имеют некоторые монголоидные черты, в настоящее время очень трудно. Таким образом в луговской серии мы столкнулись с ярко выраженным монголоидным типом, отличающимся рядом своеобразных черт: покатым лбом (79°), сильно выраженными надбровными дугами, сильно уплощенным и широким лицом, с очень слабо выступающим носом, при относительно небольшой высоте лица. Интересно сопоставление луговских черепов с айнскими. По строению своего лица черепа из Луговского могильника морфологически похожи (должна подчеркнуть, что я не имею в виду генетической связи) на черепа айнские.

Может быть, в лице луговского монголоидного типа мы сталкиваемся с древнейшим монголоидным слоем, который мог сохраниться на окраинах ареала монголоидной расы. Возможно, что к этому слою также могут быть отнесены те „американоидные“ формы, которые встречаются на территории Азии среди кетов, манси, ненцев и некоторых других групп, а также среди американских индейцев. Уточнение этого вопроса является делом ближайшего будущего. Реконструкция лица человека, выполненная М. М. Герасимовым по черепу из Луговского могильника, имеет значительное физиономическое сходство с этими типами (рис. 5).

Надо сказать, что в Луговском могильнике, конечно, не все сплошь черепа имеют описанные черты. Есть черепа, которые безусловно несут на себе примесь европеоидного типа, что при диагностике необходимо принимать во внимание. Рост людей, похороненных в Луговском могильнике, был низким: у мужчин в среднем достигал всего лишь 162 см, у женщин — 150 см.

Помимо черепов из Луговского могильника, я исследовала два черепа из Ананьинского могильника, добытых Б. С. Жуковым в 1930 г. Один череп находился в погребении, а другой лежал на поверхности земли сверху погребения, так что нельзя говорить с полной уверенностью о принадлежности его к Ананьину. Оба черепа производят впечатление метисных, хотя подчеркиваю, что определение их было затруднено, так как они в значительной степени были фрагментированы.

Очень интересно сравнить материал из Луговского могильника с материалом из Маклашеевки. Черепа из Маклашеевки и Полянок были описаны Чугуновым в 1904 г., а затем в последние годы заново исследованы Г. Ф. Дебецом. Черепа из Полянок и Маклашеевки относятся к длинноголовому европеоидному типу с выступающим носом. Тип этот можно сблизить с типом срубно-хвалынской культуры Поволжья.

Рис. 5. Реконструкция физического облика человека ананьинской культуры (реконструкция М. М. Герасимова).

Г. Ф. Дебец в своем докладе подчеркнул тот факт, что европеоиды еще во II тысячелетии до н. э. заселяли степи Украины и Поволжья, доходя до Минусинского края, и что дифференцирование этих типов достаточно трудно. Однако исследования Г. Ф. Дебца достаточно четко устанавливают, напр., особенности андроновского типа, который для нас представляет особый интерес. У нас есть основание думать, путем исключения, что тип, характерный для андроновской культуры, вряд ли имел значение в формировании европеоидных типов срубно-хвалынской и ананьинской культур. Европеоидный тип андроновской культуры характеризуется относительно низким и широким лицом. В черепаках срубно-хвалынской культуры Поволжья мы такого сочетания не имеем. Может быть, есть основания европеоидов из погребений ананьинской культуры сравнивать с европеоидным типом, представленным в Балановском могильнике, значительно более раннем, относящемся к эпохе бронзы. В настоящее время эта серия еще не обработана, но я имела возможность осмотреть балановские черепа и думаю, что такое сопоставление вполне законно.

Однако андроновский тип известен был южнее по Уралу. Я имею в виду раскопки М. П. Грязнова по левым притокам р. Урала к западу от г. Орска.

Вопрос — почему в погребениях Маклашеевском и Полянском представлен европеоидный тип, а в Луговском могильнике монголоидный, я думаю, можно скорее всего решать в свете того факта, что погребения из Полянок и Маклашеевки относятся к более ранней эпохе, чем погребения из Луговского могильника. Имеющийся материал позволяет сделать предположение, что в ананьинскую эпоху усиливается инфильтрация монголоидного типа из более северной лесной полосы. Трудно, конечно, пока сказать, была ли это лесная полоса северо-восточной Европы или северо-западной Сибири. Надо, однако, отметить, что в настоящее время в Западной Сибири известны монголоидные типы с ярко выраженными монголоидными особенностями, с плоским, широким лицом, со слабо развитым волосяным покровом и обладающие при этом относительно низким лицом. Одна из таких групп — это тюркская группа с р. Чулыма, так наз. чулымские татары. Повидимому, этот тип вошел и в состав ненцев, тобольских татар, а также и исследованных нами в 1939 г. ивдельских манси.

Все это позволяет скорее предполагать какую-то связь типа Луговского могильника с населением северо-западной Сибири.

Смешение между европеоидным длинноголовым типом и луговским монголоидным типом начинается, вероятно, не в ананьинскую, а уже в предананьинскую эпоху, так как среди черепов из могильников Полянского и Маклашеевского, исследованных Дебецом, встречен один череп, который отличается признаками определенно монголоидными. Черепа из Ананьинского могильника являются на мой взгляд метисными, а что касается Луговского могильника, то здесь резко преобладает отчетливо выраженный монголоидный тип, хотя можно отметить один-два черепа с легкой примесью европеоидных черт.

Начавшееся, таким образом, в ананьинскую эпоху на границе между лесом и степью смешение монголоидного и европеоидного типов усиливается в последующие эпохи. В этом отношении очень интересна серия черепов из Поломского могильника на р. Вятке, исследованная Дебецом. Эта серия может быть характеризована как смешанная, но в ней сильнее прослеживаются черты европеоидные. Однако можно выделить, по крайней мере, два черепа, которые в достаточной степени

Сравнение Анабинских черепов с рядом других краниологических серий по средним величинам¹

Признаки	Группы и авторы										Женские
	Мужские										
	Маклашевский и Полянский могильники, Дебец	Луговской могильник, Трофимова	Лопари, Скрейнер	Ненцы, Трофимова	Остяки № 107, Левин	Камышки, Левин и Трофимова	Тувинцы, кемчискские № 9, Дебец	Буряты кудайские № 6, Дебец			
1. Продольный диаметр	186.1(7)	186.0(8)	178.3	179.2(9)	181.1	181.9	184.1	188.6	174.8(5)		
8. Поперечный диаметр	144.0(7)	148.2(9)	147.0	146.2(9)	143.8	146.7	147.5	147.8	146.6(5)		
17. Высотный диаметр	136.6(7)	135.0(4)	128.1	127(6,9)	127.0	128.8	130.9	137.6	128.0(2)		
9. Наименьшая ширина лба	94.0(5)	97.2(7)	97.2	93.4(9)	96.0	93.7	95.6	99.8	93.2(5)		
8:1. Черепной указатель	77.4(7)	79.7(8)	82.5	81.6(9)	79.5	80.3	80.2	78.4	83.9(5)		
17:1. Выотно-продольный указатель	73.5(7)	73.5(4)	71.9	71.2(9)	70.3	70.5	71.1	73.0	72.7(2)		
17:8. Высотно-поперечный указатель	95.0(7)	93.2(4)	87.2	87.3(9)	88.6	83.0	88.7	93.1	90.5(2)		
9:8. Лобно-поперечный указатель	66.3(5)	64.2(4)	66.1	64.0(9)	66.8	64.1	64.8	67.5	63.6(5)		
45. Скуловой диаметр	134.5(6)	141.0(2)	134.5	139.8(9)	139.0	139.8	138.8	142.0	134.3(3)		
48. Высота лица	70.0(6)	71.4(7)	67.9	73.7(9)	73.7	74.3	73.8	76.0	67.0(4)		
40:5. Указатель выступа лица	94.4(4)	97.5(3)	—	98.7(7)	99.3	98.2	99.1	98.5	89.4(1)		
48:45. Лицевой указатель	52.1(6)	50.5(2)	50.4	52.7(9)	53.1	53.5	53.2	53.5	48.7(3)		
54:55. Носовой	49.0(6)	49.5(7)	49.2	48.9(9)	48.0	48.9	50.3	49.0	50.2(4)		
52:51. Орбитный указатель	81.1(6)	80.4(7)	—	87.3(9)	86.1	87.6	84.7	89.8	81.6(4)		
32. Угол профиля лба	83.6(5)	79.2(4)	—	78.4(9)	79.4	80.7	—	—	83.0(3)		
72. " " лица	83.6(5)	86.6(5)	85.2	86.7(9)	84.8	87.7	86.4	87.2	83.3(3)		
75(1) Угол носов. костей	26.8(6)	16.8(6)	28.2	24.4(8)	21.0	21.5	18.8	17.5	16.3(3)		
Надбровье (1—6) (средний балл)	3.00(6)	3.71(1)	—	3.33(9)	3.28	2.50	2.55	2.83	2.00(6)		
Собачья ямка (0—4) (средний балл)	2.17(6)	1.71(7)	—	2.11(9)	2.00	1.40	1.50	—	3.00(5)		
Нижний край грушев. отверстия (% заостр. форм.)	100.0(6)	50.0(6)	—	77.8(7)	48.1	22.2	55.6	—	60.0(3)		

¹ Нумерация размеров и указателей приведена в таблице согласно руководству Мартина.

несут в себе также и монголоидные признаки, сочетающиеся с относительной низколицестью.

Если идти дальше к нашему времени, можно остановиться на болгарских черепах из раскопок А. П. Смирнова. Здесь достаточно ясно представлены два типа — монголоидный и европеоидный. Монголоидные болгарские черепа относительно низколицы, что связывает их с луговским типом. Монголоидные черепа татар Золотой Орды отличаются высоким лицом.

В свете этих данных для нас становится ясной та картина, которую мы наблюдаем у народностей Поволжья. Среди народностей Поволжья — мари, удмуртов, чувашей, татар по Волге и Каме — мы встречаемся с типом, который характеризуется сильно развитой складкой века, пониженным ростом бороды, уплощенностью лицевого скелета и некоторыми другими признаками. Этот тип известен в антропологии под названием вятско-камского или сублапоноидного по классификации проф. Бунака. Образование этого типа вполне объясняется смешением относительно низколицего монголоидного типа с европеоидным. Этот же тип прослеживается также и среди северных башкир.

В более чистом виде луговской монголоидный тип сохранился в настоящее время среди ненцев, некоторых групп манси и, вероятно, хантов, среди некоторых тюркских групп Западной Сибири и, повидимому, у кетов на Енисее.

Т. А. Трофимова

К ЭТНОГЕНЕЗУ КОМИ

Если попытаться, на основании изучения смены типов поселения, установить характер изменения хозяйственной жизни в Прикамье за время железного века, то выявляется следующая картина.

Памятники ананьинского времени представляют собой поселения (городища) обычно с мощным культурным слоем, с большим количеством археологических находок. Иначе говоря, это укрепленные поселки с достаточно прочной оседлостью. Работами А. В. Збруевой выяснено, что основой оседлости в ананьинское время было земледелие.

Такой тип поселения сохраняется, повидимому, и в начале следующей эпохи — пьяноборской, хотя судить об этом мы и имеем возможность по сравнительно незначительному количеству исследованных памятников.

Совершенно иную картину дают памятники I тысячелетия н. э. в послепьяноборское время. Прежде всего в чрезвычайно сильной степени увеличивается самое количество городищ этого времени. Если в ананьинскую эпоху они исчисляются десятками, то памятники I тысячелетия н. э. насчитываются сотнями. Меняется самый характер распространения поселков. На ряду с расширением обитаемой области вообще, она расширяется и внутри узкого района, т. е. поселения встречаются не только на основных крупных магистралях бассейна, как было в предыдущее время, но и на всех мелких притоках. Обычно это небольшие поселки с чрезвычайно слабо выраженным культурным слоем и с незначительным количеством культурных остатков.¹ Как правило, все находки

¹ Известно несколько городищ со слоем 60—70 см и с довольно значительным количеством находок. Эти городища отличаются от указанного обычного типа также значительно большей площадью. Мною учтено три таких памятника.

заканчиваются в небольшом количестве керамики. Общий облик городищ I тысячелетия указывает на то, что они представляли собой недолговечные поселки, существовавшие 15—20 лет. Такой тип поселения сохраняется вплоть до X в. н. э.

В X в. возникает новый тип поселения. Происходит как бы возврат к типу поселка ананьинского времени, с прочной оседлостью, но уже на основе плужного земледелия. Мы снова видим городища с мощным культурным слоем с массой встречающихся на них находок. Количество городищ снова заметно сокращается.

Если земледельческая основа памятников всех трех указанных этапов совершенно ясна уже по находкам сельскохозяйственных орудий, то сами эти находки не всегда дают данные для решения вопроса о смене форм земледелия. В частности, оставался неясным вопрос о форме земледелия в ананьинскую эпоху и дальнейший путь развития его до плужного земледелия болгарского времени. Только прослеживая характер изменения поселка в I тысячелетии н. э., мы находим несомненное указание на переход в это время к подсечному земледелию, которое соответственно могло лишь в зачаточном состоянии существовать в ананьинское время. Земледелие ананьинского времени, очевидно, строилось на использовании небольших участков свободной от леса земли вокруг поселка и может быть естественных гарей, без применения подсеки как системы хозяйствования.

Камской экспедицией ИИМК в 1935—1937 гг. были проведены большие раскопки одного из поселков болгарского времени — Роданова городища на верхнем плесе Камы, в 50 км ниже Березников. Раскопки позволяют достаточно полно восстановить как планировку поселка, так и тип жилища. Было вскрыто большое количество оснований домов площадью до 50—60 кв. м, каждый из них имел в центре большой глинобитный открытый очаг и яму-хранилище. Вдоль стен располагались деревянные нары. Такой комплекс указывает на то, что это был больше-семейный дом. Этот тип жилища сложился еще раньше, в ломатовское время, сменив, повидимому непосредственно, родовой („длинный“) многоочажный дом, существовавший, как выяснено А. В. Збруевой, в ананьинское время. Каждый большесемейный дом (по плану нижнего слоя X в.) имел свой двор, отделенный от соседнего двора и дома изгородью. Внутри дворов открыты наружные ямы-хранилища (рис. 6).

Планировка поселка очень интересно сопоставляется с фактом нахождения на городище по меньшей мере пяти типов тамг. На городище жили, таким образом, представители не меньше пяти родов. В связи с этим вопрос о социальной организации поселка наиболее вероятно решается в пользу соседской общины. Как постройка укреплений вокруг поселка осуществлялась всеми родами совместно, так, очевидно, и земельный вопрос разрешался какой-то межродовой или надродовой организацией. Иначе говоря, род потерял решающее значение в самом основном вопросе жизни населения. Естественно, что такой тип поселений и такая социальная структура поселка предполагает более общую надродовую организацию или прочное племенное объединение или государство. Целый ряд данных указывает, что в XII—XIII вв. в Верхнем Прикамье чрезвычайно углубляется социальная дифференциация. В это время появляются богатейшие клады. Это не культовые серебряные вещи (сасанидские и византийские блюда), которые были известны и в предыдущее ломатовское время, а большие клады личных, женских украшений, состоящие из ювелирных, повидимому, болгарских изделий, прекрасно сделанных ожерелий из хрустальных и сердоликовых бус

и др., например, Верх-Кондасский, Осокинский, Вильгортский (рис. 7)¹ и другие клады. Появляется полное вооружение дружинника: меч и сабля, кольчуга, повидимому, шлем, доступные лишь наиболее богатым членам племени, из которых составлялась полурегулярная племенная конная дружина.

Тем не менее у нас слишком мало данных, чтобы говорить о возникновении классового общества — государства. Наоборот, замечательная коми-пермяцкая легенда о Кудым-Оше, в своих древних элементах безусловно восходящая именно к этому времени, в ярких красках рисует образ племенного вождя.

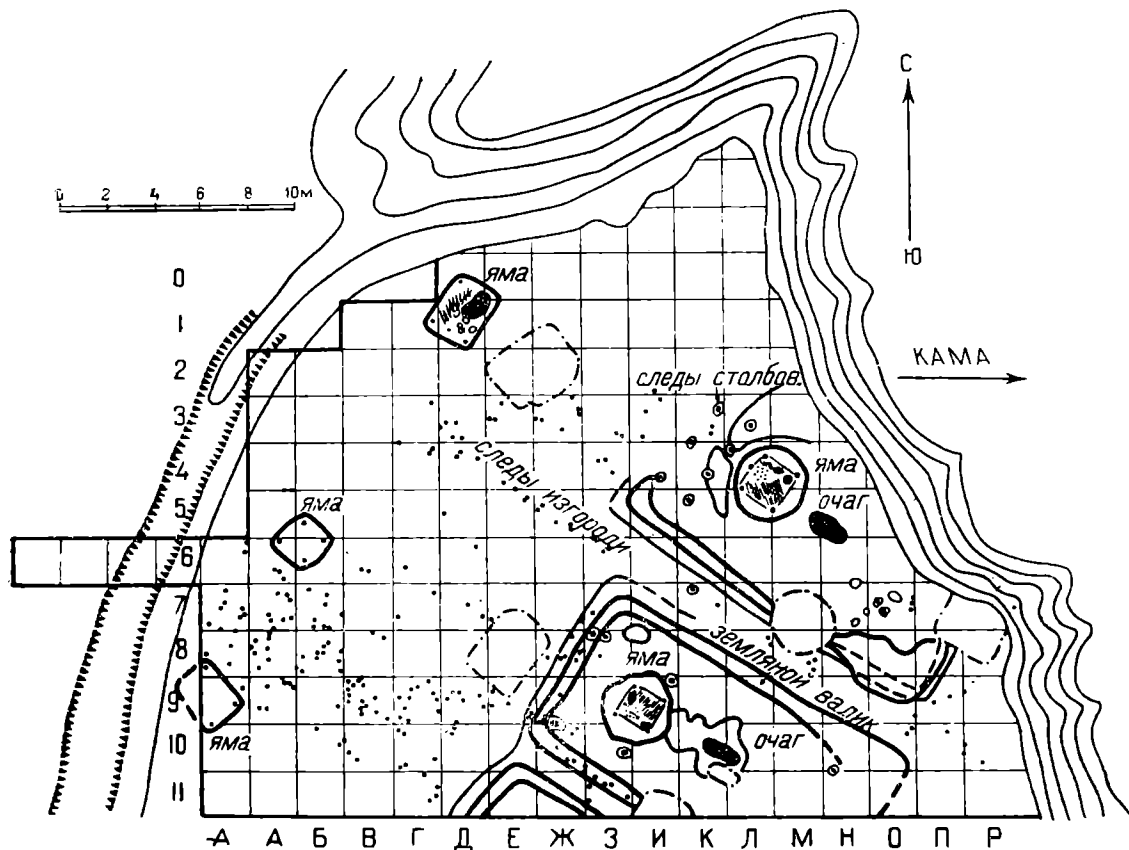

Рис. 6. План раскопанной части Роданова городища.

Карта распределения памятников болгарского времени показывает, что население в это время концентрировалось в бассейне Верхней Камы. Группа Чепецких памятников исследованиями А. П. Смирнова убедительно связывается с предками удмуртов. Не менее монолитную группу составляют памятники остального бассейна Верхней Камы. Несколько изолированы лишь памятники Зюздинского края на самых верховьях Камы. Таким образом объединение, о котором идет речь, имело четко очерченную племенную территорию.

Итак, мы кратко охарактеризовали основные черты группы верхнекамских памятников болгарского времени и частично пути их возникновения. Памятники болгарского времени X—XIII вв. теснейшим образом связаны с более древними комплексами. Хотя в предыдущую ломова-

¹ Вильгортский клад найден в 1930—1932 гг. Ф. Е. Езовым при пахоте огорода, якобы при женском погребении в сел. Вильгорт на р. Колве.

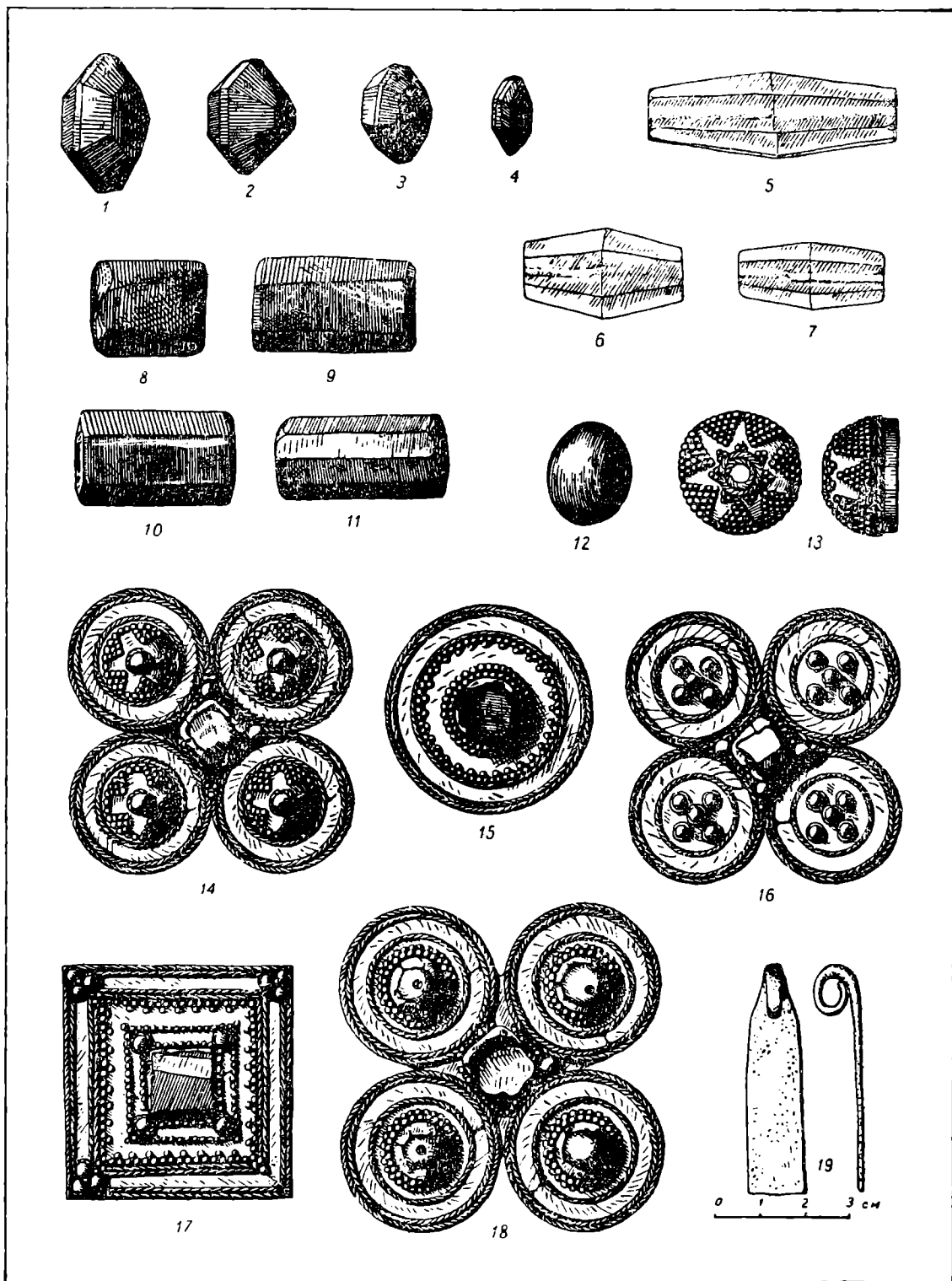

Рис. 7. Вильгортский клад.

1—4—сердоликовые бусы семигранные в плане; 5—7—хрустальные бусы; 8—11—бусы сердоликовые; 12—буса стеклянная синяя (в кладе таких две); 13—половинка серебряного шарика (всего в кладе четыре); 14—серебряная бляха с сердоликовой вставкой в центре (в кладе таких две); 15—серебряная бляха (вставка выпала); 16—серебряная бляха с сердоликовой вставкой в центре; 17—серебряная бляха с сердоликовой вставкой (в кладе таких две; у второй вставка и ее обрамление круглы); 18—серебряная бляха (для вставки использованы круглые сердоликовые бусы); 19—бронзовая петля (в кладе таких четыре).

товскую эпоху группировка населения в бассейне рек была иной, хотя нет никаких данных для связи чепецкой и верхнекамской групп с какими-нибудь определенными группами памятников предыдущего времени, тем не менее безусловно преобладающим этническим элементом, из которого сложились племена болгарского времени, является местный камский элемент. От ананьинского времени до болгарского включительно прослеживается ясная местная традиция, которую можно установить по металлическим культовым изображениям и керамике.

Не менее ясно в X—XII вв. выступает влияние болгарского элемента. Очень велико количество привозных из болгарских городов вещей. Болгары привозили сюда керамику, оружие и другие железные вещи, ювелирные изделия и часть бронзовых украшений. Культура плужного земледелия в Верхнем Прикамье складывается под непосредственным влиянием болгар. Типы сельскохозяйственных орудий этого времени заимствованы у болгар. Заимствование большого количества чувашских слов в языке коми, отмеченное Вихманом, следует отнести именно к этому времени.

Решение вопроса об этнической принадлежности описанных памятников, т. е. связи их с современными народами Приуралья, прежде всего упирается в проблему: каким образом сложилась общность населения на Вычегде и на Каме? На этой территории в настоящее время живет народ коми, состоящий из двух основных групп: коми-зырян, населяющих весь бассейн Вычегды, верховья Мезени и частично Печору, и коми-пермяков. Территория последних, лишь в несколько суженном виде, точно совпадает с областью распространения городищ X—XIII вв.

Если бы мы расширили карту памятников к северу, то увидели бы такую же крупную группу памятников, близкую по культуре к камской, в бассейне Вычегды с примыкающими к нему районами, на верхней Мезени (Вашка и верховья Мезени) и верхней Ижме. Продвигаясь от вычегодской группы на восток, на Верхней и Средней Печоре не найдем ни памятников, ни вещей X—XIII вв. Незначительное количество их найдено лишь на Нижней Печоре. По всему течению реки известно большое количество находок более раннего времени (главным образом ломоватовского). Вещи же X—XIII вв. известны не выше впадения Усы.

Только уже в Зауралье на Сосьве и Ляпине, Конде, на Оби, Иртыше и Тоболе со всеми притоками найдем снова большое количество памятников этого времени.

Все эти три группы памятников, т. е. верхнекамская, вычегодская и зауральская, имеют известное сходство между собой, главным образом за счет металлических вещей, которые попадали из Прикамья на Вычегду и в Зауралье. Тем не менее, эти группы памятников территориально обособлены и в культурном отношении они несколько отличны. Решающим моментом в этом отношении является керамика. Типы местной керамики производят внешнее впечатление однородности благодаря их архаизму, но этот архаизм различен в каждой из областей. Если камская керамика несет в себе традиции ананьинской культуры, то керамика зауральских городищ, в особенности своей орнаментикой, связана с сибирскими бронзой и неолитом. Зауральской керамике совершенно чужда примесь раковины, распространенной на Каме от ананьинской эпохи до XIII в. н. э. Вычегодская керамика, напоминая в общем Камскую, отличается от нее очень рано появляющимся русским влиянием, отражающимся как на технике изготовления сосудов, так и в орнаментике. Русское влияние ясно выражено и в значительно большем, чем на Каме, количестве вещей западного происхождения.

Территория вычегодской группы памятников в точности совпадает с областью Перми, описанной в житии Стефана Пермского, и с территорией, занятой в настоящее время коми-зырянами, исключая вновь освоенные районы на Печоре и в других местах. Древняя Пермь до XIV в. в летописях и грамотах всегда Пермь на Вычегде и никогда на Каме.

Летописную Печору, очевидно, можно поместить только в нижнем течении р. Печоры. На средней и верхней Печоре неизвестны памятники и находки, которые можно было бы синхронизировать с данными летописи.

Югра, неизменно помещаемая древнейшими русскими источниками к востоку от Печоры, может быть связана только с Зауральской группой городищ.

Вопрос этнической принадлежности памятников Прикамья значительно сложнее. Большой популярностью пользуется точка зрения, что Прикамье в это время было заселено уграми или прямо югрой. Несколько работ обоснованию этой точки зрения посвятили А. Ф. Теплоухов, Каннисто и др. А. Ф. Теплоухов связывал уход угров из Прикамья с вытеснением их народом коми, которое произошло вслед за русским завоеванием, и относил этот процесс к XVI—XVII вв. Иначе говоря, с этой точки зрения общность коми-населения на Вычегде и Каме сложилась только в XVI—XVII вв. за счет прямого переселения с севера. Но мысли Теплоухова обоснованы преимущественно фамильными названиями и топонимикой. Противоречия с некоторыми русскими письменными источниками не позволяют мне вполне согласиться с его выводами. Когда в конце XIV в. русским, в частности автору жития Стефана Пермского, становится хорошо известной область Верхней Камы, он называет верхнекамское население не вогулами, хотя и они ему прекрасно известны, а именем, родственным вычегодскому населению, — Пермью Великой. Население Перми Великой в XIV в. должно было жить еще на тех же городищах родановского типа. Датировка их X—XIII вв. охватывает лишь совершенно безоговорочный массовый материал. Верхние слои этих городищ, плохо сохранившиеся благодаря распашке, представлены сравнительно слабо. Но небольшое количество вещей XIV в. все же есть. Многие из городищ сохранили древние пермяцкие (также и по мнению А. Ф. Теплоухова), а не угорские наименования. Таковы Кудымкар, Майкар, Дойкар, Редикар и т. д. С Кудымкарским городищем связано коми-пермяцкое предание о племенном вожде Кудым-оше. Территория Перми Великой по писцовым книгам XVI ст. полностью совпадает с областью распространения городищ болгарского времени. Верхние слои городищ так неразрывно преемственно связаны во всех элементах культуры с нижними слоями, что не приходится также говорить о смене населения на протяжении X—XIV вв.

Очевидно, общность населения Верхнего Прикамья и Вычегды складывается не в XVI в., а не позднее X—XII вв. Хотя и несомненно, что отдельные элементы коми-языка и культуры возникли в глубокой древности, тем не менее возникновение общности во всем комплексе культуры можно относить не глубже X в. Процесс возникновения ее происходит под непосредственным влиянием продвижения плужного земледелия из Прикамья на Вычегду, где встречаются ральники болгарского типа, какие бытовали и на Каме.

Нет никаких оснований допускать смену угорского населения финским и в X в., как думал А. В. Шмидт. Нижние слои X в., хорошо представленные на большинстве городищ болгарского времени и орга-

нически входящие в вещевой комплекс памятников, в то же время являются позднейшими дериватами предыдущего ломоватовского комплекса. Следует, таким образом, признать, что история комипермяцкого народа теснейшим образом связана с местными камскими памятниками, что основной древней базой, на которой сложился пермяцкий народ и его культура, было местное камское население.

В своей работе я, естественно, не мог удовлетвориться полным отсутствием исторических сведений в отношении Верхнего Прикамья для такого времени, когда эти сведения неизбежно должны были существовать. Для меня всегда оставалось загадкой, каким образом область Верхней Камы могла оставаться неизвестной болгарам и через них арабам, если болгары совершали по Каме поездки в Югру. Археологический материал показывает, что Верхняя Кама была прекрасно известна болгарам. Они привозили сюда керамику, украшения, оружие, ювелирные вещи и пр.

Изучение сообщений арабов о народе вису или ису убедили меня, что под этим именем болгарам были известны народы Прикамья. По сообщениям Ауфи, народ ису находится в 20 днях пути от болгар. По ту сторону ису, к северу, живет народ югра и по ту сторону югры — народ на берегу моря, занимающийся морским промыслом. Учитывая археологический материал и положение Югры, совершенно ясное по русским источникам, мы можем локализовать ису по данным Ауфи только на Верхней Каме.

Якут говорит, что болгары ездили к вису по р. Итилю. Из сообщений Ибн-Хаукаля и Истахри и особенно автора Худуд-аль-Алам известно, что продолжением Волги арабы считали Каму, а не верхнюю Волгу. Такое понимание было настолько распространено у арабов, что хотя Хвольсон и придерживался точки зрения Френа, связывавшей вису с летописной весью, все же он принужден был считать, что болгары ездили к виси по Каме.

Андалуси сообщает, что болгары везут к ису необделанные клинки мечей и другие вещи, которые ису переправляют дальше югре. Подтверждение и конкретизацию промежуточной роли населения Верхней Камы в торговле болгар с Зауральем нетрудно найти в тесных взаимоотношениях Прикамья и Зауралья, вскрываемых археологическим материалом. Указание Ауфи о езде на собаках находит подтверждение в более поздних описаниях Перми Великой у Гербертштейна.

Только научная традиция заставляла большинство историков следовать теории, предложенной Френом. Уже давно его положения были подвергнуты сомнению Вестбергом. Он указывал, что весь очень рано была включена в состав русского государства со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Торговые взаимоотношения древней Руси с болгарам достаточно выявляются в договоре начала XI в. болгар с Владимиром. Договор разрешает болгарам беспрепятственно продавать товар купцам в городах и, обратно, покупать от них же, но предлагает по селам не ездить, тиунам, вирникам, огневитине и смердине не продавать и от них не покупать. Поэтому торговые взаимоотношения болгар с населением Верхней Волги должны были иметь совершенно другой характер, чем описываемый в сообщениях арабов в отношении к вису. Таким образом выясняются две основные группы, из которых сложился коми-народ. Камская группа — вису на Верхней Каме и вычегодская группа — летописная пермь. В отношении последнего распространено убеждение, что этот термин не может быть самоназванием народа. Различные исследователи связывают происхождение этого имени со скан-

динавскими, западнофинскими или русскими источниками. Между тем никем до сих не обращалось внимание на наличие в Прикамье и Приуралье таких близких терминов, как „пор“. Таким именем коми и удмурты называют мари. Пор — одна из фратрий манси и хантэ. Таким образом за местное происхождение первого элемента имени пермь „пер“ имеются вполне определенные данные. Второй элемент обычно объясняется как ма — земля, что может иметь серьезные основания. Но не исключена возможность использования двух фратриальных терминов, которые могли бытовать в этнически близкой манси и хантэ среде Приуралья, в каких-либо близких вариантах, т. е. терминов „пер“ (пор) и „мош“. Скрещивание их могло дать „пермош“, сократившееся в „пермь“

Вису как местный этноним может найти объяснение в наличии у коми суффикса множественного числа „йес“, который иногда еще сохраняет значение „народ“.

Этими двумя группами отнюдь не охватывается все этнические многообразие культуры коми. Они представляют лишь основные местные элементы, из которых сложился этнический облик коми. Выявление других наслоений дело дальнейшего будущего.

М. В. Талицкий

ЭТНОГЕНЕЗ КОМИ В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ¹

Последние годы Институт антропологии МГУ ведет систематическую работу по изучению антропологического состава коми. На сегодня коми являются одним из наилучше изученных в антропологическом отношении народов Восточной Европы. Уже обследована 21 локальная группа зырян и пермяков; не так далек тот день, когда можно будет составить сплошную антропологическую карту зоны расселения этих народов.

Результаты проделанных работ ясно показывают, что в составе коми выделяются три основных группы антропологических типов.

Первая группа — те переходные между европеоидами и монголоидами формы, которые в антропологической литературе известны под наименованиями лапоноидных и сублапоноидных, уральских и субуральских. Характерными особенностями всех этих форм являются: рост низкий или во всяком случае ниже среднего, прямые, но мягкие волосы, ослабленный по сравнению с типичными европеоидами третичный волосяной покров, темная или смешанная пигментация волос и глаз; несколько уплощенное, нередко низкое лицо, довольно значительное развитие складки верхнего века, небольшой процент эпикантуса, средне-выступающий нос, очень часто с вогнутой спинкой и т. д. Переходные типы северо-западной Евразии обычно подразделяются на две группы: брахицефальную — лапоноидную и мезоцефальную — уральскую.

Среди коми наиболее ярко лапоноидные черты выражены в верховьях Камы и Зюздинском районе Кировской обл. Зюздинские коми-пермяки даже физиономически нередко сильно напоминают саамов. Аналогичные сочетания расовых признаков обычны также на Иньве, Язьве, Лузе, Сысоле, местами на верхней Вычегде. На северо-западе Коми АССР в бассейне верхней Мезени встречаются близкие комбинации с более низким головным указателем, сходные с уральскими или субуральскими формами.

¹ Выступление по докладу М. В. Талицкого.

Наличие лапоноидных и уральских типов у коми указывает на глубокую связь расообразовательных процессов, развернувшихся на территории расселения коми с аналогичными явлениями во всей лесной области от Балтики до Енисея; недаром у всех народов, живущих на этой территории, можно найти антропологические типы, почти идентичные с теми, о которых я только что говорил. На востоке они, естественно, более монголоидны, на западе они более европеоидны, но общие переходные черты прослеживаются у народов всей этой огромной зоны — от саамов и суоми до селькупов и хантов.

О происхождении урало-лапоноидов уже говорили в своих докладах Г. Ф. Дебец и Т. А. Трофимова. Формы эти, повидимому, возникли в результате смешения между европеоидами и монголоидами, происшедшего в лесной зоне северо-западной Евразии, начиная с эпохи первоначального заселения ее человеком со стороны Европы и Азии.

Дальнейшие приливы как европеоидных, так и монголоидных типов стимулировали и усиливали эту метисацию, продолжающуюся до самого последнего времени. Черепа из Луговского могильника, о которых сообщила Т. А. Трофимова, имеют большое значение для правильного понимания генезиса переходных евразийских форм, так как черепа эти, вероятно, являются одним из исходных компонентов формирования урало-лапоноидов.

Вторая группа антропологических типов, входящих в состав коми, — депигментированные европеоиды балтийского круга. Их характерную особенность составляют светлые волосы и глаза. В составе светлых европеоидов обыкновенно выделяют два типа: 1) более длинноголовый и высокорослый, с относительно узким, удлинненным лицом и сильно выступающим носом — северо-европейский или нордический и 2) более короткоголовый и низкорослый с относительно низким округлым лицом и менее выступающим носом с вогнутой спинкой — восточнобалтийский.

Среди коми можно проследить широкое распространение обоих вариантов.

Комбинации, сильно напоминающие северо-европейский тип, наиболее ярко представлены в Удорском районе Коми АССР, в особенности в верховьях р. Вашки. Сочетание основных расово-антропологических признаков, характерное для удорских коми, очень близко к преобладающему в Скандинавии. Трудно найти в восточной Европе группу, которая по антропологическому облику была бы так сильно похожа на норвежцев, как удорские коми. Высокий рост, мезокефалия, светлая окраска волос и глаз, средне-широкое и высокое по европейским масштабам лицо, узкий выступающий нос с прямой спинкой и т. д. — все эти черты сближают удорских коми с населением Скандинавского полуострова. В смягченных, смешанных формах те же особенности выражены и у других групп северных коми — на верхней Мезени, на Выми, на нижней Вычегде, на Печоре и т. д. (см. табл.).

На окраинах очерченного ареала северо-европейский тип постепенно замещается более брахикефальными и низкорослыми формами восточнобалтийского облика, которые преобладают среди коми Вычегодского и, отчасти, Камского бассейнов. Вопрос о происхождении балтийского типа не может считаться окончательно выясненным, но если иметь в виду „балтийские“ варианты среди коми, то представляется весьма вероятным, что они сложились в результате смешения лапоноидного переходного типа с северс-европейским. В пользу такого предположения говорит тот факт, что почти все группы зырян и пермяков могут быть расположены в виде промежуточных звеньев между удорскими и зюэдин-

скими коми. Удорцы и зюздинцы составляют как бы два крайних варианта, а остальные группы всевозможные переходы между ними.

Так или иначе, наличие светлых европеоидных элементов среди коми говорит о значительных связях населения бассейнов Вычегды и Мезени с более западными территориями до Прибалтики и Скандинавии включительно. Антропологически северные коми (зыряне) больше напоминают русских области новгородской колонизации, карел или вепсов, чем пермяков, удмуртов и других финских народов Прикамья и Поволжья.

Третья группа расовых компонентов коми вырисовывается гораздо менее ясно, чем урало-лапоноиды и нордо-балтийцы. Речь идет об относительно темных мезокефальных европеоидах восточно-средиземноморского круга, широко распространенных среди народов Поволжья и Прикамья и связанных со степными областями, с Причерноморьем и Северным Кавказом.

Присутствие этих форм очень вероятно среди коми-пермяков, особенно в бассейне Иньвы. Если сравнить между собой суммарные антропологические характеристики зюздинских и иньвенских коми, то станет ясно, что вторые отличаются от первых в сторону приближения к восточно-средиземноморскому типу. Такое направление межгрупповой изменчивости находит выражение в понижении головного указателя, в увеличении процента волнистых волос, в повышении роста бороды, в уменьшении доли вогнутых спинок носа и т. д. Все эти сдвиги на Иньве не связываются с заметной депигментацией волос и глаз (см. таблицу).

Существование восточно-средиземноморских элементов у коми-пермяков говорит о вероятном вхождении в их состав каких-то южных степных типов, может быть имеющих общее происхождение с аналогичными формами среди удмуртов, манси, башкир и поволжских татар.

* * *

В общем антропологические данные заставляют предполагать, что коми-зыряне как этническое целое сформировались в результате взаимодействия и слияния по крайней мере двух основных племенных группировок — северо-западной и юго-восточной.

Северо-западная группа имела своим центром современную Удору; к ней принадлежало, по всей вероятности, также население Нижней Вычегды и Выми. Позднее — в XVI—XVIII вв. — представителями этой группы была колонизована Нижняя Печора и Ижма.

Юго-восточная группа охватывала прежде всего бассейн Сысолы и простиралась к северу до Средней Вычегды, к югу и юго-западу — до Лузы и Летки. Выходцами из перечисленных районов были впоследствии заселены верховья Вычегды и Печоры.

Даже в очень поздних исторических памятниках, напр. в писцовых книгах XVI и XVII вв., можно найти следы существования этих двух территориально-племенных группировок, между которыми лежала слабо заселенная полоса, как раз соответствующая современному центру расселения коми — району Сыктывкара.

Что касается до коми-пермяков, то антропологический материал наталкивает на мысль, что они сформировались в результате слияния местного аборигенного населения Прикамья с переселенцами со стороны Сысолы и Вычегды. Очень большую примесь светлого европеоидного типа у коми-пермяков на Иньве и Язьве естественнее всего объяснить связью с Вычегодским бассейном. Это тем более вероятно, что писцовые книги

Основные расовые признаки разных групп народа коми

(зыряне и пермяки; мужчины 20—60 лет)

Признаки	Группы						Группы	
	Коми АССР (зыряне)						Пермяки	
	удорские	ижмо-печорские	вымско-вычегодские	сысольские, прилуцкие	верхне-вычегодские	Кировская обл. зюдинские	Коми-пермский окр. иньвенские	Молотовская обл. верхне-язвинские
Число исследованных	233	240	230	362	421	236	448	205
Рост	167.3	164.3	164.2	163.7	163.8	164.4	162.8	163.0
Рост бороды, М (1—5)	2.82	2.84	2.67	2.54	2.51	2.33	2.50	2.52
Цвет волос { % черных (27, 4—5) % светлых (9—26)	22.3 37.8	24.0 34.5	13.4 34.5	22.1 25.6	8.8 26.9	54.1 9.6	45.5 11.9	27.7 30.5
Цвет глаз { % темных (1—4) % светлых (9—12)	9.9 52.3	8.7 46.7	5.2 57.5	3.6 50.0	5.2 39.4	18.6 35.1	4.6 40.2	11.7 44.9
Продольный диаметр	192.2	191.1	189.2	187.7	187.6	184.3	186.3	184.8
Поперечный диаметр	151.4	150.8	153.0	155.2	154.0	153.4	152.2	152.1
Головной указатель	78.8	79.0	81.0	82.7	82.3	83.3	81.3	82.4
Морфологическая высота лица	126.5	125.9	125.1	123.3	124.8	122.3	124.9	125.1
Скуловой диаметр	140.0	140.5	140.8	141.4	141.4	140.9	140.5	140.3
Горизонтальная профилир. лица	2.14	2.13	1.96	1.84	1.93	1.86	1.72	2.05
Нижнечелюстной диаметр	109.2	110.3	109.4	110.0	110.1	109.9	111.3	111.4
Складки верхнего века, % наличия	66.5	67.5	70.7	80.7	72.6	75.9	64.4	57.2
Эпикантус, % наличия	0.0	1.4	1.3	0.3	1.0	0.3	1.3	1.5
Носовой указатель	64.4	64.3	65.8	66.2	66.5	69.2	65.8	65.6
Высота переносья, М (1—3)	2.16	2.13	2.08	2.08	2.06	1.95	2.02	2.13
Спинка носа { % вогнутых % выпуклых	29.2 7.7	32.9 6.7	32.8 6.6	24.6 11.9	32.0 4.3	42.8 3.8	9.0 19.9	15.8 15.3

дают возможность установить огромную переселенческую волну, которая шла со стороны Сысолы в направлении Верхней Камы и Вишеры, в XVI—XVII вв. Я не хочу сказать, что только в это время коми-пермяки сформировались как определенная народность, как определенная этническая группа. Я думаю, что М. В. Талицкий прав, когда он возражает Теплоухову, считавшему, что консолидация пермяцкого народа происходила так поздно. Но самый факт переселения оспаривать не приходится, так как исторические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят об этом очень ясно. На Сыsole писцовые книги полны пометок: ушел на Каму, сбежал в Верхокамье и т. д. А писцовые книги Иньвы и Верхней Камы того же периода содержат много указаний на новых „приходцев“ с такими прозвищами, как сысолетин, вычегодец и т. д. Писцовые книги зафиксировали только последнюю фазу процесса, начавшегося гораздо раньше, вероятно, задолго до русского завоевания.

Очень интересен вопрос об антропологическом составе того аборигенного населения, которое издревле существовало в верховьях Камы на Иньве и на других реках, где формировались коми-пермяки. Несомненно, что население это антропологически уже не было однородно. По всей вероятности оно включало, с одной стороны, те лапоноидные типы, которые в настоящее время так ярко представлены среди зюздинских пермяков, с другой стороны — степные восточно-средиземноморские элементы, с древнейших времен широко распространенные в степях Причерноморья, Поволжья, Южного Приуралья и Сибири.

Подводя итоги, можно сказать, что антропологические материалы не только обнаруживают глубокие связи коми с другими народами таежной полосы северо-западной Евразии, но и помогают в освещении многих темных мест того этногенетического процесса, в результате которого возникли современные народности Приуралья и Прикамья, в том числе зыряне и пермяки.

Н. Н. Чебоксаров

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯКУТСКОЙ НАРОДНОСТИ

В вопросе о происхождении якутов до сих пор в науке безраздельно господствует вульгарно-миграционистская точка зрения, впервые высказанная еще исследователями XVIII в. (Страленберг, Миллер, Гмелин, Фишер) и повторяемая с различиями лишь в деталях всеми авторами, вплоть до новейших. Эта точка зрения „происхождения якутов с юга“ считается этнографической аксиомой.

Однако эта упрощенная концепция не может нас удовлетворять. Она подменяет проблему формирования якутского народа вопросом о его географическом передвижении, основана на неисторическом подходе к проблеме этногенеза и не дает ключа к пониманию сложности и своеобразия якутской культуры и языка. Эта концепция объясняет лишь некоторые черты культуры и языка якутов, но оставляет без объяснения ряд других.

Неоднократно делались попытки отождествить якутов с теми или иными из древних народов Азии: их сближали с хуннами, саками, уйгурами, курыканами, сакьятами, урянхами. Но все эти попытки основаны или на одном созвучии названий того или иного народа с самоназванием якутов „сака“, или на чрезвычайно шатких географических соображениях.

Чтобы правильно подойти к проблеме этногенеза якутов, необходимо прежде всего поставить вопрос об этническом составе якутского народа. В какой мере однородную группу представляет собой этот народ и какие имеются у нее данные, которые бы позволили выделить его компоненты.

Не только в настоящее время, но и в эпоху русского завоевания, т. е. около середины XVII в., якуты представляли собой уже консолидировавшуюся этническую группу. Они резко выделялись из числа всех своих соседей — лесных охотничьих племен — не только более высоким уровнем хозяйственного и социального развития, но и тем, что, в противоположность пестрой и разноязычной массе тунгусско-ламутско-юкагирских племен, якуты говорили на одном языке.

Однако в социально-политическом отношении якуты в эпоху русского завоевания были далеки от единства. Они делились на множество племен, крупных и мелких, независимых друг от друга. По ясачным книгам и другим документам XVII в. мы можем иметь довольно полное представление о племенном составе якутского населения того времени, отчасти и о географическом расселении отдельных племен и о их численности.

Нам известно до 80 названий крупных и мелких якутских племен, существовавших в XVII в. Численность наиболее крупных из них (мегинцы, кангаласы, намцы и др.) составляла 2—5 тыс. человек в каждом, другие насчитывали по несколько сотен душ.

Вполне законно предположение, что эти племенные группировки отражают в какой-то мере сложный, разноплеменный состав якутской народности.

Это предположение подтверждается анализом как антропологического, так и лингвистического и этнографического материала.

Изучение расового состава, материальной и духовной культуры, языка и этнонимии якутов обнаруживает разнородность вошедших в состав якутского народа элементов.

Антропологические данные (материалы Геккера по 4 якутским наслегам) указывают на присутствие в составе якутского населения двух или нескольких основных расовых типов, из которых часть, повидимому, имеет связь с типом северобайкальских тунгусов (Рогинский), а может быть и североазиатским.

Довольно ясное представление о разнородности состава якутского народа дает анализ материальной культуры якутов. Эта последняя содержит в себе весьма неоднородные по происхождению элементы. Скотоводческое хозяйство якутов имеет явно южное происхождение и связывает якутов с кочевническими культурами южной Сибири и Центральной Азии. Однако и скотоводство якутов подверглось своеобразной переработке в условиях северной природы (акклиматизация пород скота, своеобразие способов содержания скота и пр.). Напротив, рыболовное и охотничье хозяйство якутов не обнаруживает никаких связей с югом, а имеет явно местное, таежное происхождение.

В одежде якутов мы видим рядом с элементами, связывающими якутов с южной Сибирью (праздничный „сангыях“, женские головные уборы), такие типы, которые должны считаться местными („сон“, обувь, и пр.).

Особенно показательны формы жилища. Элементов южного происхождения здесь мы почти не находим. Господствующий тип якутского жилища — „балаган“ в виде усеченной пирамиды из наклонно поставленных жердей — может быть сближен только со старинным „палеоазиатским“ типом жилища — четырехугольной землянкой, из которой он,

повидимому, и развился. Другой, ныне почти исчезнувший, тип — коническая „ураса“ — сближает якутов опять-таки с таежной охотничьей культурой.

Итак, анализ материальной культуры якутов подтверждает тот вывод, что якутская культура сложного происхождения, что в составе ее, наряду с элементами, занесенными из южных степей, имеется целый ряд элементов северного, таежного, т. е. автохтонного происхождения. При этом особенно важно подчеркнуть, что все эти элементы не механически перешли в якутскую культуру, а подверглись переработке, и что некоторые из них дали лишь начало совершенно самостоятельному развитию самобытных культурных черт на местной якутской почве.

Анализ явлений духовной культуры, в частности религии, с точки зрения выяснения культурных связей якутов, является сложной задачей. Сравнить с этой целью основные формы и содержание верований и культа якутов с аналогичными явлениями у других народов бесполезно, так как они представляют собой лишь отражение социально-экономического строя данного народа и сходство их отнюдь не всегда говорит о культурном родстве. Последнее может быть прослежено по отдельным деталям в обрядности и верованиях, а также по теонимике (имена божеств). Здесь мы находим некоторые общие черты с бурятскими верованиями (имена некоторых божеств), но больше с тунгусскими культурами (тип шаманства; костюм и форма бубна шамана, охотничий культ), а в некоторых деталях с палеоазиатскими (шаманские духи „келени“ || чукотские „келе“ || корякские „кала“ || юкагирские „кукуль“, „корель“).

Данные лингвистики тоже подтверждают правильность нашей точки зрения о сложности этнического состава якутской народности.

Якутский язык очень хорошо изучен с точки зрения его связи с турецкими и монгольскими языками (Бётлингк, Ястрембский, Радлов, Пекарский), но совершенно не изучен с точки зрения связи с тунгусскими и палеоазиатскими языками. Однако в прекрасной работе Радлова о якутском языке хорошо показано, что этот язык в основе не турецкий, а представляет собой язык „неизвестного происхождения“, подвергавшийся в ходе своего развития монголизации, а потом (дважды) тюркизации, и что современная турецкая структура якутского языка есть лишь результат последней стадии его развития.

Субстратом, на котором происходило образование якутского языка, вероятно, были тунгусские диалекты ленско-алданско-вилюйского бассейна. Следы этого субстрата прослеживаются не только в якутском словаре, но даже и в фонетике (окание и акание якутских говоров, географически связанные с районами тунгусских окающих и акающих диалектов; долгота гласных и согласных) и в грамматическом строе (отсутствие местного падежа). Возможно, что в дальнейшем удастся обнаружить и еще более древний палеоазиатский (юкагирский) пласт в якутском языке.

Наконец, и этнонимика якутов не только хранит следы разноплеменного и разноязычного состава якутского народа, но и дает более точные указания о наличии в его среде как пришлых южных, так и местных северных элементов. Остатками южных родоплеменных групп, влившихся в состав якутского населения, можно считать якутские племена и роды (теперь наслеги): Батулинцев, Хоринцев, Харбяттов, Туматов, Эргитов, Тагусов, Кыргыдайцев, Кирикийцев. Напротив, ряд других названий родов и племен следует считать остатками местных групп, подвергшихся якутизации: Бытахский, Чордунский, Оспецкий и другие роды и наслеги; одноименные роды есть и у тунгусов.

В якутском фольклоре сохранились следы иноязычного происхождения некоторых из этих племенных групп. Так, у якутов есть воспоминание о том, что хоринцы (хоролоры) говорили на особом языке. Есть даже якутская поговорка: „не по-хоролорски тебе говорю, а по-якутски“; у северных якутов есть выражение „хоро тыла“ — язык хоринцев, невнятный, непонятный язык. Сохранились также следы того, что особой племенной группой были уранхайцы. Вероятно, после объединения их с племенем саха сложилось выражение „урангхай-саха“, означающее весь якутский народ.

Что касается происхождения термина „саха“ — теперешнего самоназвания якутов, то, повидимому, это было название одного из племен, вошедшего в состав якутской народности. Перенесение этого имени на всю народность, вероятно, было вызвано преобладанием этого племени в социальном или культурном отношении. Вполне возможно допустить историческую связь этого племени саха с „сахыят“ Рашид-Эддина, а может быть и с древними саками Средней Азии. Но это предположение вовсе не означает, как это допускали прежние исследователи, что якуты в целом — прямые потомки этих саков или сакыятов.

Племя саха нужно, повидимому, отождествить с носителями того турецкого языка, проникновение которого, с точки зрения Радлова, придало окончательное оформление якутскому языку, сообщив ему его теперешний турецкий строй.

Все приведенные нами выше факты, таким образом, свидетельствуют об одном и том же: о сложном составе якутской народности, о наличии в ней разноэтнических, разноязычных и разнокультурных элементов. Часть этих элементов имеет местное севернотаежное происхождение, и присутствие их в составе якутского населения означает не что иное, как наличие древнего автохтонного слоя, который можно считать условно „тунгусским“, а может быть и палеоазиатским. Но другая часть имеет прямую связь с кочевническим югом: этого рода элементы прослеживаются и в языке, и в культуре, и в этнонимике якутов. Наличие этих „южных“ элементов в якутском населении есть факт, не подлежащий сомнению. Но весь вопрос заключается в интерпретации этого факта, в объяснении происхождения этих „южных“ элементов.

Самый процесс формирования якутского народа состоял в экономическом и культурном взаимодействии туземных охотничье-оленоводческих и пришлых скотоводческих групп. Этим путем вырабатывался общий культурный тип (в котором скотоводческое хозяйство получило преобладание) и формировался якутский язык (на основе местного субстрата, но при господстве турецких пришлых элементов, обусловивших турецкое оформление якутской речи).

Самое проникновение на север, в бассейн Средней Лены, скотоводческих групп из южной Сибири не носило характера однократного массового переселения целого народа. Такое переселение, на расстоянии $2\frac{1}{2}$ тысяч километров, в неведомые и пустынные области северной тайги, было бы невозможным делом. В действительности, судя по всем имеющимся данным, здесь имело место медленное, постепенное продвижение отдельных родовых групп (тюркских и монгольских) частью из Прибайкалья, частью с Верхнего и Среднего Амура. Движение это могло идти и вниз по Лене в район теперешнего Якутска, и по Лене же через Чечуйский волок или Сунтаро-Олекминск на Вилюй, и по Витиму, и по Олексе, и даже по Алдану. Переселившиеся роды двигались, вероятно, этапами, задерживаясь в более удобных местах по дороге. Большинство, по всей вероятности, теряло свой скот, многие из них погибали сами.

Но в течение многих столетий, после множества неудач, отдельным группам удавалось продвинуться в бассейн Средней Лены и акклиматизировать здесь свой скот.

В Алданско-Вилюйском междуречье пришлые скотоводческие группы встретились с местным охотничье-рыболовным населением — тунгусским или палеоазиатским по языку. Отношения, устанавливавшиеся между пришельцами и аборигенами, были конечно разнообразными, но едва ли они были как правило враждебными. Русские документы XVII в. рисуют нам в большинстве случаев картину мирных экономических и бытовых отношений между скотоводами-якутами и охотниками-тунгусами. Между теми и другими существовал регулярный обмен, выгодный обеим сторонам.

Эти мирные экономические отношения пришельцев и аборигенов и были важнейшей предпосылкой для того процесса постепенного сближения и слияния их, в результате которого сформировалась якутская народность.

Таким образом процесс якутского этногенеза был сложным процессом, протекавшим в основном на месте теперешнего обитания якутов. Он состоял в объединении пришлых скотоводческих групп с местными таежными охотничье-рыболовческими племенами. Культурное превосходство пришельцев, носителей более прогрессивного скотоводческого культурно-хозяйственного уклада, обусловило и преобладание принесенных ими диалектов, что выразилось в тюркском строе якутского языка, в котором однако аборигенный, до-тюркский и до-монгольский субстрат отчетливо прослеживается. То же можно сказать и о всей якутской культуре: господствующим слоем в ней является скотоводческая культура степного происхождения, но из-под этого слоя достаточно ясно выступает более древний пласт таежной охотничье-рыболовческой тунгусско-палеоазиатской культуры.

С. А. Токарев

II. ДОКЛАДЫ НА УЧЕНОМ СОВЕТЕ ИНСТИТУТА

АРХЕОЛОГИЯ И ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЯКУТИИ

(В связи с итогами работ Ленской археологической экспедиции Института языка и культуры при СНК ЯАССР и ИИМК АН СССР в 1940 г.)

Необходимой составной частью истории СССР является история многочисленных племен и народов Северной Азии, в том числе обитателей огромной территории Якутской республики якутов-сахаларов, эвенков (тунгусов), а также так наз. палеоазиатских племенных групп. Тем не менее их прошлое остается еще очень слабо изученным. Особенно же слабо изучена древняя история народов Севера.

По существу все, что предшествовало появлению русских, остается скрытым в тумане столетий. И это вполне понятно. Своей письменности племена Севера в далеком прошлом не имели. Китай, центр наиболее древней и высокой цивилизации в Восточной Азии, где издавна существовала письменность, был слишком далек от них. Сведения, доходившие до китайцев с территорий, занятых северными племенами к северу от Амура, были отрывочными, неопределенными и смутными. Китайцы даже об относительно близких районах сообщали только, что к ним „дорога трудная“, а у всех обитающих там племен „язык непонятный“. И в относительно позднее, средневековое, время восточные письменные источники не дают каких-либо определенных сведений о северных областях, так как они лежали за границами великой монгольской империи. Писанная история начинается здесь, поэтому, только с приходом казаков, в XVII в.

Все, что лежит за гранью XVII в., нужно, следовательно, изучать по источникам иного рода, неписьменным. Из них первостепенное значение имеют язык и этнографические данные: материальная культура, верования, обычаи, фольклор.

В области изучения языка, материальной культуры и фольклора сделано и делается очень много. Собраны и собираются обширные материалы, имеются классические сводные работы и обобщающие труды. Но тем не менее, одних этих материалов для восстановления древней истории народов Севера недостаточно.

Так обстоит дело, в частности, даже с древней историей якутов-сахаларов, для которой больше всего накоплено лингвистического и этнографического материалов, обобщенных в таких монументальных трудах по языку, как словарь Пекарского, работы Бетлингга и Радлова, а по материальной культуре и быту в монографии Серошевского и трудах других исследователей.

Начиная с XVIII в. и до настоящего времени перед исследователями все еще стоят одни и те же вопросы: каким образом в глубине холодных северных пространств, среди охотников тайги и тундры, среди рыболовов и морских зверобоев Арктики оказался островок скотоводческой культуры далеких степей, когда и какими путями проникли сюда ее носители, из каких элементов, когда и как сложился современный якутский народ?

На эти, исходные для древней истории самой многочисленной в Якутии и давшей республике ее название народности, вопросы до сих пор нет ясных и исчерпывающих ответов. Высказываются лишь самые разнообразные взгляды, существуют противоположные друг другу гипотезы.

Ясно лишь, что язык, материальная культура, верования и обычаи якутов свидетельствуют о сложном характере современной якутской культуры, о ее гетерогенном происхождении и, следовательно, доказывают, что якутский народ образовался из различных этнических элементов. По общепринятому мнению ими могут быть тюрки, монголы, тунгусы-эвенки и так наз. „палеоазиаты“

Столь же определенно свидетельствуют они и о том, что ведущими элементами в этногоническом процессе при этом явились „южные“ по происхождению, связанные своей культурой всецело со степными областями Азии, этнические группы, пользовавшиеся тюркской речью.

Однако отсюда еще далеко до выяснения конкретной истории, исторического процесса в целом. Неизвестно точно, какие именно этнические группы и в каком порядке скрещивались, в каком отношении они стоят к современным племенам и народам. Нельзя установить где, когда и каким образом произошло сочетание разнородных этнических элементов, давшее затем якутскую народность.

Нехватает главного в истории. точной последовательности событий во времени — хронологической канвы. Нет и определенной связи явлений в пространстве, четкой историко-географической основы.

Ни того, ни другого не могут, разумеется, для отдаленного прошлого обеспечить одни только, сами по себе, языковые и этнографические данные, в особенности же язык и фольклор. Язык и фольклор как исторические источники очень своеобразны. Они продолжают непрерывно жить, перерабатывая при этом унаследованное от прошлого содержание и обогащая его новыми элементами.

В языке мы находим не простую, как в геологии, стратиграфию, а сложное переплетение разновременных отложений. Фольклору же по самой его природе свойственны смещение явлений во времени и пространстве, самые неожиданные превращения и искажения фактов. Даже якутские легендарные князья недавнего прошлого, начиная с самого „якутского царя“ — Тыгына, приобретают реальность лишь в свете казачьих отписок.

То же самое можно сказать о верованиях и обычаях; известно, напр., что по господствующему в литературе мнению подлинная религия древних якутов и связанное с ней „белое“ шаманство исчезли и распались в сравнительно недавнее время, а в виде якутского „черного“ шаманства сохранилась лишь заимствованная якутами от их соседей религия и обрядность.

Даже материальная культура, несмотря на кажущуюся ее устойчивость, тоже часто бывает подвержена резким переменам в относительно короткие сроки в зависимости от различных исторических причин. Она так же живет, а вместе с тем изменяется, как и остальные этнографические источники.

Е. Д. Стрелов, исследователь старинных якутских погребений половины XVIII в., отделенных от нашего времени какими-нибудь двумя сотнями лет, должен был специально доказывать, что описанные им могилы действительно принадлежат якутам, а не другим каким-то народам, — столь непохожей оказалась найденная им в могилах одежда на ту, которую „принято считать национальной и древней одеждой якутов“

Что же может подкрепить и тем более обосновать в таком случае выводы о более отдаленном прошлом, чем XVIII—XVII вв., о глубочайшей старине? Очевидно, прежде всего вещественные археологические источники.

О значении последних и для того времени, которое превосходно освещено фольклором и письменными документами, для XVII—XVIII вв., можно судить по отмеченным уже раскопкам старинных якутских могил. Благодаря раскопкам мы осязаем быт и культуру якутов той поры в мельчайших деталях; старинный якут встает перед нами как живой, притом столь непохожий, как сказано, по своей одежде и утвари на якута XIX в., являющегося объектом этнографических исследований. Если так обстоит с XVII—XVIII вв. в истории Якутии, то значение археологических материалов, естественно, еще более возрастает по мере углубления в более отдаленное прошлое, для которого именно они и являются основным, ведущим источником.

До революции сбором археологических находок и сведений о памятниках прошлого занимались немногочисленные образованные люди из местного населения и, главным образом, политические ссыльные (народовольцы Овчинников, Виташевский), позднее Ем. Ярославский и др. Их усилиями была создана небольшая, но ценная коллекция археологических предметов в Якутском областном музее.

После революции археологические исследования ограничивались раскопкой „языческих“ погребений XVII—XVIII вв. Местные научные организации не уделяли им должного внимания, центр был слишком далек.

В этом отношении на Якутии более резко, чем где-либо, сказалось то обстоятельство, что до сих пор основное внимание исследователей привлекали привольные степные районы Сибири, а не суровая северная тайга. В силу всего этого, Якутия с археологической точки зрения вплоть до настоящего времени оставалась, как выразился много лет тому назад А. А. Спицын, „загадочной и вместе с тем заманчивой страной“.

Существенным событием в деле изучения археологических памятников Якутии и, следовательно, древней истории заселяющих и заселявших ее этнических групп является, поэтому, первая археологическая экспедиция в долину р. Лены, организованная в 1940 г. Институтом языка и культуры при СНК ЯАССР и ИИМК АН СССР.¹

Поводом к организации экспедиции послужил интерес, вызванный наскальными изображениями в долине Лены и по ее притокам, в которых предполагали найти памятники древней якутской письменности. С этой целью для предварительного ознакомления с ленскими писаницами летом 1939 г. был командирован сотрудник Института языка и культуры при СНК ЯАССР А. А. Саввин, с большим усердием и самоотверженностью выполнивший свои задачи. Ленская экспедиция 1940 г., учтя результаты работ А. А. Саввина и все сделанное в области археологии Якутии в предшествующее время, поставила более широкие задачи:

¹ В экспедиции участвовали от ИИМК А. П. Окладников (начальник) и В. Д. Запорожская, от Института языка и культуры при СНК ЯАССР И. И. Баршкков. Значительная помощь была оказана нам знатоком Якутии Н. Н. Грибановским и многими местными работниками.

выявление и изучение памятников прошлого всех видов в долине Лены между Олекминском и Якутском — на протяжении более 600 км.

Результаты поставленных таким образом разведочных работ и раскопок показали что этот путь был прагматичным. Несмотря на очень ограниченные сроки и крайне тяжелые специфические условия (глубокая северная осень со снегопадом и штормами, отсутствие рабочей силы и пр.), работами экспедиции были охвачены основные группы памятников прошлого, а вместе с тем затронуты и важнейшие исходные проблемы древней истории Якутии, начиная с вопроса о ее древнейшем населении и культуре каменного века.

На территории Якутии и раньше во многих местах встречались отдельные каменные орудия, но до сих пор нельзя, было уверенно сказать, что здесь был настоящий, а не „этнографический“, как думали многие исследователи, каменный век. Близость Арктики, где еще в XVII—XVIII вв. неолитическая техника вместе с отсталым охотничье-рыболовческим хозяйством безраздельно господствовали, приводила к выводу о хронологической молодости неолитических находок, известных для территории Якутии в целом. Исследователи полагали, что они лишь немногим старше времени переселения якутов-сахаларов в долину Лены; последнее же обыкновенно относили к XII—XIII вв. н. э. Единичные, случайно найденные, каменные орудия, тем более, не могли дать целостной картины культуры и жизненного уклада людей каменного века на территории ЯАССР.

В 1940 г. на Лене кроме двух стоянок у р. Куллоты и Олекминска на „Майском участке“, известных по сборам, хранящимся в Иркутском музее, впервые обнаружен ряд настоящих неолитических поселений.

Первое из них найдено в пределах самого г. Якутска у стадиона против б. Никольской церкви на 15-метровой террасе, сложенной песками и перекрытой сверху песчанистыми суглинками. В песчанистом суглинке, сразу под тонким дерновым слоем, были обнаружены следы временного очага: разбитые и обожженные кости диких животных, в том числе козули, отщепы из серого кремня, ножевидные пластинки, кремневые наконечники стрел и фрагменты тонкостенных глиняных сосудов с характерными глубокими штрихами на внешней поверхности. Неподалеку, в обнажении песчаного карьера, были собраны черепки с сетчатыми оттисками. Неолитические находки у стадиона, несмотря на их малочисленность, дали вполне определенную картину жизни оставивших их людей — таких же охотников по преимуществу, как неолитические обитатели лучше изученного Прибайкалья. Вместе с тем, сетчатая керамика и керамика штриховая, а также наконечники стрел оказались совершенно сходными с известными в стоянках по берегам Байкала, заселенных в серовской стадии байкальского неолита. Такое сходство позволило считать вероятной и хронологическую близость неолитических памятников Якутии, типа отмеченной стоянки у стадиона, к серовским Прибайкалья.

В дальнейшем неолитические стоянки были найдены в ряде других мест: у с. Мархи близ „Соленого озера“, по р. Мархинке, у оз. „Белого“ около Якутска, у Бестэха, у Покровска (три стоянки), в местности Мохсоголлох выше Покровска по левому берегу Лены, вблизи г. Олекминска (семь стоянок), у дер. Олекминской, у 2-го Нерюктя в местности „Сосновый бор“ и „Боролуллах“, около дер. Солянка, у 2-го Дабана ниже Олекминска, вблизи дер. Урицкой, около Хатын-Тумула, у Мархачана в местности Борхая, на р. Титиркчан, в Санаяхтахе, в с. Чуру.

Новые находки ясно свидетельствуют о действительно широком распространении памятников каменного века и в этих отдаленных северных

областях, последние, оказывается, вовсе не были уже несколько тысячелетий тому назад безлюдной пустыней.

Обширный и разнообразный материал стоянок (каменные и костяные орудия, керамика, фаунистические остатки) ярко рисует образ жизни и материальную культуру древнейшего населения Якутии. На первом месте по своему значению для понимания местного неолита должны быть поставлены материалы неолитического поселения в устье небольшой речки Малой Мунку (Малая Черепаниха), впадающей в Лену слева, несколько выше г. Олекминска.

Расположенная под прикрытием высокой древней террасы, защищающей ее от пронизывающих северных ветров, вдали от берега Лены, угрожающей наводнениями и ледоходом, стоянка обладает густо насыщенным культурным слоем. Обильные находки (6312 предметов, исключая фауну, на 40 кв. м вскрытой площади), показывают, что здесь находилось более или менее постоянное поселение или периодически посещаемая в определенное время стоянка. Основным материалом, из которого на стоянке выделялись орудия и оружие, были камень и кость, а также, конечно, дерево. В распоряжении местного населения находился кремнь различных оттенков, преимущественно серый и голубоватый. Такой кремнь в изобилии встречается по Олекме и Лене вблизи Олекминска, и в использовании его обитатели стоянки не были ничем связаны. Одних только ножевидных пластин здесь найдено около 900; а на каждый квадратный метр стоянки приходится больше чем по одному нуклеусу. Располагая таким обильным и превосходным сырьем, древние мастера достигли высокого совершенства в технике обработки камня. Их изделия, в особенности кремневые вкладыши, обращают на себя внимание как правильностью формы, так и подлинно ювелирным мастерством отливной ретуши (рис. 8, 4).

Не менее развита была и техника шлифования камня, причем в широком употреблении находился черный сланец, из которого выделялись характерные только для северной тайги узкие и „горбатые“ тесла специфической формы с плечиками. Столь же оригинальны узко-локальные по распространению топоры с округлой рукоятью, отделенной перехватами от широкого тела орудия с овальным лезвием в виде лопасти. Их обычно делали из зеленокаменных пород. Часто встречаются „топоры с ушками“, изготовленные точечной оббивкой из кристаллических камней (рис. 8, 1—3). Такой высокий уровень обработки камня имеет аналогию только в изделиях серовской стадии Байкальского неолита.

Основным источником существования служила охота на копытного зверя. Это видно уже из остатков фауны. В культурном слое всюду встречаются хорошо сохранившиеся кости лося (позвонки, челюсти, трубчатые кости), косули, марала. Охотились также на хищников (медведь, волк), птиц и мелких животных (белка).

Соответственно такой роли охотничьего промысла хорошо представлено охотничье вооружение. Найден фрагмент костяного кинжала с пазом для вкладного лезвия из кремня, три наконечника копий из кремня и 58 кремневых наконечников стрел, указывающих, что лук и стрелы (рис. 8, 5) были основным охотничьим оружием.

Подсобное значение имело рыболовство. В культурном слое встречено несколько позвонков крупной рыбы, каменные грузила для сетей (рис. 8, 6) и обломок костяного гарпуна. Следы жилищ являются только небольшие скопления камней на месте очагов. Никаких жилых углублений не найдено, должно быть жилища имели характер легких надземных построек, располагавшихся вблизи друг друга в устье таежной речки.

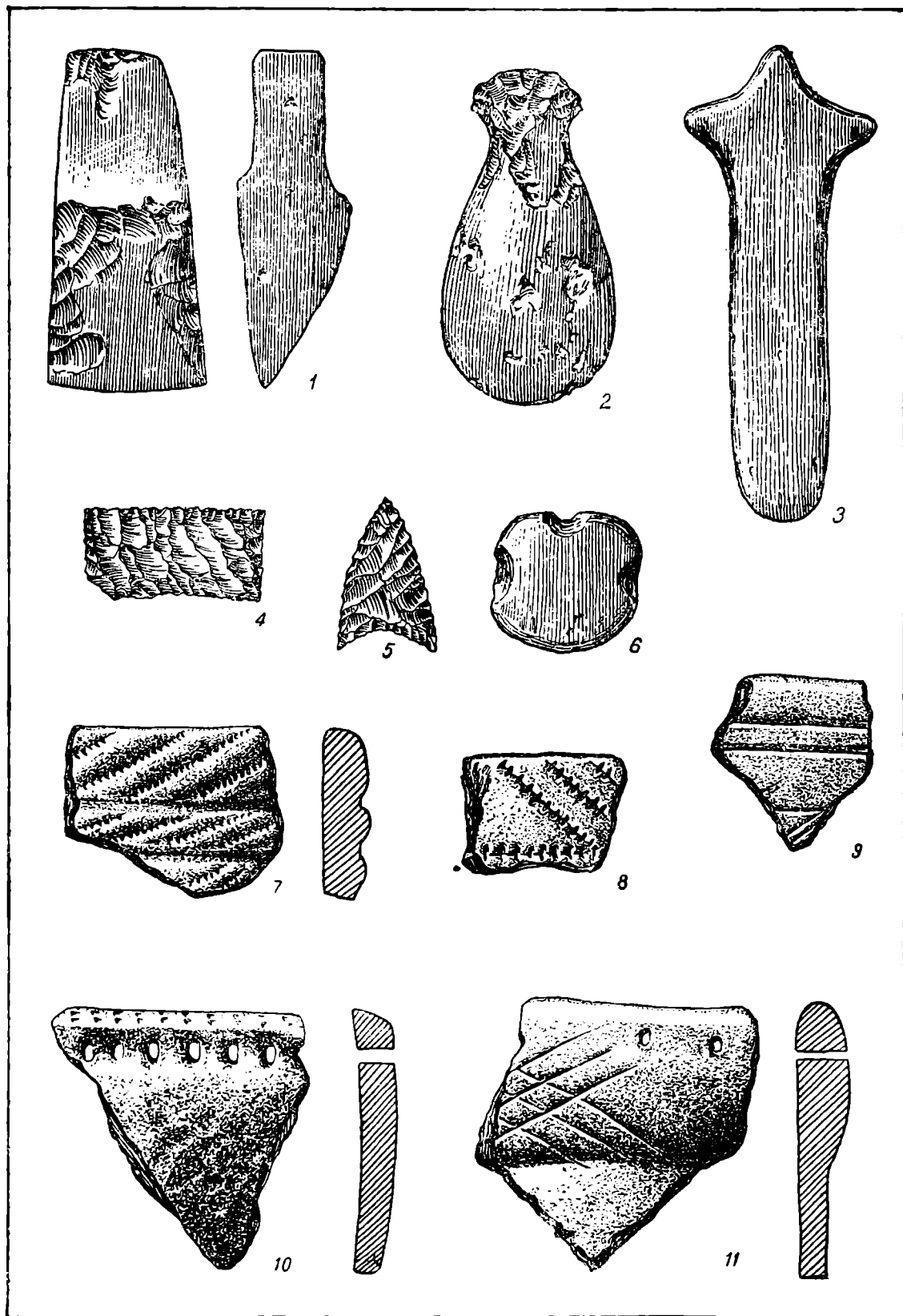

Рис. 8. Неолитические находки в Якутской АССР.

1-3 — каменные орудия из равных мест ЯАССР (1— $\frac{2}{3}$ нат. вел., 2 и 3— $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 4-6 — вкладыш, наконечник стрелы и грузило из культурного слоя стоянки М. Мунку (6— $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 7-11 — фрагменты сосудов из культурного слоя стоянки М. Мунку.

В хозяйственно-бытовом отношении, как и в технике, в производственном инвентаре, население стоянок, следовательно, было очень близко к населению Прибайкалья в серовское время. Их культура явно выросла на этой „серовской основе“ Племена Средней Лены несомненно по основным чертам своей культуры входили в огромную культурную область, простиравшуюся тогда от Енисея до р. Хуан-Хэ, с естественным географическим центром Байкалом.

Они, очевидно, и в расовом отношении были родственны остальным племенам байкальской группы.

Но тем интереснее и неожиданнее некоторые особенности ленской неолитической керамики (рис. 8, 7—11). В основном она такая же, как серовская в долине Ангары и Лены, у Байкала. Сосуды имели острое или круглое дно, их поверхность сплошь покрыта типичными оттисками сетки-плетенки (рис. 8, 10). Во многих случаях, однако, по привычному сетчатому фону проходит накладной выпуклый валик, рассеченный гребенчатым штампом так, что получается подобие круто скрученного витого шнура, опоясывающего сосуд параллельно венчику (рис. 8, 7).

Накладные валики иногда встречаются и в байкальской неолитической керамике, но там они не только редки, но и очень грубы. На Лене же, у Олекминска, такие валики по своему изяществу и форме совершенно сходны с амурскими. Еще разительнее, что здесь обнаруживается и характерный только для Амура орнамент в виде широких, параллельных друг другу, вертикальных зигзагов, который ни разу не встречался еще в Прибайкалье, — там известен только зигзагообразный орнамент в виде единичных полосок по горизонтальной линии.

Наконец, среди сосудов с гладкими стенками обычны такие, у которых венчик снаружи выпуклый и украшен по горизонтали резной линией, а часто и спускающейся от нее вертикальной или наклонной (рис. 8, 9). Сосуды бывают иногда украшены также рзным узором в виде пересекающихся резных линий, образующих фигуры вроде ромбов (рис. 8, 11). Все это черты, свойственные амурской неолитической керамике относительно позднего времени. Как и на Амуре, здесь уже в неолите встречается своеобразная ложнотекстильная (тисненная) орнаментация, а также, повидимому, плоские днища.

Таким образом неолитическая керамика в долине Лены у Олекминска имеет как бы скрещенный „гибридный“ характер. В основе ее лежит неолитическая байкальская керамика, но видоизмененная и переработанная под влиянием иной, амурской, культуры. Керамика из Олекминска, поэтому, значительно богаче по своему орнаменту и разнообразнее, чем простая байкальская с ее монотонно повторяющимися элементарными узорами. Она несравненно ярче и наряднее восточносибирской неолитической керамики серовского времени, хотя, в свою очередь, сильно уступает в этом смысле амурской, представляя лишь некоторое приближение к последней.

Близкое родство неолитической культуры в районе Олекминска с амурской имеет прочные основания в географических условиях. Именно по Олекме шли первые казачьи отряды вслед за своими тунгусскими „вожами“ в бассейн Амура. Именно отсюда с Олекмы переваливали из Байкальской тайги в страну рыболовов и земледельцев, сидевших по берегам Амура, первые русские землепроходцы в XVII в.

В свете этих новейших открытий становятся более четкими древнейшие этнические взаимоотношения на севере. Племена, заселявшие несколько тысяч лет тому назад Якутию в районе от Олекминска до Якутска, жили между таежными охотниками байкальской культуры,

с одной стороны, и оседлыми рыбаками и может быть земледельцами южного (тихоокеанского) происхождения, занимавшими Приамурье, — с другой. Они находились при этом в тесном общении с жителями Амура, обитавшими именно в верхней части долины этой огромной реки, культура которых отчасти отличается от культуры населения нижнего Приамурья. Таким образом уже в каменном веке нашли определенное выражение исторически сложившиеся взаимные связи Восточной Сибири и Приамурья.

Кроме отмеченных поселений с неолитическим инвентарем в 1940 г. посчастливилось найти и два древних погребения. Первое погребение обнаружено вблизи с. Покровского, центра Орджоникидзеvского района ЯАССР, на расстоянии около 100 км вверх по Лене от г. Якутска. Второе — вблизи с. Хатын-тумула. Погребения бросают определенный свет на верования древних обитателей Якутии. У них существовал строго установившийся погребальный ритуал: умерших хоронили в земле, сжигая при этом трупы. Вместе с мертвецами клали разнообразный погребальный инвентарь. В Покровске найдены: каменный скребок, отщепы, проколка, костяной нож с вкладными лезвиями по обеим сторонам и целый „колчан“ оригинальных по форме костяных наконечников стрел, вместе с которыми лежали потрескавшиеся от огня каменные наконечники. Огонь, уничтоживший большую часть костяка и повредивший положенные с ним вещи, однако, сохранил то, что до сих пор совсем не доходило до нас, — фрагменты превратившихся в уголь древков стрел и, что всего удивительнее, деревянного наконечника стрелы, во всем похожего на костяные.

В Хатын-тумуле при сожженом костяке лежали пилка-нож, ножевидные пластины, проколка и желвак кремня, наполовину оббитый, т. е. заготовка.

Важнее всего найденное в Покровске при костяке небольшое и грубое медное шильце. Судя по этой находке, оба погребения, у Хатын-тумула и в Покровске, относятся к тому времени, когда вместе с примитивными каменными и костяными орудиями на Средней Лене впервые начали распространяться металлические, из меди, — т. е. к энеолиту.

Оба ленских энеолитических погребения по характеру погребального ритуала и могильному инвентарю резко отличаются от хорошо известных глазковских памятников Прибайкалья. Замечательно, что совершенно так же отличаются от глазковских и энеолитические погребения в нижней части долины Ангары (Верхней Тунгуски) на протяжении между Братском и местом, где Ангара соединяется с Енисеем (Стрелка). И там и тут господствовал обычай подвергать трупы вместе со всеми вещами сожжению, очень редкий в глазковской стадии байкальской культуры. Вещи, сопровождающие покойников в могилу, тоже сходны по своей форме. Так, напр., здесь все еще удерживаются в широком употреблении костяные кинжалы со вкладными лезвиями из кремня, каменные наконечники стрел особенно крупных размеров и архаических очертаний. В глазковских погребениях, относящихся, примерно, к этому же времени, подобный архаический инвентарь уже не встречается. Костяные наконечники на Средней Лене и в низовьях Ангары встречаются чаще и имеют специфические выемки в основании. Наконечников стрел этого рода в Западном Прибайкалье тоже нет.

Отличия в погребальном ритуале и инвентаре определяют, таким образом, какую-то резкую границу, отделяющую район распространения глазковской энеолитической культуры от ареала иной, тоже энеолитической, но несравненно более отсталой культуры. Если первая культура

охватывает в своем распространении Западное Прибайкалье или, говоря языком географов, южную тайгу и лесостепи к востоку от Братска и Канска, то вторая локализуется в глухой и несравненно более суровой северной тайге — в низовьях Ангары, по Лене у Якутска и Олекминска и, очевидно, в обширных пространствах, разделяющих Лену и Ангару.

Географическая грань между энеолитическими культурами (племенными группами) восточносибирской тайги в силу этого не совпадает с общим меридиональным направлением двух великих сибирских рек; она рассекает их поперек.

Следующий момент древней истории Якутии представлен немногочисленными, но в высшей степени интересными и характерными памятниками местного бронзового века, уже вполне развитого и зрелого.

Чтобы оценить их значение, нужно вспомнить, что до сих пор существование местной бронзовой культуры в Якутии не только подвергалось сомнению, но и попросту отрицалось. Принято было думать, что каменный век в Якутии непосредственно сменился железным в результате появления предков якутов — сахаларов, владевших техникой обработки металла. Писали, напр., что в давно прошедшие времена, „когда люди железной техники, нагрянувшие из далекого юга, боролись с действительными культурными лилипутами отдаленного севера“, последние „закаленным пальмам, копьям и остриям стрел могли противопоставить только свои костяные, роговые и каменные оружия.

Если бы северо-восток Сибири обладал медно-бронзовой культурой, то боевое соотношение пришельцев и туземцев, конечно, не могло бы быть столь контрастным. Но, как известно, в этой области азиатского материка не знали меднобронзового века, который вошел бы в обиход народного быта, и сразу перескочили, как это имело место в Африке, из эпохи камня и кости в железную эру.

Если в бассейне Лены кое-где случайно обнаружены предметы бронзовой индустрии, то это, надо полагать, редкостные вещи импортного происхождения“

Этой точки зрения придерживается в частности и автор только что вышедшей прекрасной научно-популярной сводки по истории якутского народа, С. А. Токарев. По его словам первое знакомство с железом, вероятно, было принесено южными пришельцами-скотоводами; до этого же на Средней Лене обитали охотники и рыболовы, которые стояли на стадии неолита.¹

Были, правда, попытки искать и местные памятники бронзового века. Предполагали, что ими, по аналогии со степными районами, должны быть некоторые из хорошо известных местному населению высоких курганообразных возвышений — булгуныхов, многие из которых имеют правильную полусферическую форму, углубления сверху и даже как будто следы рвов у подножия. Раскопки булгуныхов тем не менее лишний раз показали, что это естественные образования, созданные вечной мерзлотой Якутии, а также содействовали тому, что надежды найти здесь собственную культуру бронзового века были окончательно оставлены.

Тем неожиданнее была находка в 1940 г. у стадиона в г. Якутске второй древней стоянки, на которой вместе с фрагментами особой глиняной посуды, немногочисленными отщепами и ножевидными пластинами нам удалось обнаружить куски глиняной обмазки горна и часть глиняной литейной формы для изготовления бронзовых кельтов (рис. 9, 3).

¹ С. А. Токарев. Очерки истории якутского народа. М., 1940, стр. 13.

На одной из обнаруженных затем новых стоянок с керамикой такого же типа, у с. Покровска, удалось также найти и фрагменты хорошо сохранившегося глиняного льячика для литья бронзы.

В свете новых открытий становятся понятными и приобретают важное значение прежние замечательные, но разрозненные находки: единственные в своем роде по размеру наконечники копий и мечи с Вилюя и р. Солянки, кельты из Олекминска и других мест ЯАССР (рис. 9, 1, 2, 4).

Существование оригинальной местной бронзовой культуры является теперь вполне доказанным.

Находки на поселениях бронзового века позволяют, затем, хотя и в самых общих чертах, представить уклад жизни их обитателей. Освоив искусство обработки металла, люди бронзового века в Приленском крае, тем не менее, еще широко употребляли камень для изготовления мелких орудий домашнего обихода. Основным занятием их попрежнему служили охота и рыбная ловля, хотя вероятны также и зачатки скотоводства, в первую очередь оленеводства.

Выясняется и отношение населения Якутии той поры к племенам других областей.

Находки в 1940 г. в Якутии не изолированы; они связываются с большим циклом родственных памятников в других местах. Трудami Витковского, Анучина, Овчинникова, Г Мергарта, Сосновского и, наконец, автора прослежено распространение в восточносибирской тайге бронзовых орудий особого облика, резко отличающихся от степных. Наиболее обстоятельную сводку о них дал Мергарт.

Г Мергарт считал центром распространения этих изделий Красноярский район, откуда происходит и принятое этим исследователем название для наиболее часто встречающихся из них бронзовых кельтов, „Krasnojarsk-Beile“, а для культуры в целом термин „Krasnojarsk-Kultur.“ Вещи красноярского типа, по его словам, широко распространялись в результате импорта из центра этой культуры по Енисею, Ангаре и Лене, причем многие из них достигли Якутии.¹

Предполагать, что центр таежной бронзовой культуры выйдет далеко за пределы Красноярского района и смежных частей Приангарья, в то время, естественно, было невозможно. По мнению исследователя к северу и востоку от „центра“ лежала глухая периферия, заселенная племенами, находившимися на ступени неолита, к которым лишь изредка проникали металлические вещи от передовых соседей.

Сейчас же область, где не только распространялись, но и выделялись своеобразные бронзовые изделия таежных типов, резко расширяется на северо-восток, охватывая тысячи километров северной тайги. Как далеко идут границы этой области на север и восток от Якутска, пока еще, конечно, нельзя сказать. Впрочем, заслуживает внимания уже тот факт, что в старых коллекциях Якутского музея находились бронзовые и медные топоры, доставленные колымскими купцами, очевидно, с Колымы.

Кроме единичных вещей, теперь известны многочисленные памятники таежной культуры бронзового века, в особенности поселения. Много таких поселений найдено в низовьях Ангары (1937) экспедицией Иркутского музея. Близкие к ним известны в Прибайкалье. В 1940 г., как сказано выше, подобные стоянки обнаружены и в глубине Якутии. В низовьях Ангары при работах 1937 г. нами впервые найдены и погреб-

¹ G. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926.

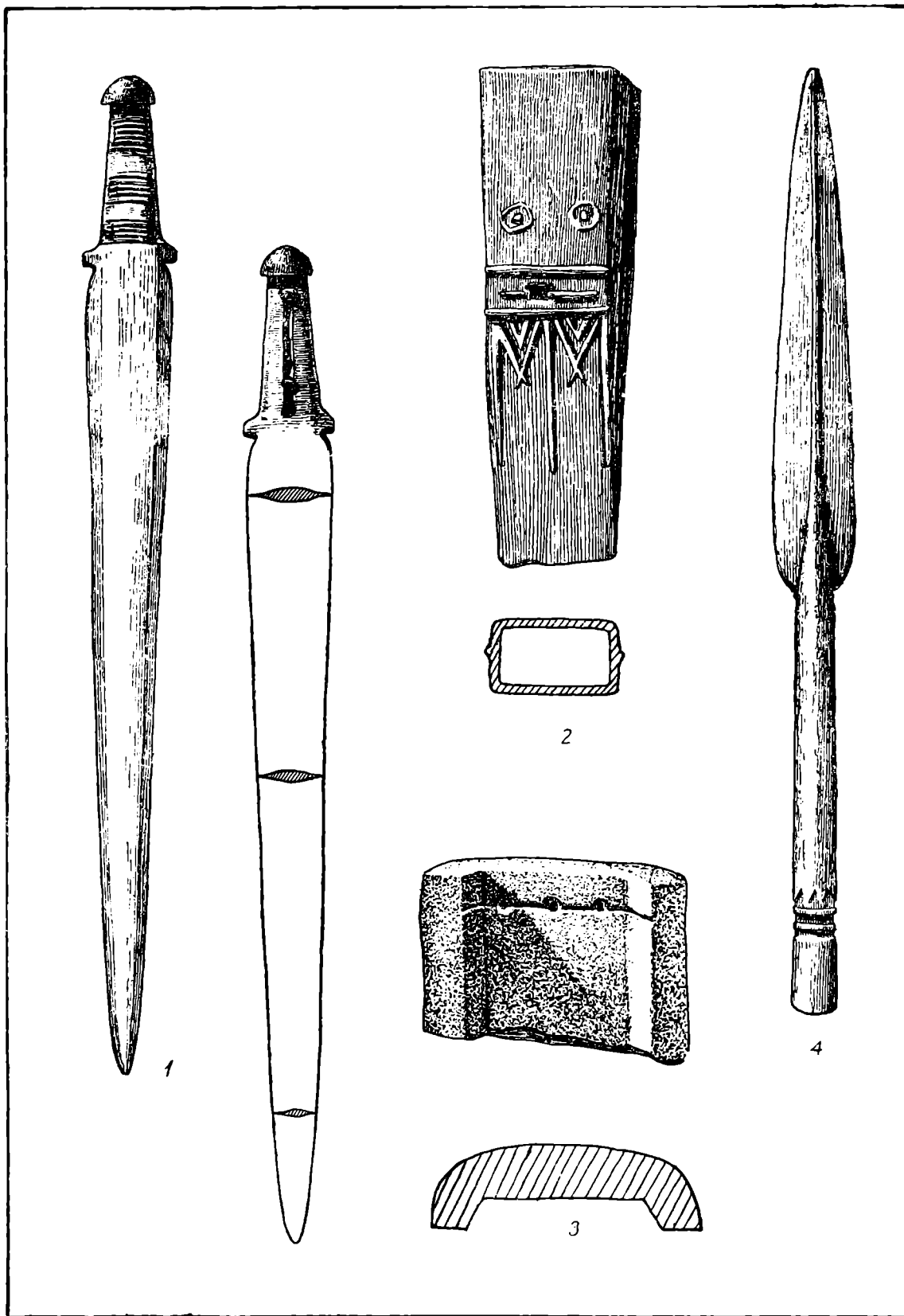

Рис. 9. Изделия бронзового века из Якутской АССР.

1 — бронзовый меч с Вилюя (вид с двух сторон, $\frac{1}{4}$ нат. вел.); 2 — кельт бронзовый с р. Прониной ($\frac{1}{2}$ нат. вел.); 3 — литейная форма из стоянки в г. Якутске, близ стадиона (нат. вел.); 4 — бронзовый наконечник с Вилюя ($\frac{1}{4}$ нат. вел.; хранится в Якутском музее).

бения этого времени, в том числе с характерным инвентарем, включая керамику.

Увеличивающийся с каждым годом обильный и разнообразный материал таежных памятников бронзового века ставит теперь ряд новых сложных проблем как хронологических, так и связанных с их территориальным распространением. С хронологической точки зрения существенно, что эта единообразная на первый взгляд культура охватывает длительное время и имеет точки соприкосновения: а) с энеолитом тайги, б) с карасуком степей, в) с культурами Амура, а через них и с Китаем. Она впоследствии переходит в железный век, как то с полной отчетливостью показывают материалы стоянок на островах Ангары выше Иркутска.

Что касается распространения памятников таежной бронзы и территориальных связей этой культуры, то здесь всего интереснее керамика как массовый материал.

Для стоянок бронзового века у Якутска характерна, как сказано, керамика особого рода. Сосуды в большинстве имели круглое дно и тонкие стенки. Они были украшены оттисками особого зубчатого штампа в несколько параллельных рядов венчика. Многие сосуды сплошь покрыты ложнотекстильными тисненными лопаточкой „узорами“ (часто крупными в виде „вермишельной“ сетки) и украшены нарезным грубым узором линейного характера, изредка встречаются на них и налепные валики. Очень близкая по характеру керамика с таким же специфическим штамповым орнаментом и лепными валиками особенно часто встречается в низовьях Ангары, а также в лесостепях вокруг Красноярска. У Красноярска она, повидимому, проникает также в позднетагарские курганные захоронения. Керамика с валиками широко известна вверх по Лене, на Иркуте, по берегам Байкала вплоть до Верхне-Ангарска; она уходит далеко на восток — в степное Забайкалье, в глубь Монголии — вплоть до Улан-Батора. В Забайкалье и низовьях Ангары керамика с валиками связана с погребениями скифской эпохи, в том числе и наиболее ранними из них, непосредственно смыкающимися с памятниками карасукского времени, свежие традиции которого здесь особенно долго и отчетливо дают себя знать. Здесь, впрочем, меньше общего с якутскими памятниками бронзового века, чем в нижней части Ангарской долины и на Енисее.

При столь широком хронологическом и территориальном диапазоне во многом родственных друг другу таежных памятников бронзового века их вряд ли даже и сейчас можно брать в одни скобки. Имея много общего, они принадлежат различным моментам прошлого разных этнических групп; отражают сложную и по-своему богатую историю многочисленных лесных племен на очень важном ее этапе, который непосредственно предшествует установлению современных этнических взаимоотношений. Что касается Якутии, то изучение этих памятников, несомненно, может сильно приблизить разрешение вопроса о происхождении тунгусо-эвенков, „палеоазиатов“, и, наконец, якутов-саха, обитающих там же, где распространены следы своеобразной таежной культуры бронзового века.

С этногонической точки зрения при этом наибольшую ценность должны иметь как раз второстепенные, на первый взгляд, мелкие локальные особенности древних памятников и их территориальные связи. Кроме отмеченной выше большей близости памятников бронзового века в ЯАССР к ангаро-енисейским, с этой стороны выдающийся интерес представляют своеобразные черты многочисленных наскальных изображений тайги — „писаниц“.

Писаницы тайги, несомненно, принадлежат не одному времени. Часть их может относиться еще к неолиту, другие же к эпохе металлов, включая бронзовый век (так, напр., древность некоторых ангарских писаниц определяется наличием изображений скифских котлов).

Тем более интересно, что те писаницы в долине Лены и Олекмы, которые можно отнести к эпохе бронзы и последующему времени, проявляют больше особенного, во многом отличны от байкальских и, тем более, забайкальских по своему стилю и содержанию, но в такой же степени сближаются с писаницами, найденными в низовьях Ангары и лесных районах на Енисее у Красноярска.

И здесь, как видно, находит свое выражение наметившаяся еще в энеолите и не менее определенно существовавшая в бронзовом веке связь между племенами Средней Лены и Нижней Ангары, осуществляемая по путям, которые вели в широтном направлении, поперек рек.

В данной связи заслуживает внимания также распространение случайных археологических находок на территории Вилюйского района, как конкретное указание на путь, по которому могли всего вероятнее идти межплеменные связи. Уже Маак отметил полулегендарные сведения о бронзовом котле и других вещах, найденных на Вилюе. Серошевский видел лично бронзовый котел с Вилюя, он же отметил в своей монографии известный бронзовый меч, описанный Д. Н. Анучиным (рис. 9, 1). В Якутском музее хранятся не менее интересные вещи с того же Вилюя: бронзовые наконечники копий. Один из них по своим исключительным размерам (62 см длиной), тщательной отделке и орнаменту представляет такую же уникальную вещь, как и вилюйский меч (рис. 9, 4).

Как меч, так и наконечники копий (с втульчатым насадом и орнаментом в виде вдавленных треугольников) относятся к одному времени, судя по резко выраженным в них „карасукским“ признакам. В связи с этим интересно, что меч и копьё были доставлены одним и тем же лицом, вилюйским исправником Шахурдиным. Это, повидимому, вещи из одного комплекса — погребения или клада.

Лучшие, единственные в своем роде, карасукские вещи, следовательно, найдены не в степях Южной Сибири, а на Вилюе. Здесь они, вероятно, были отлиты лесными литейщиками, тяготение которых к вещам больших размеров хорошо выражено и в таежных кельтах, половина которых обладает несбычно большой величиной.

Отдельные бронзовые орудия архаических форм, напр. кельты и плоские слегка искривленные ножи, известны к западу от Вилюя по направлению к Енисею в долине р. Нижней Тунгуски, где также имеются поселения с характерной для таежной бронзы керамикой (находки П. П. Хороших, А. Я. Тугаринова).

Между Средней Леной и Ангаро-Енисейским лесным краем, следовательно, в эпоху бронзы и раннего железа нет разрыва. Это была как бы одна и та же большая культурная область, где культура имела много общего и, повидимому, проходила одинаковый путь своего развития.

Ближайшее сходство культуры в течение длительного времени именно на этом протяжении, от Лены и Вилюя до Енисея, объясняется, повидимому, не только соседством и, естественно, вытекавшими отсюда взаимными связями, но и этническим родством обитавших здесь лесных племен. Но с какими известными нам этническими образованиями можно их сопоставить?

В XVI в. казаки в тайге за Енисеем повсюду застали эвенков-тунгусов. Казалось бы именно их прямым предкам и должны принадле-

жать интересующие нас памятники. И все же решение вопроса является не столь легким.

Уже в энеолите тайги, как мы видели, ясно определились две больших культурных области: а) севернотаежная и б) южнотаежная — глазковская. В эпоху бронзы и раннего железа районы северной тайги тоже очень выделяются по сравнению с южными рядом особенностей, связывающих их не с востоком, а с областями к западу от Енисея. Кроме указанных выше памятников бронзовой культуры, таковы, напр., священные жертвенные места; одним из них в низовьях Ангары является мыс с писаницами в устье р. Каменки на котором в изобилии встречаются наконечники стрел из камня, кости и бронзы; таких мест нет к востоку от Енисея, они типичны для Западной Сибири и Урала. Обычай приносить стрелы духам священных мест, как известно, особенно был развит тоже далеко к западу от Енисея, в Приуралье.

Таковы и некоторые произведения искусства, напр. оригинальные антропоморфные изображения с чертами, напоминающими стиль пьяноборских литых изделий. На востоке, в районе Братска и Киренска, им соответствуют плоские же, антропоморфные изображения, совершенно иначе трактованные.

Сами по себе писаницы, нарисованные красной краской на ленских и ангарских скалах, встречаются и по технике и по сюжетам тоже во многом неожиданную аналогию в долине Оби и дальше, в Северном Приуралье. Имеющиеся в нашем распоряжении факты позволяют предполагать, что такое различие между памятниками энеолита, бронзы и раннего железа объясняется этническими особенностями. К востоку от Енисея и вверх по Ангаре издавна жили предки тунгусов. Западнее обитали иные племена, на территорию которых тунгусские роды проникли лишь в относительно позднее время.

В местах, где сейчас живут енисейские эвенки, распространены чуждые тунгусам землянки. Сами тунгусы приписывают их не своим предкам, а западным соседям — кетам. Предки не тунгусов, а именно кетов и родственников им „палеоазиатских“ племен, в частности коттов, аринов, ассанов, очевидно и должны были издавна проживать в северной тайге ниже Братска и в соседних областях по Енисею, в Саянах. Об этом столь же определенно, как и предания, говорит топонимика. Не тунгусам, а племенам котто-кетской группы могли принадлежать также и еще более обширные территории к северу и востоку от Ангары, т. е. по направлению к Средней Лене, лишь много позднее занятые тунгусами, а вскоре за ними якутами. Такой вывод находит опору, как сказано выше, и в сходстве древней культуры этих областей.

Уместен поэтому вопрос — не стояли ли носители неизвестного третьего элемента якутского языка (по Радлову) в связи с предьякутской культурой бронзового века ЯАССР и с этими „палеоазиатскими“ племенами, как ее вероятными носителями.

С этой стороны заслуживает внимания древнее самоназвание якутов „ураанхай-саха“, употребляемое лишь в редких случаях и „свойственное торжественным оборотам речи“. Исследователи, видевшие в двойном самоназвании якутов указание на скрещенный состав их предков, не раз пытались объяснить термин „ураанхай“. Одни считали его названием монгольского, а другие — манжуро-тунгусского племени, причем последние выводили слово „ураанхай“ из названия оленя „орон“. Было высказано также мнение, более правдоподобное, что ураанхай || „урянгит“ есть слово „палеоазиатского“, конкретно — кетского происхождения и значит „урянгит“ — т. е. „водяной человек, житель реки“. Если принять

его, то загадочные уранхай древней Якутии как племя „палеоазиатской“ группы явятся законными носителями древней лесной культуры, сменившей неолитическую. С этим предположением хорошо согласуется также содержание ленских писаниц.

Центральный сюжет писаниц — лось, основной вид жилища в них — высокая купольная постройка в виде чума „ураһа“ (рис. 10). Это черты, чуждые скотоводческой культуре как таковой, но вполне согласующиеся, напр., с данным Рашид-Эддином описанием жизни палеоазиатских, повидимому, племен „лесных урянхитов“ в Саянских горах. По его словам последние бродят по лесам, занимаясь охотой, их скот — олени, а жилище — берестяной чум.

Вклад лесных охотников эпохи бронзы и раннего железа, древнейшего этнического элемента, положившего начало якутской народности

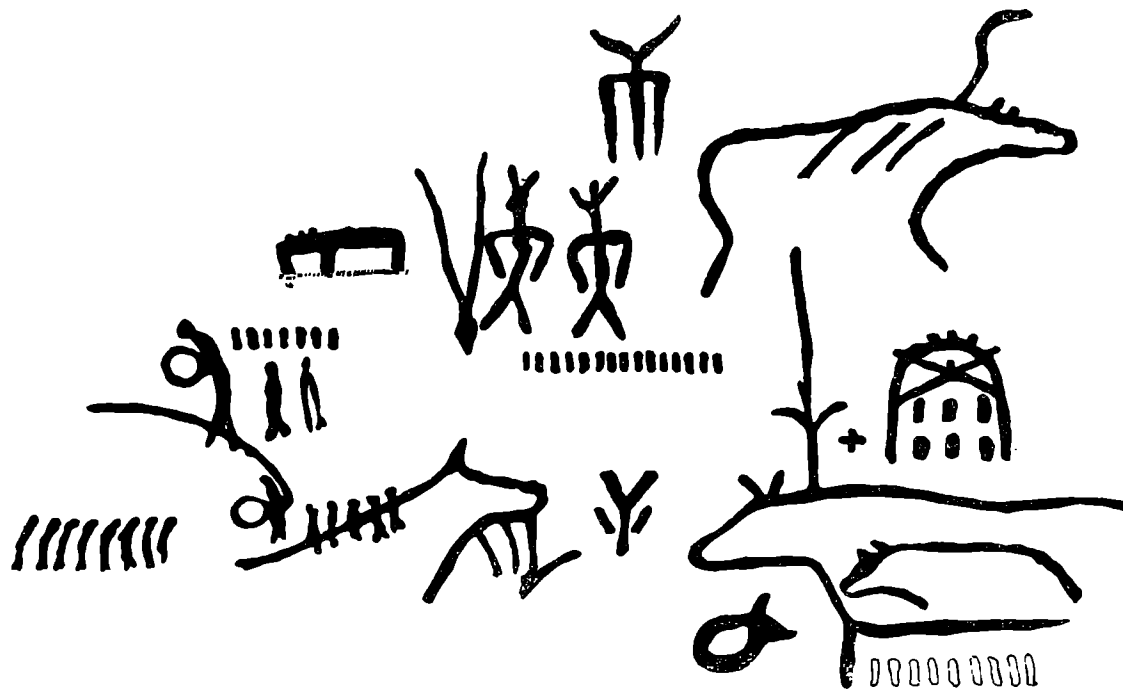

Рис. 10. Изображение на скале Суруктах-хая (р. Марха, 100 км к СЗ от Хатын-Тумула; по зарисовке А. А. Саввина).

отчетливо виден в ее материальной и духовной культуре (представление о лосе как „мать-звере“ в шаманстве, охотничьи культы, древние жилища типа берестяной юрты, древний покрой одежды, непохожий на современный, и многое другое, что принято относить к заимствованиям тунгусской культуры).

Нельзя пройти здесь и мимо того замечательного обстоятельства, что в современной культуре якутов-скотоводов, туруп по языку, есть элементы, восходящие к отдаленной древности, во всяком случае к времени бронзы и раннего железа, т. е. не позже начала нашей эры и вместе с тем наглядно свидетельствующие о их генетической связи с лесными племенами, заселявшими тогда таежные районы в низовьях Ангары, на Енисее и в Саянах.

Так, из народов Сибири только у якутов сохранились до нашего времени подобия бронзовых котлов скифского времени в виде чаш на высоких поддонах — „чаронов“. Чтобы понять их происхождение, нужно учесть широкое распространение в тайге в I тысячелетии до н. э. и несколько позже бронзовых котлов как обычного степного типа, так и

оригинальных, близких к гунно-китайским, с таким же высоким поддоном. Эти котлы изображены также на писанице у с. Манзя в низовьях Ангары. Кроме того, и в настоящее время часто встречаются полулегендарные сведения о наличии таких котлов в глухой тайге, причем последние всегда представляют объект почитания. Котлы бронзового века, кстати, и на самом деле, имели в то время ритуальное значение, как об этом свидетельствуют наскальные изображения со сценами „волхования“. Деревянный же якутский чарон, как сосуд для кумыса, в свою очередь служил ритуальным предметом, священным жертвенным сосудом. В нем мы видим, следовательно, во всех отношениях прямое наследие древних бронзовых котлов, воспринятое не прямо из степей, а через леса, через племена Ангаро-Енисейского района. Столь же определенным отражением древних традиций являются украшения якутских женщин в виде шейного витого обруча, типа шейных обручей скифо-сарматской эпохи.

Ни у одного другого племени Сибири подобных архаических элементов нет. Они имеются только у якутов и тоже, повидимому, как наследие древней „уряньхитской“ лесной культуры бронзового века, уцелевшее благодаря их отдаленности. На территории Южной Сибири нет таких вещей даже в могильниках более поздних, чем II—V вв. н. э. Исключением для более позднего времени является витой шейный обруч из бронзы, найденный в составе Ишимского клада (около I в. н. э.), т. е. как раз в области той лесной культуры, с которой в ближайшей связи находились жители Ангарской и Ленской тайги, при посредстве которых к ним проникали влияния из более отдаленных западных областей — вплоть до Урала и Прикамья (пьяноборская культура). Бродячие лесные охотники „палеоазиаты“, уряньхиты, предки якутов, могли, между прочим, появиться на Лене уже в какой-то степени отуреченными. Такая судьба часто постигала лесные племена самоедского и „палеоазиатского“ корня, находившиеся в длительном общении с турками, в том числе „уряньхитов“ Рашид-Эддина, а Бартольд считал даже кыргызов отуреченными енисейскими остяками.

Вслед за этими пионерами на следующем этапе в страну, где уже слышались звуки турецкой речи, легче могли проникнуть и другие туркоязычные племена, которые затем придали языку местного аборигенного населения, если оно не было турецким по происхождению, его современный облик. Заслуживает поэтому большого внимания вопрос о путях, которыми последние проникли в Якутию.

Большинство исследователей, как известно, полагает, что турки-скотоводы проникли на Среднюю Лену, спускаясь с ее верховьев. Так говорится и в якутских сагах. На Верхней Лене автором данной статьи найдены, кроме того, остатки поселений „курумчинцев“, предполагаемых предков якутов. Есть там и писаницы, дающие яркую картину быта каких-то скотоводов, предшественников бурят в I тысячелетии до н. э.

Тем не менее, заслуживает внимания и другой вариант, которого придерживались лишь немногие исследователи, — путь с Енисея и Ангары по Нижней Тунгуске на Вилюй, а оттуда к нынешним Олекминску и Якутску.

Радлов полагал, что носители языка, который придал древней, неизвестной основе современной якутской речи ее турецкий облик, обитали в Прибайкалье в I тысячелетии до н. э. Позднее, в результате нашествия монголов, одна часть этих племен из Прибайкалья проникла на Лену, вторая же часть их была отброшена на запад. Сравнивая якутский язык с языками других турецких племен, Радлов пришел к выводу, что к числу ближайших его родичей принадлежат языки саянских пле-

мен — танну-тувинцев (сойотов) и тофаларов (карагасов); это и были, по его мнению, ближайшие родственники якутов, оказавшихся на далеком севере. Но в гипотезе Радлова вряд ли верно предположение о том, что саянские турки оказались отброшенными сюда из Прибайкалья. Их предки, вероятно, жили здесь же в Саянах и на Енисее, ниже хагясов, очень давно, во всяком случае в то время, как Прибайкалье заселяли их родственники курыканы („гулигань“ китайских источников).

По китайским известиям в танское время вблизи хагясов находились скотоводческие племена, напр. гюньма или бида, иначе елочжи, обитающие в деревянных домах, крытых берестой. О трех дулгаских (турецких) аймаках дубо, милиге и эжи (елочжи?) китайцы писали, как о соседях хагясов, живущих в избах, покрытых берестой, и имеющих много хороших лошадей.

Если сведения китайцев о гулиганях в Прибайкалье подкрепляются курумчинскими памятниками (поселения, могилы и писаницы), то, в свою очередь, сообщения о скотоводческих турецких (или отуреченных) племенах, живущих к западу от курыканов, подкрепляются археологическими находками у Красноярска. „Ладейская культура“, по данным Карцева и других археологов, явно принадлежала этим оседлым скотоводческим племенам.

Рассматривая памятники ладейской культуры, поразительно близкой к курумчинской, нельзя не признать, что она не в меньшей степени, чем последняя, может претендовать на близкое отношение к якутам. Керамика ладейцев имеет такую же форму, тот же характерный орнамент в виде накладных валиков, и, что в особенности интересно, этот орнамент даже ближе к якутскому, чем курумчинский. Помимо налепных рассеченных штампом валиков для нее типичен тисненый узор в виде вдавленных и расположенных крестообразно треугольников, квадратов или кружков. В такой же степени этот узор характерен для старинной якутской керамики, но ни разу не встречался еще в материале курумчинских стоянок.

С другой стороны, жилища племени гюньма и других родственных племен должны быть близки к якутскому „балагану“.

Вполне вероятно поэтому, что именно с запада, по хорошо знакомым и привычным путям, а не только лишь с востока — из Прибайкалья — могло происходить заселение Ленской долины туркоязычными племенами.

Таковы конкретные результаты археологических работ 1940 г. в долине Лены между Якутском и Олекминском, а также некоторые связанные с ними исторические проблемы и те рабочие гипотезы, в форме которых могут быть конкретизированы ближайшие цели дальнейших исследований.

Даже и немногих приведенных выше примеров, повидимому, достаточно, чтобы показать насколько существенно значение вещественных памятников для истории нашего северо-востока, какие интересные перспективы ожидают нас еще впереди и насколько необходима организация широких археологических работ на этих еще совершенно не изученных археологами колоссальных территориях, начиная от Байкала до Ледовитого океана.

А. П. Окладников

III. СТАТЬИ

ДРЕВНЯЯ ЭСКИМОССКАЯ КУЛЬТУРА НА ЧУКОТСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

1

Как неоднократно отмечалось, изучение археологии Аляски и Чукотского полуострова является исключительно важным для выяснения времени и условий заселения человеком арктических районов Азии и Америки, для разрешения вопроса о заселении человеком американского континента.¹

Во всяком случае является несомненным, что археологическое изучение этого района должно дать ключ к проблеме о происхождении и ранней истории эскимосов, разрешение которой несомненно прольет свет и на вопрос о заселении человеком Америки. Что заселение Северной Америки происходило из Азии, в настоящее время не вызывает сомнения у большинства исследователей. Однако некоторые ученые, признавая, что первоначально эскимосы переселились из Азии в Америку и заселили сначала Аляску, а затем и остальные районы крайнего севера Америки, на ряду с этим выдвинули теорию о последовавшем за тем обратном движении эскимосов и даже других племен американской расы. В. Г. Богораз еще в 1927 г.² справедливо возражал против высказанной Боасом,³ а затем и В. И. Йохельсоном⁴ гипотезы о происхождении палеоазиатских племен Сибири из Америки. Эта гипотеза находится в полном противоречии с известным нам археологическим материалом. Материалы, собранные во время последних археологических исследований на Аляске и островах Берингова пролива, дают нам полное право возражать против построений Боаса, Стинсби и Биркет-Смита о том, что Аляска в древности была заселена эскимосами из центральных районов Канады.⁵

Археологические раскопки, произведенные американскими исследователями на Аляске в течение последних полутора десятков лет, дали исключительно богатые и ценные результаты. Начало этим систематическим работам было положено А. Хрдличка, собравшим в 1926 г. некоторое количество наконечников гарпунов и других изделий из моржовой

¹ H. B. Collins. *Archaeology of the Bering Sea Region*. Smithsonian. Rep., 1933, Washington, 1935.

² В. Г. Богораз. Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке. Сб. Музея антроп. и этногр., т. VI, Лгр., 1927, стр. 37—62.

³ F. Boas. *Ethnological Problems in Canada*. Journ. of the Royal Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland, 1910, vol. XI, pp. 529—539, 1910.

⁴ W. Jochelson. *Archaeological Investigations in the Aleutian Islands*. Washington, 1925, pp. 6—7.

⁵ H. B. Collins. *Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska*. Smithsonian. Miscell. Coll., Washington, 1937, vol. 96, № 1, pp. 1—13.

кости, отличных по форме и орнаменту от употребляемых современными эскимосами.¹

Дженнесс, собравший в том же году при раскопках на мысе принца Уэльского и Диомедовых о-вах значительное количество таких же предметов, отличительным признаком которых являлся своеобразный криволинейный орнамент, отнес их к раннему периоду развития эскимосской культуры, который был назван им „культурой Берингова моря“. Систематические археологические раскопки, произведенные Коллинсом, Чемберсом,² Гейстом и Рейней³ на о. Св. Лаврентия и о. Пунук позволили восстановить картину последовательного развития эскимосской культуры в районе Берингова пролива.

Древнейший берингоморский период целиком относится к развитому неолиту, когда обитатели Арктики еще не знали иного материала для изготовления своих орудий и утвари, кроме кости, дерева, камня и глины.

Одной из характерных черт этой культуры является исключительно богатая и своеобразная орнаментация орудий и других предметов.

В дальнейшем берингоморская культура сменяется пунукской, которая относится к I тысячелетию н. э. В это время происходят большие перемены в хозяйстве и культуре. Существенные изменения наступают и в области искусства. Орнаментация в целом становится более упрощенной и схематичной. Коллинс на основании изучения характера выполнения резных узоров, утверждает, что эскимосы в это время уже должны были быть знакомы с употреблением металлических (железных) орудий, которые, очевидно, проникали к ним через Чукотский п-ов, может быть из Китая.

Наконец, пунукский период сменяется так наз. культурой Туле, столь детально изученной Матиассеном,⁴ который, повидимому, справедливо видит первоначальное место ее возникновения в восточной части занимаемых эскимосами арктических областей — в Аляске, а может быть даже и на северо-востоке Сибири. Культура Туле получила самое широкое распространение в арктических районах Америки от Аляски до Гренландии включительно, где эскимосы пришли в соприкосновение с норманнами.

В то время как культура Туле имела столь широкое распространение, находки, относящиеся к древне-берингоморскому и пунукскому периодам, сосредоточены на сравнительно небольшом пространстве в районе Берингова пролива.

Таким образом в настоящее время история эскимосов на территории Аляски вырисовывается со сравнительной ясностью и границы распространения древне-берингоморской культуры могут быть очерчены довольно точно. Мы пока еще не можем сказать того же в отношении северо-восточной Азии и, в частности, Чукотского п-ова. Археологическое изучение этих областей еще по существу не начиналось и является очередной задачей советской археологии, так как лишь на основании изучения археологии этой части Советского Союза может быть окончательно разрешен целый ряд интересующих нас вопросов.

¹ A. Hrdlička. Anthropological Work in Alaska, Explorations and Field-Work of the Smithsonian Institution in 1926. Smithsonian Publ., Washington, 1927, № 2912. pp. 137—158. — Idem. Anthropological Survey in Alaska. 46th Ann. Rep. Bur. Ethnol., Washington, 1930, pp. 173—176, 362—366.

² H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, vol. 96, № 1.

³ O. W. Geist and F. G. Rainey. Archaeological Excavations of Kukuliak, St. Lawrence Island. Miscell. Publ. of the Univ. of Alaska. Washington, 1936, vol. II.

⁴ Th. Mathiasen. Archaeology of Central Eskimos. Rep. 5th Thule Exped., 1921—1924, vol. 2, Copenhagen 1927 — Idem. Archaeological Collection from the Western Eskimos. Rep. 5th Thule Exped. 1921—1923, vol. 10, № 1, Copenhagen, 1930.

Тем не менее, ряд находок, как это уже отмечалось некоторыми исследователями,¹ позволяет говорить о широком распространении древней эскимосской культуры и на арктическом побережье Сибири. Так, еще А. Е. Норденшельд, во время своего плавания на „Вега“, произвел раскопки на древнем поселении, расположенном на мысе Иркапий (мыс Северный, теперь мыс Шмидта). В раскопанных им развалинах жилищ, построенных из китовых костей, был найден наконечник гарпуна, типа Туле, и ряд других орудий.² В. Г. Богораз опубликовал в 1904 г. наконечники гарпунов, выкопанные на месте древнего эскимосского селения, из которых два относятся, вероятно, к пунукскому периоду.³ К. Расмуссен во время кратковременного пребывания на мысе Дежнева (мыс Восточный) приобрел коллекцию из 164 предметов, добытых местными жителями путем раскопок. Большинство наконечников гарпунов этой коллекции относятся к концу пунукского периода и имеют много общего с типом Туле.⁴ Коллинс опубликовал один наконечник гарпуна, происходящий с Plover Bay (северо-восточная Сибирь),⁵ несомненно относящийся к древне-берингоморскому периоду. Наконец, Свердруп собрал несколько наконечников гарпунов, по мнению Коллинса также относящихся к древне-берингоморскому периоду.⁶ Самым западным пунктом, в котором были сделаны находки, являются местности неподалеку от устья р. Колымы. Свердрупом, при раскопках на одном из островов в устье этой реки, было найдено два гарпуна, относящихся к типу Бирнирк (типу переходному от типа Пунук к Туле), названному так по первоначальному месту находки таких наконечников гарпунов в районе Point Barrow.⁷ Исследователями, посещавшими северо-восточное побережье Сибири, отмечалось также наличие там многочисленных древних поселений с развалинами полуподземных жилищ из моржовой кости, китовых ребер и дерева.⁸

Как мы видим, перечисленные сведения не дают никакого представления о характере древней эскимосской культуры на северо-востоке Сибири. Доказывая лишь самый факт наличия на этой территории памятников, относящихся к древне-берингоморскому периоду, эти материалы не позволяют нам судить о том, какой характер имела эта культура на западном берегу Берингова пролива, была ли она вполне тождественна с культурой того же времени на Аляске и островах Берингова пролива, или же в ней имелись существенные отличительные черты. Несомненно, что окончательный ответ на этот вопрос можно будет получить лишь после проведения систематических раскопок на северо-восточном побережье Сибири. Однако некоторые замечания по этому вопросу можно сделать на основании двух до сих пор не опубликованных коллекций, хранящихся в Государственном Музее этнографии в Ленинграде. Эти

¹ А. М. Золотарев. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Изв. Воронежск. Гос. педагог. инст., т. IV, Воронеж, 1938, стр. 73—87.

² А. Е. Nordenskiöld. Vega's färd kring Asien och Europa, I. Stockholm, 1880—1881, p. 428.

³ W. H. Bogoras. The Chukchee. Jesup North Pacific Expedition, vol. 7, pt. 1, New-York, 1904, fig. 13, c. d.

⁴ Th. Mathiasen. Archaeological Collections from the Western Eskimos., pl. 18.

⁵ H. B. Collins. Prehistoric Art of the Alaskan Eskimo. Smithsonian. Miscell. Coll., vol. 81, № 14, Washington, 1929, fig. 1.

⁶ H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, p. 317. — Th. Mathiasen. Some Specimens from Bering Sea culture, Indian Notes New-York, 1929, vol. 6, № 1, fig. 10.

⁷ Th. Mathiasen. Archaeology of Central Eskimos, pt. 2, pp. 179—180, fig. 12. — H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, pp. 307, 319.

⁸ Сводку сведений см. А. М. Золотарев, ук. соч.

коллекции, собранные на Чукотском п-ове Беттан и Борисовым, содержат предметы, относящиеся к самому различному времени: на ряду с наконечниками гарпунов, относящимися к древне-берингоморскому периоду, в них имеются поздние наконечники с железными лезвиями. Здесь остаются лишь на некоторых наиболее выразительных предметах, относящихся к интересующему нас в данном случае периоду истории и позволяющих составить более полное представление о характере древней эскимосской культуры на Чукотском п-ове.

Все предметы, относящиеся к берингоморскому периоду, сделаны из моржовых клыков или, реже, из кости. Цвет их темный.

Основную группу предметов, относящихся к этому раннему периоду эскимосской истории, составляют наконечники гарпунов. Они отличаются большим разнообразием форм, почти без исключения имеющих аналогии среди изданных ранее наконечников гарпунов, найденных на западном побережье Аляски и островах Берингова пролива. Ограничимся поэтому воспроизведением их на рисунках.

Наконечники с открытым гнездом, длина 9.8 см (рис. 11, 2), дл. 7.6 см. (рис. 11, 3).

Наконечники с закрытым гнездом, дл. 9.9 см (рис. 12, 2), дл. 9.6 см (рис. 13, 3), дл. 9.2 см (рис. 11, 4).

Орнаментация этих гарпунов характерна для древне-берингоморского периода. Это прежде всего кружки или эллипсы, обычно концентрические, с точкой или без точки посередине (рис. 13, 3; 12, 1, 2; 11, 2, 4), иногда расположенные на округлых возвышениях (рис. 12, 3, 2, рис. 11, 4). На одном наконечнике гарпуна они расположены так, что производят впечатление глаз животного (рис. 13, 3). Наконец, на другом наконечнике гарпуна мы видим маленький, концентрический кружок, помещенный внутри угла, образованного двумя сходящимися линиями (рис. 11, 3). Все же остальное пространство, рядом с этими кругами и эллипсами, заполнено прямыми и кривыми, двойными и одинарными, линиями. На некоторых из наконечников гарпунов можно видеть, кроме того, тонкие прерывистые и пунктирные линии.

Гарпун, изображенный на рис. 11, 3, судя по форме (тип I по Коллинсу) и по меньшей развитости орнамента, хотя и заключающего элементы, типичные для развитого орнамента этого времени, относится к раннему этапу древне-берингоморского периода.

Очень характерным для древне-берингоморского периода является предмет с клинообразной центральной частью (рис. 12, 5). Назначение его неизвестно. Крылья его сравнительно малы. На обороте центральная часть сильно выступает над плоскостью крыльев. В основании имеется овальное гнездо 0.7 см глубины, с обеих сторон от него два прореза, выходящие, на оборотной стороне, по бокам возвышенной части. Длина всего предмета 5.6 см. Орнамент данного экземпляра значительно проще и грубее, чем у изданных Коллинсом;¹ он состоит из сплошных и прерывистых линий, в основном повторяющих контуры предметов. В центре крыльев сделаны продолговатые углубления. Но оборотной стороне орнамент имеется только на центральной части, он состоит из прямых горизонтальных и вертикальных линий.

Обломок рукоятки неизвестного орудия (рис. 11, 5), покрытый типичным для берингоморского периода орнаментом, хорошо знакомым нам по ряду изданных Коллинсом предметов.²

¹ H. B. Collins. *Archaeology of St. Lawrence Island*, pl. 20, 21.

² *Ibidem*, pl. 16, 17, 18, 19, 20. — H. B. Collins. *Prehistoric Art of the Alaskan Eskimo*, pl. 3.

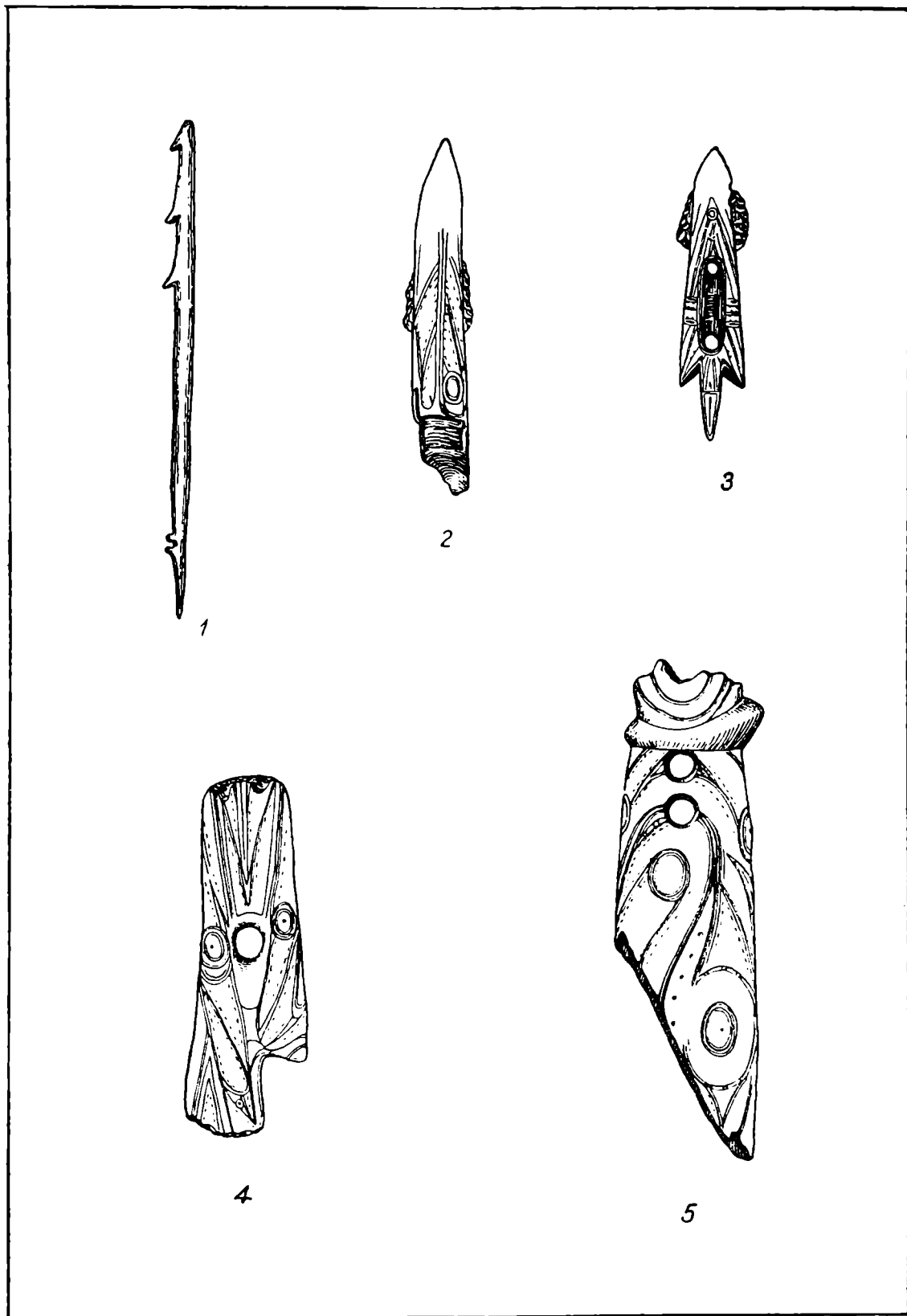

Рис. 11. Древневскимосские изделия (Чукотский п-ов).

1 — наконечник копья для лова рыбы; 2—3 — наконечники гарпунов; 4— обломок наконечника гарпуна; 5— обломок рукоятки (из коллекций Гос. Музея этнографии).

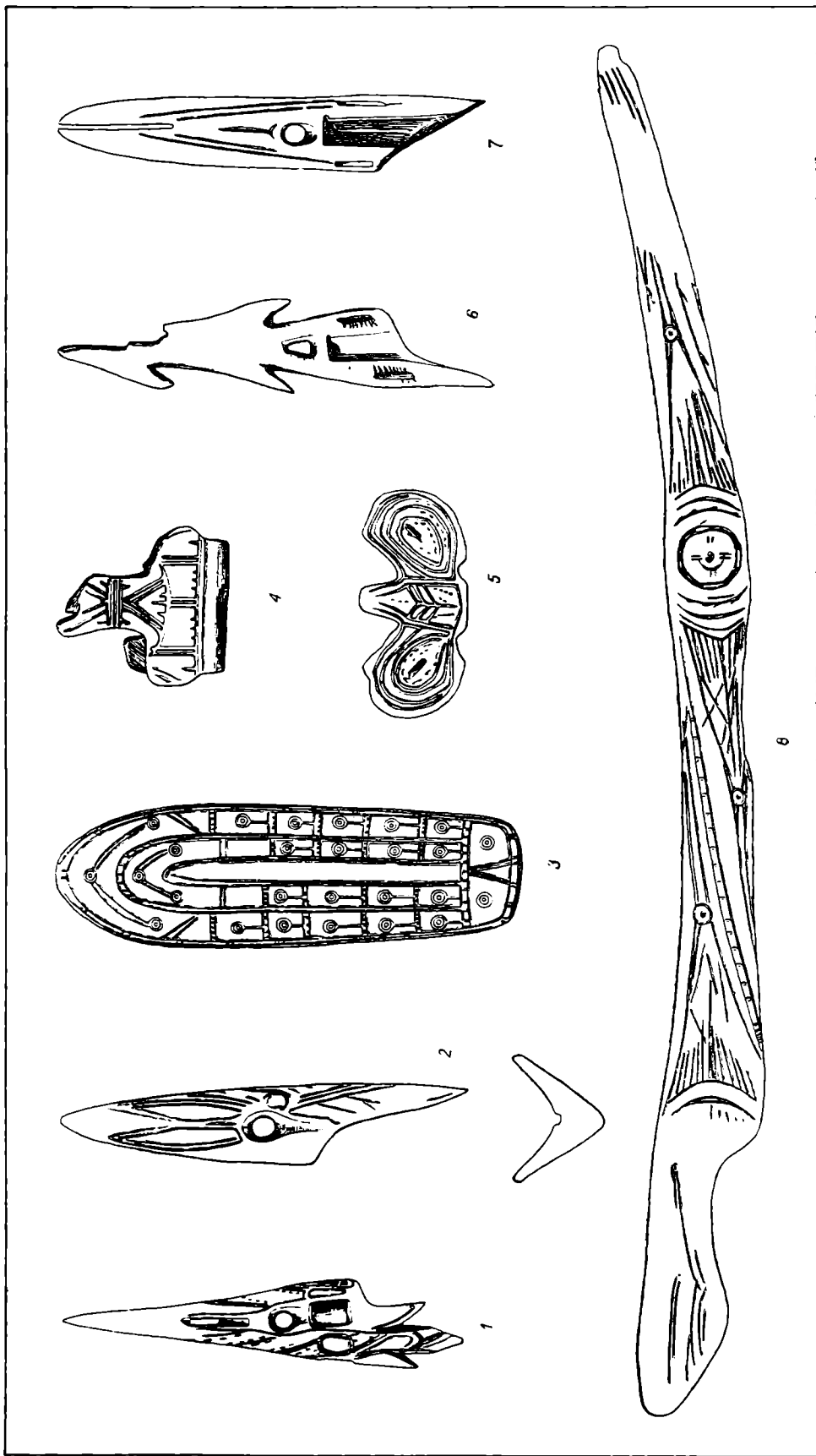

Рис. 12. Древнеэскимосские изделия (Чукотский п-ов).

1—2—наконечники гарпунов; 3—щиток для запястья; 4—обломок предмета неизвестного назначения; 5—предмет в форме бабочки; 6—7—наконечники гарпунов; 8—копьеметалка (вид сбоку и разрез) (на коллекции Гос. Музея этнографии).

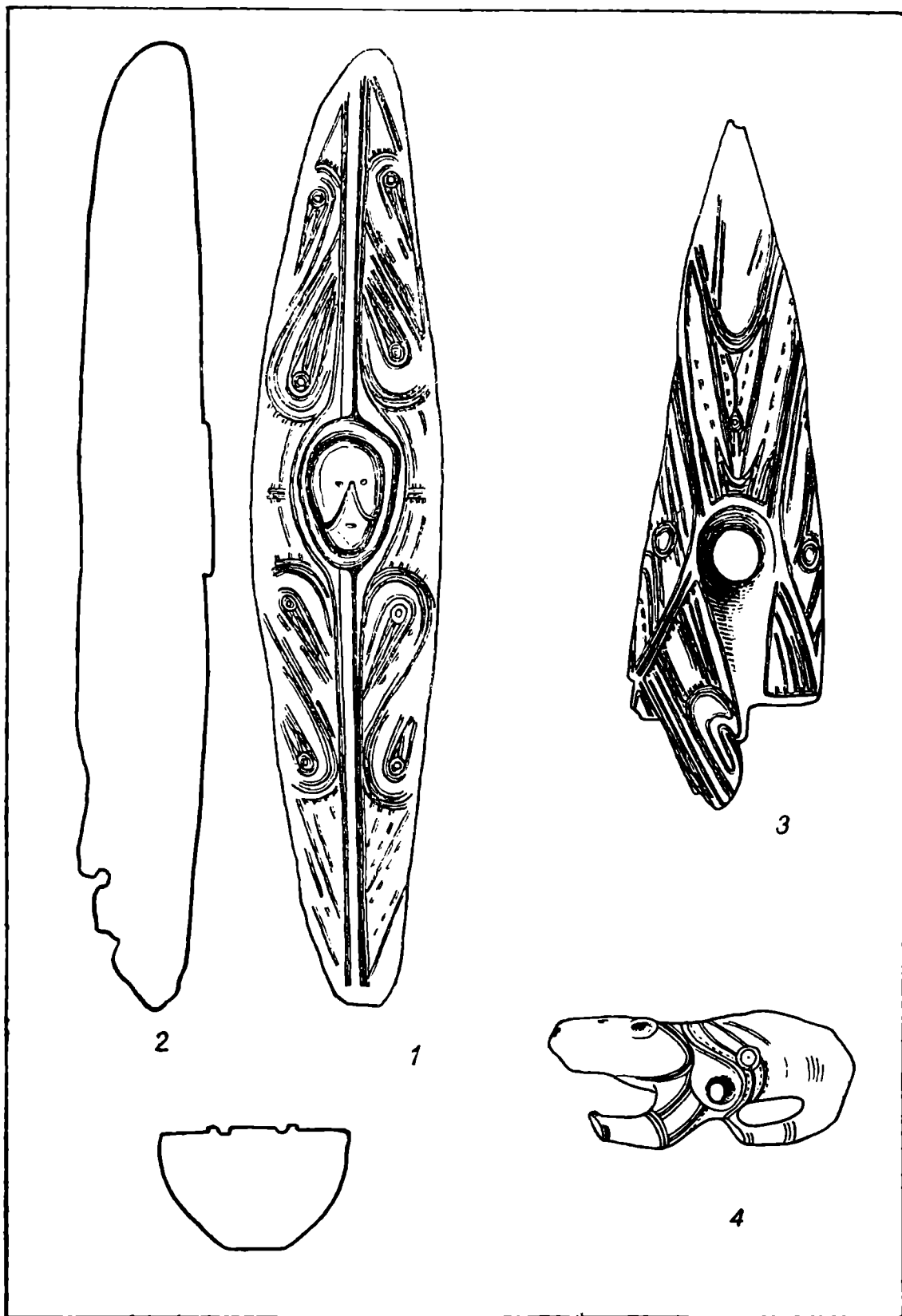

Рис. 13. Древнеэскимосские изделия (Чукотский п-ов).

1 — изображение каяка (вид сверху); 2 — изображение каяка (вид в разрезе); 3 — наконечник гарпуна;
4 — фигурка белого медведя (из коллекции Гос. Музея этнографии).

Рукоятка по своей форме не имеет аналогий среди описанных до сих пор предметов. Она овальная, в сечении слегка сужается к одному концу и в этой части перехвачена валиком. В ручке, рядом с валиком, имеется два отверстия, очевидно более позднего происхождения, так как рисунок орнамента не соответствует им. Длина обломка 13,3 см.

Фигурка белого медведя из коллекции Беттан (рис. 13, 4) значительно дополняет наши представления о круглой скульптуре древних эскимосов. Она сильно отличается от изданной Коллинсом.¹ Пропорции соблюдены более точно, лишь ноги слишком длинны. Медведь изображен с вытянутой вперед мордой и подогнутыми, вытянутыми вперед ногами. Уши выполнены в рельефе, а глаза и ноздри изображены круглыми высверленными углублениями. Пасть не изображена. Когти на передних лапах показаны нарезками. В боках, у передних лап, имеется сквозное отверстие. Правая задняя лапа отломана. Длина фигурки 7,6 см. Орнамент состоит из кривых, сплошных и пунктирных линий. На левом боку он плохо сохранился, на правом боку, несколько выше отверстия, изображены концентрические кружки с точкой посередине.

Совершенно исключительный интерес представляют два предмета из коллекции Борисова. Это, прежде всего, костяная копьеметалка (рис. 12, 8), найденная у сел. Чехлюк. В отличие от обычных копьеметалок она не плоская, а как бы согнута вдоль под прямым углом. Вдоль всей внутренней стороны идет желобок. У переднего конца копьеметалки сделано с боков два одинаковых выреза, служивших для захватывания копьеметалки рукой. Задний конец, где должен был находиться выступ для упора гарпуна или копья, к сожалению, отломан. Длина 38 см. Копьеметалка слегка изогнута. Возможно, что первоначально она была прямой и изогнулась от времени. Как с наружной, так и с внутренней стороны копьеметалка покрыта орнаментом. Орнамент на обеих половинах наружной стороны совершенно одинаковый. Он состоит из большого концентрического круга, расположенного посередине копьеметалки и в небольших углублениях. В середине круга имеется маленькая выемка, от которой попарно в четыре стороны расходятся короткие линии. Остальная поверхность покрыта орнаментом, состоящим из маленьких кружков с углублениями в центре и прямых и кривых линий. Кроме того, с каждой стороны от центрального круга находится по одному, пересекающему наискось все пространство данной части копьеметалки, рельефному валику, на который нанесен ряд поперечных насечек. На внутренней стороне орнамент значительно беднее, он состоит из одних прямых линий.

До сих пор для древне-берингоморского периода были известны лишь деревянные копьеметалки.² Данная копьеметалка по форме несколько сходна с изданной Коллинсом деревянной копьеметалкой пунукского периода.³

Второй предмет является изображением каяка, сделанным из моржового клыка (рис. 13, 1, 2). Дно у него округлое, в киле, у одного из концов, имеется небольшое отверстие. Длина каяка 13,3 см. Верхняя плоская поверхность разделена вдоль валиком. В центре находится изображение человеческого лица, окруженное овальным валиком, — вероятно, овал изображает отверстие люка для сидения, а лицо — сидящего в каяке человека. Остальная часть верхней поверхности покрыта орнаментом, встречающимся на многих предметах, относящихся к древне-берингомор-

¹ H. B. Collins. *Archaeology of St. Lawrence Island*, pp. 49—50, fig. 7.

² *Ibidem*, pl. 37, 1, 2.

³ *Ibidem*, pl. 80, 1.

скому периоду, — это концентрические кружки с точками посредине, окруженные кривыми сплошными и прерывистыми линиями. Весьма вероятно, что это изображение каяка служило для магических целей. Тем более, что и весь орнамент, столь богато покрывающий орудия производства и предметы домашнего обихода, очевидно, был магическим в своей основе и различные, составляющие его мотивы были символами определенных понятий, входящих в круг первобытных мифологических воззрений и магических действий.

Таким образом факт находки копьеметалки и изображения каяка, относящихся к древне-берингоморскому периоду на Чукотском п-ове, лишний раз доказывает (Коллинсом были найдены лишь игрушечные модели каяков), что эти столь характерные для эскимосской культуры предметы были в употреблении у эскимосов северно-восточной Сибири и в древнейший период их истории.

Следующий — пунукский — период истории эскимосов также представлен в коллекциях Государственного Музея этнографии целым рядом предметов, показывающих, что и в этот период наряду с ранее опубликованными предметами эскимосская культура была одинаково развита на обоих берегах Берингова пролива. Таковы наконечники гарпунов с открытым гнездом, дл. 10.8 см (рис. 12, 6) и дл. 8.5 см (рис. 12, 7).

Должны быть отмечены также наконечник копья для ловли рыбы (рис. 11, 1) и тонкий костяной стержень с тремя широко расставленными бородками, расположенными с одной стороны, и двумя маленькими выступами для привязывания на нижнем, остром конце. Длина 12.2 см.

Характерными для периода Пунук являются щитки для запястья, употребляемые при стрельбе из лука. Экземпляр, изображенный на рис. 12, 3, относится к концу пунукского периода. Его простой по рисунку орнамент состоит из кружков с точками, заключенными в рамки, образованными прямыми линиями. Каждый кружок соединен с одной из сторон рамки или с другим кружком посредством одинарной или двойной линии. Кружки сделаны столь механически точно, что, основываясь на этом, Коллинс говорит о знакомстве эскимосов с металлическими (железными) орудиями уже в пунукский период.¹

Хорошо известные по раскопкам Коллинса и Гейста своеобразные по форме предметы неизвестного назначения,² также характерные для пунукского периода, представлены в коллекции, собранной Борисовым, одним обломком (рис. 12, 4). Обломок этот орнаментирован в стиле, типичном для пунукского периода. Рисунок на обеих сторонах его состоит из прямых и кривых, одинарных и двойных линий, иногда с отходящими в сторону от них рядами коротких черточек.

На ряду с перечисленными здесь предметами, а также другими орудиями и поделками из моржовых клыков и кости, датировать которые иногда трудно, в этих коллекциях имеется значительное количество оббитых и шлифованных скребков, ножей, женских ножей, наконечников копий и других орудий из сланца, датировать которые с уверенностью невозможно, но среди которых есть, вероятно, также предметы, относящиеся к древне-берингоморскому периоду.

Особо необходимо упомянуть имеющиеся в коллекции Борисова, правда в незначительном количестве, шлифованные топоры и миниатюрные ножи (?) из нефрита. Орудия из подобного материала совершенно

¹ H. B. Collins. Prehistoric Art of the Alaskan Eskimo, pp. 20, 21, 27, 28. — I d e m. Archaeology of St. Lawrence Island, pp. 303—305.

² H. B. Collins. Prehistoric Art of the Alaskan Eskimo, pl. 10. — O. W. Geist and F. G. Rainey. Archaeological excavations of Kukuliak, pl. 62, 4, 5.

неизвестны на американском побережье Берингова пролива. К сожалению, в настоящее время невозможно сказать, вместе с какой группой эскимосских изделий были найдены эти орудия и к какому точно времени они относятся.

Таким образом, в результате рассмотрения этих двух коллекций, собранных на Чукотском п-ове, не остается никакого сомнения в том, что на северо-востоке Сибири эскимосская культура в древне-берингоморском периоде носила тот же характер и была столь же развита, как и на побережье Аляски и островах Берингове пролива. Тем самым мы с гораздо большим основанием, чем Коллинс в 1937 г., можем сказать: „As to the immediate origin of the Old Bering Sea culture, the present indications point to north-eastern Siberia, somewhere between the mouths of the Anadyr and Kolyma Rivers, as the area in which the culture in the specific form that we know it came into being“.¹

Но, идя дальше, необходимо отметить, что отмеченный выше факт наличия на Чукотском п-ове, на ряду с характерными для эскимосской культуры орудиями и поделками, изделий из нефрита, ставит перед нами вопрос о наличии древних связей между эскимосской культурой северо-восточной Сибири и района Берингова пролива с более древними неолитическими культурами внутренних областей Сибири. Этот вопрос, так же как и вопрос о характере древних связей между этой эскимосской культурой и культурой, обнаруженной советскими исследователями в устье р. Оби и на полуострове Я-мал,² памятники которой содержат эскимосидные элементы, может быть разрешен лишь путем дальнейших систематических археологических исследований.

А. В. Мачинский

¹ H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, p. 383.

² В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Я-мал. Сов. этногр., М., 1935, № 4—5, стр. 109—133.

IV. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СТОЯНКА НА Р. КУЗНЕЧИХЕ В Г. АРХАНГЕЛЬСКЕ

Летом 1938 г. на территории Пригородного хозяйства № 1 в г. Архангельске при рытье котлована рабочими были обнаружены следы древнего неолитического поселения.¹

Пригородное хозяйство № 1 расположено на северо-восточной окраине города, на правом намывном берегу рукава Сев. Двины—реки Кузнечихи (рис. 14).

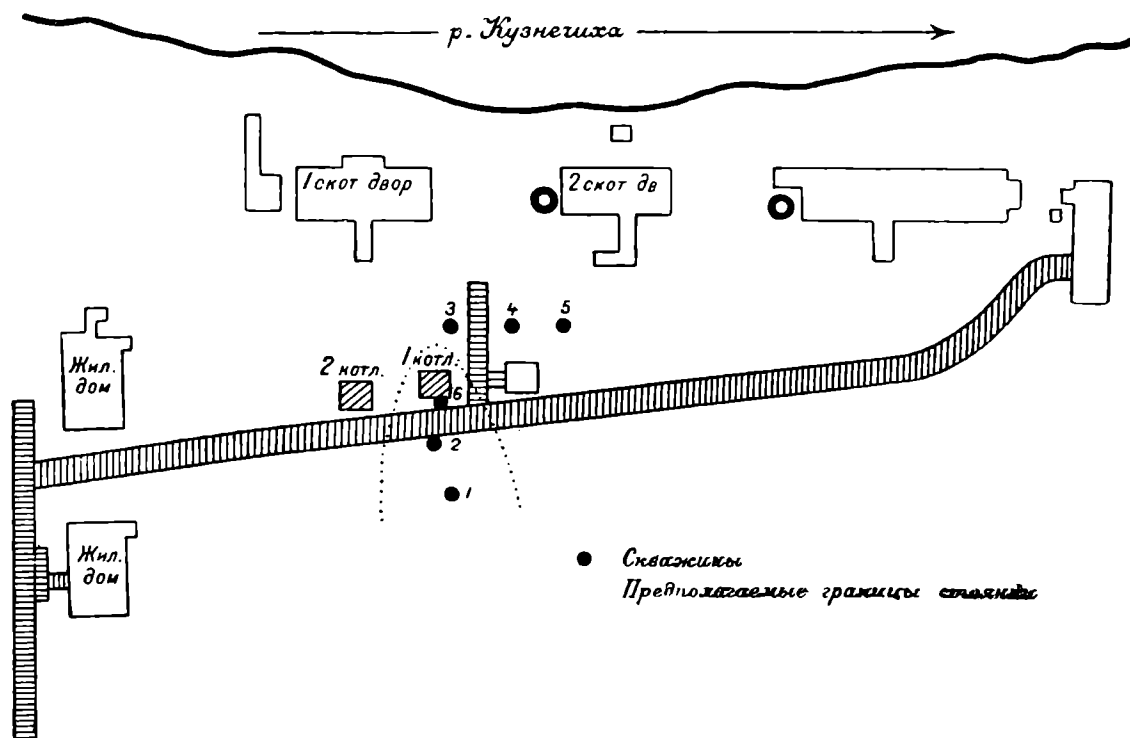

Рис. 14. Схематический план части территории пригородного хозяйства с указанием расположения котлованов и буровых скважин.

Здесь были найдены каменные орудия, поделки из кости, черепки глиняной посуды, большое количество костей животных, птиц и рыб. Довольно хорошо сохранились дерево и другие растительные остатки.

Над дальнейшими работами по сооружению котлована, имевшего раз-

¹ В. Смирнов. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе. Сов. археол., № 6, Лгр., 1940, стр. 289—292.

мер сруба 7.5×7.5 м, установлено было наблюдение и затем перебран и просмотрен почти весь выброшенный из котлована материал. Позднее, по поручению Северной базы Академии Наук СССР здесь были произведены дополнительные раскопки котлована 6×6 м и заложено шесть буровых скважин, чтобы выяснить границы распространения культурного слоя.

В целях уточнения стратиграфии стоянки, по поручению Советской секции INQUA была заложена на месте стоянки новая буровая скважина, опущенная до морены, образцы которой были детально проанализированы на пыльцу.

Стоянка расположена в дельте Двины, представляющей собою часть обширной Двинской депрессии, известной в литературе под названием Двинской впадины. Наиболее низкая часть этой впадины развита как раз в районе г. Архангельска. Преобладающие абсолютные отметки этой равнины 1—3 м. На месте стоянки эта заболоченная равнина, расчлененная рукавом Двины — рекой Кузнечихой, прорезанная ее правыми притоками — речками Банной, Черной и сетью стариц, имеет абсолютные отметки + 3.8 — 3.45 м.

По данным В. Я. Филиппович, коренные породы здесь погружены ниже уровня моря. Затем в истории развития Северо-Двинской впадины, в частности района Архангельска, имели место два оледенения и 4 трансгрессии моря. Последняя трансгрессия охватила лишь самую пониженную часть Северо-Двинской впадины. Осадки ее представлены толщей эстуарных отложений, выполнявших приустьевые части долины нижнего течения реки Сев. Двины.

Анализ на диатомовые водоросли, произведенный по образцам из скважины № 1 Е. В. Шляпиной, показал, что на стоянке имеются исключительно пресноводные отложения. Таким образом стоянка была вне зоны поздне- и послеледниковых трансгрессий, имевших место в районе г. Архангельска. Равнина в районе стоянки, оказывается, сложена толщей водных озерных и речных отложений, покоящихся на верхней морене.

Разрез толщи 2-го котлована, заложенного со специальной целью изучения геологического строения стоянки (в 7 м к западу от 1-го котлована), представляет следующую картину:¹

1. Насыпной, слой, состоящий из древесных опилок и щепы.
2. Дерновина.
3. Песок буро-коричневого цвета с желтыми точками и белесыми пятнами. Песок глинистый мелкозернистый с единичными хорошо окатанными галечками до 1 см величиною (девонского песчаника) и валунчиком кварца до 3×4 см величины, в нижней части намечается неясная горизонтальная слоистость. Песок залегает в шурфе в форме тонкой удлиненной линзы, выклиниваясь к восточному углу шурфа.
4. Торфяник, залегает слоем с нерезко очерченными верхней и нижней границами. В верхней части к перегною примешивается песок, в нижней — глинистые частицы. В нижней части потеки гумуса очень равномерной расплывчатой полосой переходят в нижележащий горизонт. В торфянике имеются куски древесины.
5. Слая с ржавыми пятнами песчаная глина, местами глинистый песок. Пятна приурочены к ходам корней. Изредка по корням наблюдаются формирующиеся трубки глинистого железа в виде хрупких сляжений. Слой содержит большое количество сгнивших и полусгнивших растительных остатков черно-коричневой окраски. Пятна приурочены к верхней и средней частям слоя. Таков вид описываемого слоя на 0.47 м от его кровли (начала). Ниже 0.47 м порода становится более глинистой с большим содержанием иловатых частиц. Здесь начи-

¹ Описание сделано при содействии геологов А. И. Зоричевой и К. К. Воллосовича.

наются уже пластичные глины с некоторым содержанием песка. Окраска их приобретает свинцовый оттенок. Весь слой в нижней части насыщен распыленными и сгруженными мелкими включениями вивионита. В самом низу перед новым прослоем погребенного почвенного горизонта, слабо окрашенного гумусом с растительными и древесными остатками, глина становится жирной и пластичной. Высота описанного в шурфе разреза западного угла 1.91. В восточном углу слой 5 очерчивается слоем погребенного гумусового горизонта.

6. Культурный слой. Песочно-глинистый гумусовый горизонт как по цвету, так и по своему составу неоднороден во всей своей толще. Более глинистые горизонты темной окраски чередуются с более светлыми слоями песчаных выклинивающихся линз и сероватыми насыщенными водой прослойками разной мощности. Эти прослойки едва уловимы благодаря постепенности перехода от более темных к более светлым тонам. Заметно падение слоев с востока на запад. Необходимо отметить, что гумусный культурный слой 1-го котлована, расположенного всего в 7 м к востоку от 2-го, представляется более темным, компактным и глинистым. Песчаная примесь как в темных прослойках, так и в более светлых одинаково мелкозернистая. В разных слоях этого горизонта во 2-м котловане встречено большее количество древесины, но костей млекопитающих попало всего 7, кроме того найден только один весьма окатанный глиняный черепок с неясным орнаментом. Костей рыб, которых так много попадалось в первом шурфе, как и осколков кремня и поделок в соответствующем горизонту культурном слое, не встретилось. В то же время оказалось очень много речных раковин. Представляется вероятным, что культурный слой в эту сторону выклинился или размыт. Возможно, что во время обитания человека здесь был водный бассейн, в который могли сползти со стоянки кости и черепки. Мощность гумусового горизонта, который приурочивается к озерно-аллювиальным отложениям, в восточном углу 2-го котлована значительна. Таким образом гумусированный горизонт заканчивается от поверхности в западном углу.
7. Гумусовый горизонт подстилается мелкозернистыми серого цвета песками.

Определить более глубокие горизонты можно было только бурением.

Из шурфа были взяты образцы на пыльцевые и механические анализы.

Чтобы точнее установить литологический разрез участка и выяснить направление стоянки на прилегающем участке, были заложены буровые скважины. В результате этих работ выяснилось одинаковое чередование на участке основных горизонтов, представленных, однако, изменчивой мощностью. Выяснилось, что культурный слой залегает в направлении к югу от 1-го и 2-го котлованов, в направлении севера и востока он размыт.

Всего было заложено семь скважин. Глубина их колебалась и только две (№ 5 и 7) пробурены до моренных отложений.

Горный инженер П. М. Иванов, производивший буровые работы, на основании материалов бурения всю пройденную толщу разбивает на 3 основных группы (сверху вниз): 1) Речные отложения, представленные суглинком, илом и супесью; отложения эти являются результатом деятельности р. Кузнечихи. 2) Озерно-аллювиальные отложения, представленные: а) суглинками, б) тонкозернистыми песками. 3) Моренные отложения.

Суглинок речных отложений серого цвета с многочисленными ржавыми включениями и растительными остатками, в некоторых местах с частыми прослойками тонкозернистого песка.

Суглинок этот в некоторых местах подстилается супесью, залегающей в свою очередь на илах. Как супесь, так и илы имеют ограниченное распространение и быстро выклиниваются.

Все вышеперечисленные отложения залегают на размытой поверхности озерно-аллювиальных суглинков и песков.

Озерно-аллювиальные отложения залегают на небольшой глубине от поверхности и представлены как суглинками, так и подстилающими

их тонкозернистыми песками. Суглинки сильно песчаные, темносерого цвета, обогащенные органическими остатками, встречены в скважинах №№ 1, 2, 6. В верхних частях этого суглинка во всех трех скважинах встречено большое количество органических остатков и между прочим чешуйки рыб, косточки мелких животных, и обломки глиняного сосуда (скв. № 2).

В результате буровых работ выяснилось, что культурный слой ближе к р. Кузнечихе размыт, а речные отложения здесь залегают непосредственно на озерно-аллювиальных песках. Стоянка существовала на этих песках во время процесса образования озерно-аллювиальных суглинков. Дальнейшее направление стоянки намечается к югу от 1-го котлована.

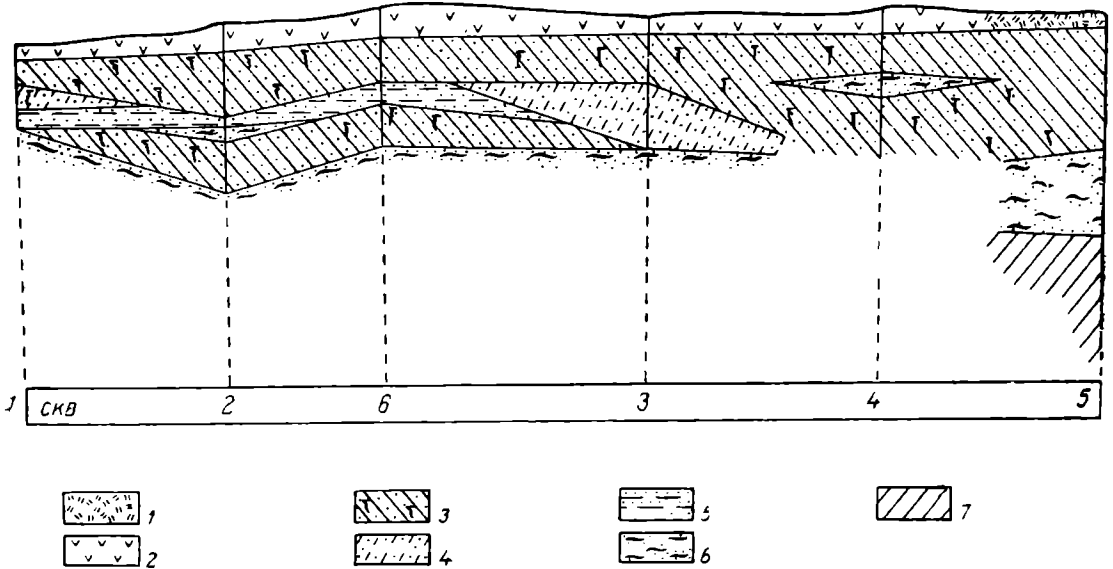

Рис. 15. Геолого-литологический разрез на участке раскопок на р. Кузнечихе.

1 — почвенный слой; 2 — торф; 3 — суглинок серого цвета с голубоватым оттенком, с включениями органических остатков; 4 — супесь темного серого цвета с голубоватым оттенком, с прослойками тонкозернистого песка; 5 — ил темносерого цвета с голубоватым оттенком, с прослойками тонкозернистого песка; 6 — песок тонкозернистый, темносерого цвета; 7 — суглинок желтобурого цвета с гравием и галькой.

Культурный слой состоит из легких, пылеватых суглинков. Залегающий под культурным слоем тонкозернистый песок, относимый к озерно-аллювиальным отложениям, представляет собою тяжелую пылеватую супесь.

Полученный геолого-литологический разрез (рис. 15) дает нам представление о геологических процессах, происходивших на территории стоянки. Лежащая в основании разреза морена была покрыта аллювиально-озерными отложениями, образовавшими в этом месте косу или остров. Самый бассейн надо представить себе в виде водоема с довольно спокойными водами. Дальнейший процесс осадков свидетельствует о еще более спокойных водах. В это время здесь селится человек. Так как процесс отложений продолжается, следует думать, что человек здесь жил на свайных постройках или покидал это место на время паводков. Илстые отложения, свидетельствующие о новом водном режиме, имели место, когда человек уже ушел отсюда. Эти отложения и культурный слой в части стоянки (к северу) были размыты какой-то речной артерией, отложившей супеси сильно глинистые с прослойками ила темносерого

цвета. Еще позднее на этот комплекс легли речные отложения, вероятно р. Кузнечихи, и теперь в некоторые годы заливающие часть этой площади.

Залегание культурного слоя на отметках, близких к уровню моря, и постоянная насыщенность его водою, препятствующей проникновению воздуха, создали весьма благоприятные условия для консервации даже мало стойких материалов (рис. 16), захороненных на стоянке.

Рис. 16. Раскоп на стоянке у р. Кузнечихи.

Кости млекопитающих из культурного слоя стоянки определены В. В. Громовой. Они принадлежат следующим видам: северному оленю (*Rangifer tarandus* L.), лосю (*Alces machlis* Og.), бобру (*Castor fiber* L.), зайцу (*Lepus timidus*), гренландскому или другому какому-то тюленю (*Phoca groenlandica* или *vitulina*), киту — два хвостовых позвонка (*Cetacea* Gen?).

Кости птиц определены А. В. Тугариновым. Здесь оказались кости следующих видов: гагара (*Columbus arcticus*), лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*), утка-широконоска (*Anas clipeata*), утка-свиязь (*Anas penelope*), большой крохаль (*Mergus merganser*), кряква (*Anas platyrhynchos*). Кости рыб, по определению Б. В. Никольского, принадлежат: щуке (*Esox lucius* L.), окуню (*Perca fluviatilis*), лещу (*Abramis?*), карповым (*Cyprinidae* sp?).

Хорошо сохранились раковины улиток, найден ост-

тов лягушки, определен Г. Наумовым как *Rana terrestris* (syn. *R. uralis*). В культурном слое встречено множество древесных остатков. На некоторых сосновых обрубках видны ходы, по определению В. В. Шаблювского, одного из видов короеда из рода *Ips* (*Neotomicus*).

Встреченные на стоянке археологические находки оказались весьма разнообразными и интересными. Каменных орудий встречено немного. Сюда относятся: 1) тонкий листовидный наконечник копья из кремня длиной 14,5 см; 2) кремневый наконечник более грубой работы; 3) изящный наконечник, заостренный с обоих концов и несколько утолщенный в середине (беломорского типа); 4) скребок; 5) резец; 6) обломок шлифованного орудия из черного сланца (долото или клин); 7) четыре

¹ См. рисунок в журнале Советская археология (№ 6, стр. 289, рис. 1).

пластинки кремня со следами ретуши и 8) 51 кремневый отщеп разной величины и формы, указывающие на то, что здесь была мастерская. Все кремневые орудия и отщепы приготовлены из темного кремня, встречающегося в карбоновых известняках. Об этом свидетельствует корка известняков, сохранившаяся на многих обломках и отщепах, а в одном случае обнаружен фрагмент с фауной *choristites*, характерной для среднего карбона. Ближайшие коренные выходы известняка с массой темного кремня находятся близ Усть-Пинеги и Орлецов, вверх по р. Двине в 100—125 км.

Отметим кстати, что на близких по времени беломорских стоянках человек пользовался кремнем из других месторождений.

Поделки из кости (рис. 17 и 18) оказались довольно хорошей сохранности: 1) долотцо или стамеска узкая с рукоятью; 2) обломок маленького орудия, возможно долотца, заточенного с двух сторон; 3) зашлифованное колющее орудие со следами заточки ножом; 4) часть рога

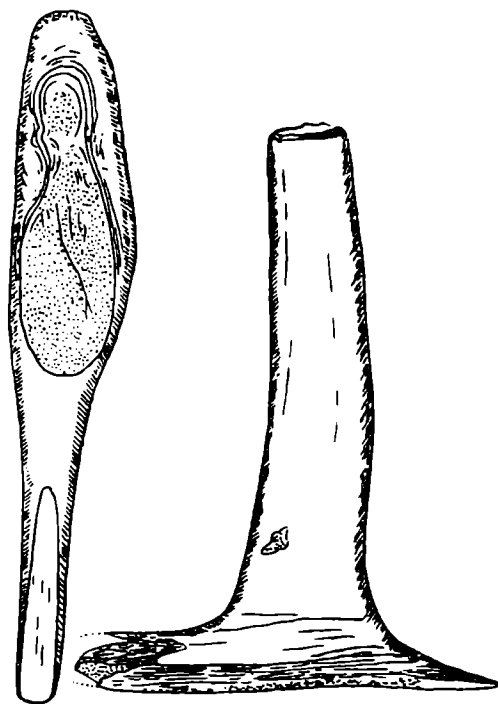

Рис. 17. Костяные изделия со стоянки на р. Кузнечихе

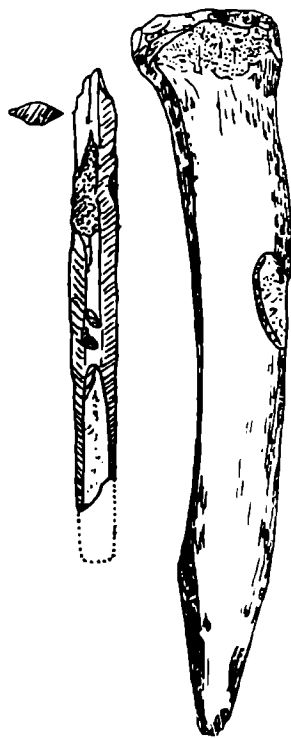

Рис. 18. Костяные изделия со стоянки на р. Кузнечихе.

северного оленя, отпиленная с обоих концов, может быть служившая проколкой; 5) рукоять какого-то орудия с ясными следами строгания ножом. Попадают кости со следами надпилов и зарубов. Мозговые кости крупных животных, как правило, разбиты человеком для извлечения костного мозга. Деревянная поделка найдена только одна, хотя дерево, как мы уже сказали, сохранилось здесь прекрасно. Это небольшая доска, обломок какого-то предмета, украшенная геометрическим орнаментом, исполненным красной краской (рис. 19). Доска из мелкослоистой ели; длина 27 см, наибольшая ширина 10.5 см, толщина в середине 2 см, по краям 1 см. С одной стороны дощечка гладко остругана, другая сторона несколько выпуклая, бока рубленые. Орнаментом покрыта гладкая сторона. В центре вписан ромб, разделенный на 9 ромбиков. Каждый из последних украшен поперечными линиями (14—15 линий) или точками (10 шт.). Фигура большого центрального ромба в узком конце доски соприкасается с небольшим ромбиком, украшенным поперечными линиями. К этому последнему примыкает с левой стороны ромбик с точками.

Оставшиеся свободными вправо и влево от центрального ромба края доски разработаны геометрическим рисунком в том же стиле. Узкий конец

и правая сторона доски обломаны, а равно и другой конец широкой части был сломан при извлечении доски из грунта южной стенки 1-го колодца.

Назначение предмета неясно (конец весла, валека?). Исключительное значение этой находки несомненно. До настоящего времени нам не были известны на неолитических стоянках находки подобных орнаментальных мотивов на дереве красками. Таким образом эта часть изобразительного искусства неолита раскрывается впервые.

В первом котловане были найдены два поплавка из бересты от какой-то рыболовной снасти сети или невода.

Древесных остатков очень много. Стволы деревьев, достигающие иногда толщины 20 см, ориентированы довольно беспорядочно. Чаще, однако, наблюдается направление с запада на восток (по течению р. Кузнечихи).

Трудно сказать — представляют ли деревья остатки каких-либо сооружений, или это материал для топлива, или, наконец, это плавник, т. е. случайно принесенные водою стволы. Некоторые из них с сучьями, другие без сучьев, последние сломаны или сглажены. Решить, срублены ли сучья человеком или сломаны окатаны водой — на вынутом материале нам не удалось. Также неясно, носят ли концы бревен следы какой-либо обработки.

Фрагменты керамики принадлежат не менее, чем 30 глиняным сосудам. Глиняная масса сосудов содержит очень много обломков раковин.

Форма сосудов круглодонная, прямостенная. Большинство сосудов в середине имеет толщину стенок 6—9 мм. Лишь у одного сосуда толщина стенок достигла 12 мм. Три фрагмента принадлежат тонкостенным сосудам (4—5 мм). Дно сосудов и венчик утолщены (до 14—15 мм); венчики отогнуты несколько внутрь, лишь в одном случае наружу (у тонкостенного сосуда; рис. 20).

Диаметр некоторых сосудов, судя по изогнутости венчиков, достигает 50 и более сантиметров.

Размер диаметра самых малых сосудов 15 см. Орнамент гребенчатый. Только на черепках двух сосудов имеются полоски ямок, чередующихся с полосками, выполненными гребенчатым штампом.¹ Штамп в большинстве случаев короткий, овальный. Полоски располагаются чаще всего в наклонном положении, иногда в елочку или горизонтально. Один сосуд был орнаментирован полосками ромбов, нанесенных мелкозубчатым штампом (рис. 21). Иногда орнаментальные полосы покрывают сосуд сплошь от краев до дна и самое днище, в других полосы отступают одна от другой на значительное расстояние. Верх венчика всегда орнаментирован. С внешней и внутренней стороны сосуды покрыты штрихами. На одном из черепков на внутренней стороне сделано стилизованное изображение лебедя,² весьма напоминающее подобные геометризованные изображения лебедей на скальных рисунках Онежского озера и Белого моря.³ Рисунок сделан коротким штампом, которым орнаментирована наружная стенка сосуда. Стилизованное изображение другого обломка сосуда неясно в виду небольших размеров черепка.

Ближайшие к Кузнечихе беломорские стоянки, в большей части своей относящиеся к концу неолита и началу бронзы, дают керамику, не схожую с данной.⁴

¹ Сов. археол., № 6, стр. 290, рис. 2.

Там же, рис. 3.

³ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Белого моря. Инст. антропол., археол. и этногр., т. X, М. — Л., 1938.

⁴ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. Тр. Инст. антроп., археол. и этногр., т. I, М. — Л., 1936, табл. 24 и др. — А. М. Линевский.

Рис. 20. Доска, покрытая геометрическим рисунком.

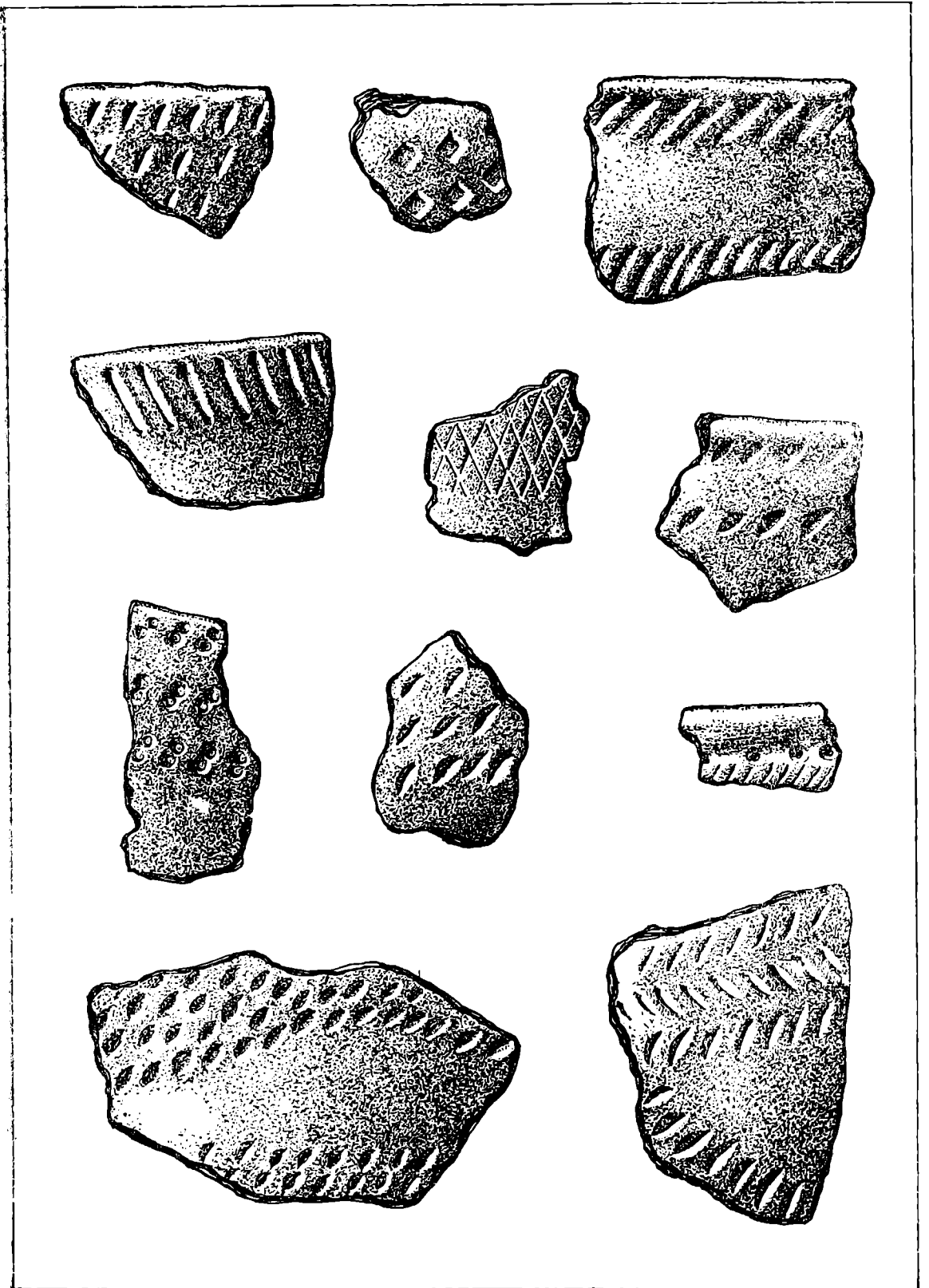

Рис. 21. Стоянка на р. Кузнечихе. Образцы керамики.

Следует отметить наличие на многих черепках с внутренней стороны толстого слоя нагара. Согласно анализу химика Ф. Г. Степанова, экстрагируемых эфиром веществ в пробе нагара оказалось 0.25%. Качественные исследования показали, что эфирная вытяжка состоит из жиров. Таким образом сосуды употреблялись для варки мясной или рыбной пищи.

Судя по характеру встреченного на стоянке у р. Кузнечихи археологического материала, возраст древнего поселения следует определить 2000—1200 гг. до н. э., поскольку встреченная здесь керамика может быть сопоставлена с концом II фазы развития гребенчатой керамики по схеме I. Ailio.

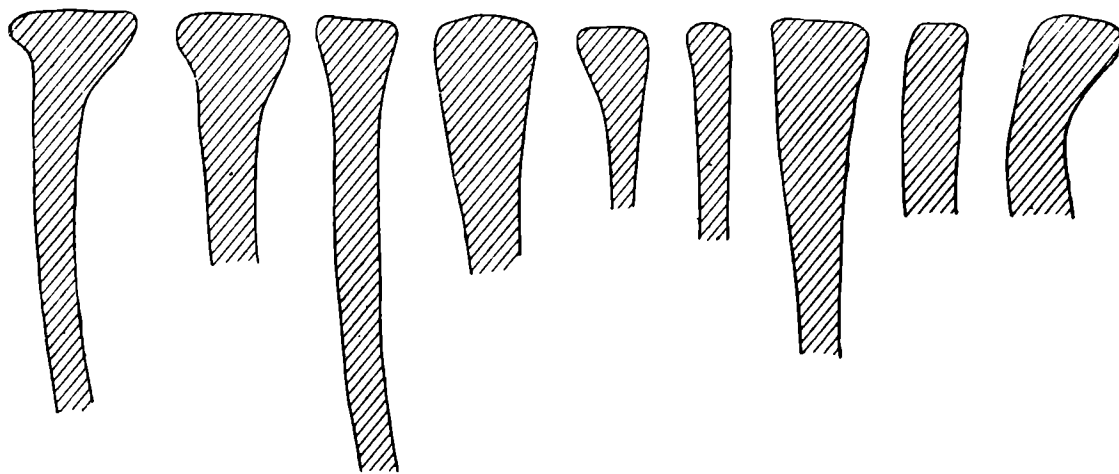

Рис. 20. Профили верхней части стенок сосудов (нат. вел.). Наружная сторона сосудов слева.

Приведенная датировка при переводе на геологическую шкалу послеледникового времени должна, в основных чертах, отвечать суббореальному периоду по Блитт-Сернандеру, что вполне отвечает результатам послойного пыльцевого анализа.

В. И. Смирнов

О ГЕОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ НА Р. КУЗНЕЧИХЕ В Г. АРХАНГЕЛЬСКЕ

Вопрос о геологическом возрасте неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой можно считать, в основных чертах, разрешенным на обильном материале северо-запада Европейской части СССР и восточной Финляндии. Значительно меньшим материалом мы располагаем по геологическим датировкам стоянок на пространстве к востоку от Карелии и Ленинградской области. Поэтому вполне очевиден тот выдающийся научный интерес, который представляет, с этой точки зрения, неолитическая стоянка, открытая В. И. Смирновым на берегу р. Кузнечихи в г. Архангельске, как обладающая исключительно благоприятными условиями для сохранения органических остатков и дающая воз-

Петроглифы Карелии, ч. I. Петрозав., 1939, табл. 40. — В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области. Сов. археол., № 4.

возможность точного установления геологической датировки на основании обильного палеонтологического материала.

В настоящей заметке приводятся основные результаты изучения пыльцы древесных пород, дающие возможность в сочетании со стратиграфическими данными подойти к разрешению задачи о геологическом возрасте стоянки на р. Кузнечихе.

Первые пробы на пыльцу, взятые из скважины № 1 и шурфа до глубины основания культурного слоя, проанализированные И. Покровской и А. Егоровой, дали не вполне ясную картину, как не охватывающие всего разреза; поэтому В. И. Смирновым по поручению Советской секции INQUA зимой 1939 г. была заложена новая скважина, расположенная в районе шурфа и опущенная на значительную глубину. Эта скважина была закончена в морене и охватила всю надморенную толщу. Во время бурения было произведено послойное взятие образцов через каждые 20 см. Определение пыльцы древесных пород, извлеченной по методу Гричука, было выполнено Г. Благовещенским.

Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске располагается в толще террасы. Культурный слой стоянки располагается приблизительно на уровне моря. Анализ диатомовых, произведенный Е. Шляпиной, показывает, что культурный слой и прикрывающие его слои, а также верхи подстилающих горизонтов содержат створки главным образом пресноводных диатомей, что свидетельствует об отложении указанных осадков в пресноводном водоеме. Детальные исследования, произведенные В. Филиппович на территории Архангельска, с полной убедительностью доказывают наличие в этом районе следов погружения, в результате которого подошва четвертичной толщи оказалась опущенной на глубину ниже ур. м. Очевидно это погружение происходило и на протяжении послеледникового времени, о чем свидетельствует залегание культурного слоя стоянки на уровне или даже несколько ниже уровня моря.

Присутствие почти исключительно пресноводных диатомей в толще послеледниковых слоев разреза стоянки, залегающих на уровне или даже ниже уровня моря, может быть объяснено лишь тем, что эти слои во время своего формирования залегали несколько выше и потому проникновение соленых вод на территорию стоянки было невозможно.

Это обстоятельство лишает нас возможности использовать в качестве маркирующего горизонта слои послеледниковой морской трансгрессии атлантического возраста (Tapes-Littorina) и соответствующие ей отметки волноприбойной линии, проводимой В. Филиппович на высоте около 6 м над ур. м.

Материалы разреза на р. Кузнечихе показывают, что послеледниковое погружение страны значительно осложнило картину, и вопрос о границе трансгрессии Тарез в районе Архангельска нуждается еще в дополнительном изучении. Таким образом, единственный путь к установлению геологического возраста стоянки должен быть связан с изучением пыльцевого спектра разреза.

Приводимые ниже данные базируются на изучении образцов из скважины № 1, шурфа и специальной скважины № 7, заложеной в конце 1939 г.

Пыльца древесных пород была встречена почти во всех горизонтах в достаточном для построения спектра количестве (рис. 22).

Здесь встречена пыльца сосны, кедра, ели, лиственницы, ольхи, березы, липы, дуба, граба, вяза, орешника и ивы.

Рассмотрение пыльцевой диаграммы позволяет наметить следующий ход кривых пыльцы отдельных пород.

Кривая пыльцы ели доминирует на всей пыльцевой диаграмме. Это обстоятельство является характерным для всех пыльцевых диаграмм послеледникового времени северо-востока Европейской части Союза. Кривая ее довольно заметно падает.

Кривая пыльцы сосны в общем представляется антагонистичной по отношению к кривой пыльцы ели. Количество пыльцы сосны не велико, если принять во внимание значительную пыльценосность этой древесной породы. Содержание пыльцы колеблется от 11 до 40%.

Кривая пыльцы кедра указывает на очень малый процент этой породы (до 12%), отмеченный преимущественно в верхней части диаграммы.

Кривая пыльцы березы прослеживается по всему разрезу, характеризуясь незначительным процентным содержанием. Некоторый подъем кривой отвечает минимуму пыльцы ели.

Кривая пыльцы ольхи дает явный подъем (до 13%).

Пыльца широколиственных пород (дуб, вяз, липа, орешник и др.) принимает очень незначительное участие в пыльцевом спектре, совпадая с подъемом кривой ольхи и березы и падением кривой пыльцы ели.

На основании указанных выше изменений в ходе кривых пыльцы отдельных древесных пород можно выделить на пыльцевой диаграмме разреза стоянки следующие стратиграфические горизонты. Самые нижние слои песков характеризуются преобладанием пыльцы ели, сосны и полным отсутствием

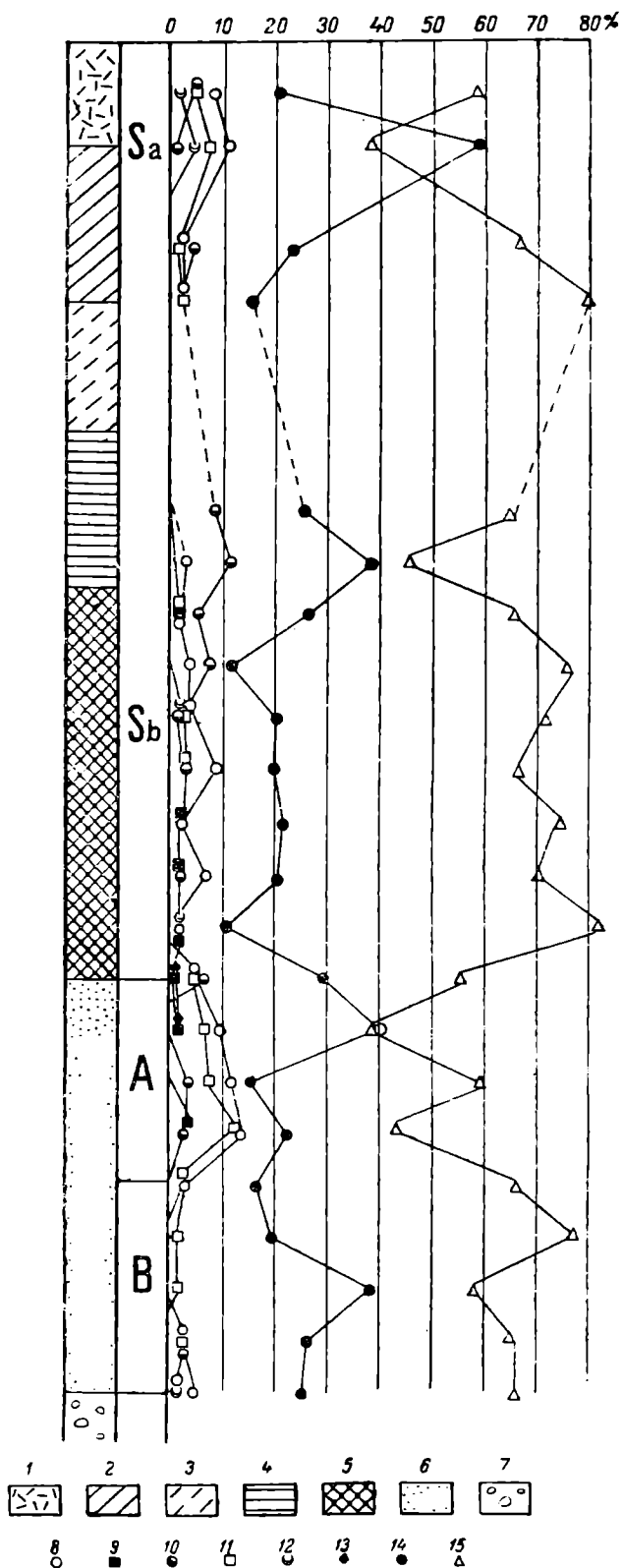

Рис. 22. Пыльцевая диаграмма разреза стоянки на р. Кузнечихе в Архангельске.

1 — торф; 2 — суглинок; 3 — супесь; 4 — глина; 5 — культурный слой; 6 — мелкий галечный песок (пльвун); 7 — морена; 8 — береза; 9 — смешанный дубовый лес; 10 — кедр; 11 — ольха; 12 — лиственница; 13 — орешник; 14 — сосна; 15 — ель.

широколиственных пород. Эти слои можно отнести к бореальному периоду по схеме Блитт-Сернандера. Вышележащий стратиграфический горизонт, совпадающий с подъемом кривой пыльцы березы, ольхи и широколиственных пород, а также падением кривой пыльцы ели, должен отвечать атлантическому периоду.

Слои, залегающие выше от поверхности, отвечающие культурному слою и прикрывающим его горизонтам, характеризуются падением кривой ольхи и широколиственных пород, а также верхним максимумом ели на глубине около 1.0 м от поверхности и должны быть отнесены к суббореальному и субатлантическому периодам.

Таким образом культурный слой располагается выше отложений атлантического возраста и, судя по характеру пыльцевого спектра, должен быть датирован суббореальным периодом. Присутствие небольшого количества пыльцы широколиственных пород в самых нижних горизонтах культурного слоя свидетельствует скорее всего о перемывании атлантических слоев в суббореальное время и обогащении их вторично перетолженной пылью из нижележащих горизонтов.

Таким образом геологическая датировка стоянки на р. Кузнечихе, совпадающая с суббореальным периодом, обнаруживает в этом отношении полную аналогию с неолитическими стоянками соседних территорий, обладающими схожим инвентарем.

В заключение остается сказать несколько слов об условиях накопления культурного слоя.

Судя по литологическому составу, мы имеем здесь дело с водным осадком, а значительная мощность культурного слоя свидетельствует о достаточно продолжительном времени его накопления. В то же время почти параллельный ход кривых отдельных древесных пород указывает на неизменность условий во время отложения культурного слоя и потому не позволяет удлинять этот промежуток чрезмерно.

В. И. Смирновым высказываются два предположения, в соответствии с которыми стоянку на р. Кузнечихе следует рассматривать либо как свайное поселение, либо в качестве временного стойбища, расположенного в условиях периодических затоплений речными разливами.

Несмотря на отличную сохранность дерева, на раскопанной площади стоянки не было сделано находок, хотя бы отдаленно напоминающих свайные сооружения, почему вторая версия представляется нам более правдоподобной. В таком случае стоянка на р. Кузнечихе представляет некоторую аналогию Вознесенской и Негежемской стоянкам на р. Свири, несколько осложненную вековым опусканием местности в последнеиковое время.

Б. Ф. Земляков и И. М. Покровская

СТОЯНКИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА НА Р. КОЛВЕ, КОЛВА-ВИС И САНДИБЕЙ-Ю В БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЕ

Попутно с геологическим исследованием в 1939 г. на р. Колве и ее притоках — Мандибей-ю и Колва-вис были найдены в большом количестве кремневые орудия, черепки глиняной посуды с орнаментом и несколько бронзовых, латунных и железных изделий.

Археологические остатки в Большеземельской тундре были обнаружены впервые Журавским¹ в 1905 г. в двух пунктах на р. Колве: первое место у устья Сандибей-ю и второе несколько ниже устья р. Ной-ю. Сделанные им находки не были описаны и никем не изучались и к настоящему времени они, повидимому, потеряны.

Археологический материал, собранный автором в исследованном районе и обнаруженный в 28 местах не только на эоловых песках, но извлеченный из культурного слоя, должен привлечь внимание археологов (рис. 23).

На первых пяти стоянках, которые были обнаружены в среднем течении р. Сандибей-ю, были собраны на яреях² лишь одни кремневые орудия, представленные, главным образом, ножевидными пластинками, которых было собрано более 500 штук. Среди них большое количество встречалось с обломанными концами. На некоторых стоянках были найдены ножевидные пластинки, имеющие мелкую ретушь по краю (рис. 24, 1). В коллекции есть пластинки, на длинном остром крае которых имеются выемки. Эти пластинки, как думает ряд исследователей, использовались для заострения костяных и деревянных изделий. Было найдено несколько штук проколов, сделанных также из ножевидных пластинок; они имеют на одном конце тонкую ретушь (рис. 25, 3). Более толстые пластинки использовались для изготовления скребков, имеющих, повидимому, различное назначение. Одни скребки предназначались для мелких работ (рис. 24, 4), другие, более крупные, скребки (рис. 24, 5) — для выделки звериных шкур. Они имеют длинный прямой рабочий край, обработанный мелкой ретушью.

На некоторых стоянках было найдено несколько штук наконечников для стрел, сделанных из ножевидных пластинок (рис. 24, 6). Кроме ножевидных пластинок и сделанных из них разного рода орудий были найдены нуклеусы (рис. 24, 7) и отбойник, несущий следы ударов с трех сторон (рис. 24, 10).

В нижнем течении р. Сандибей-ю были обнаружены еще 3 стоянки, на которых собраны кремневые орудия и черепки глиняной посуды; 2 стоянки на р. Колве, одна несколько выше Сандибей-ю, другая выше устья Колва-вис; остальные 18 стоянок находятся на р. Колва-вис, причем одни из них, в количестве 10, расположены в нижнем течении, другие, в количестве 8, в верхнем течении и преимущественно вблизи озера Колва-ты.

Из собранного со всех стоянок кремневого материала первое место занимают наконечники стрел (70 шт.) и скребки (27 шт.). Мы видим, что большое количество скребков сделано не только из ножевидных пластинок. Среди них можно выделить четыре типа скребков: концевые с округлым рабочим краем (рис. 24, 8), концевые с почти прямым рабочим краем (рис. 24, 9). Третий тип — двойные скребки (рис. 24, 10). Последний тип скребков имеет зубец посередине рабочего края, назначение которого неизвестно (рис. 24, 11). Скребки, кроме того, можно подразделить на два типа по характеру обработки рабочего края. Одни из них несут крутую ретушь на рабочем крае и были предназначены для работы, повидимому, по дереву, другие с более пологой ретушью являются менее прочными при работе по твердому материалу и были использованы, повидимому, в других целях.

¹ А. В. Журавский. Северо-Печорская экспедиция. Изв. Археол. общ. изуч. русск. Севера, № 9, 1906. — Он же. Центральные меридианы Большеземельской тундры. Изв. Русск. геогр. общ., IX, вып. 1, 1910.

² Ярей на местном языке означает котловины выдувания.

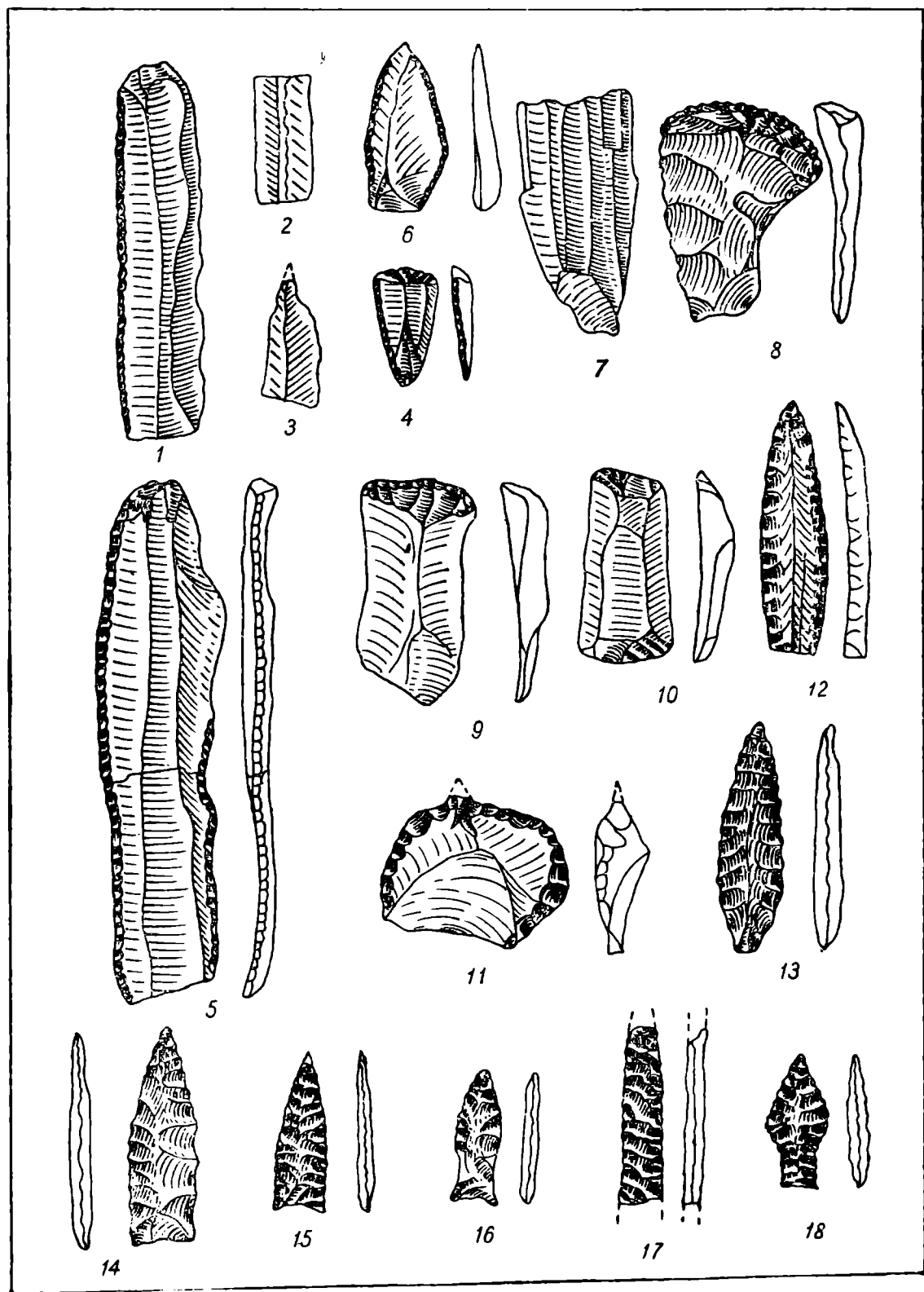

Рис. 24. Кремневые изделия из стоянок в Большеземельской тундре.

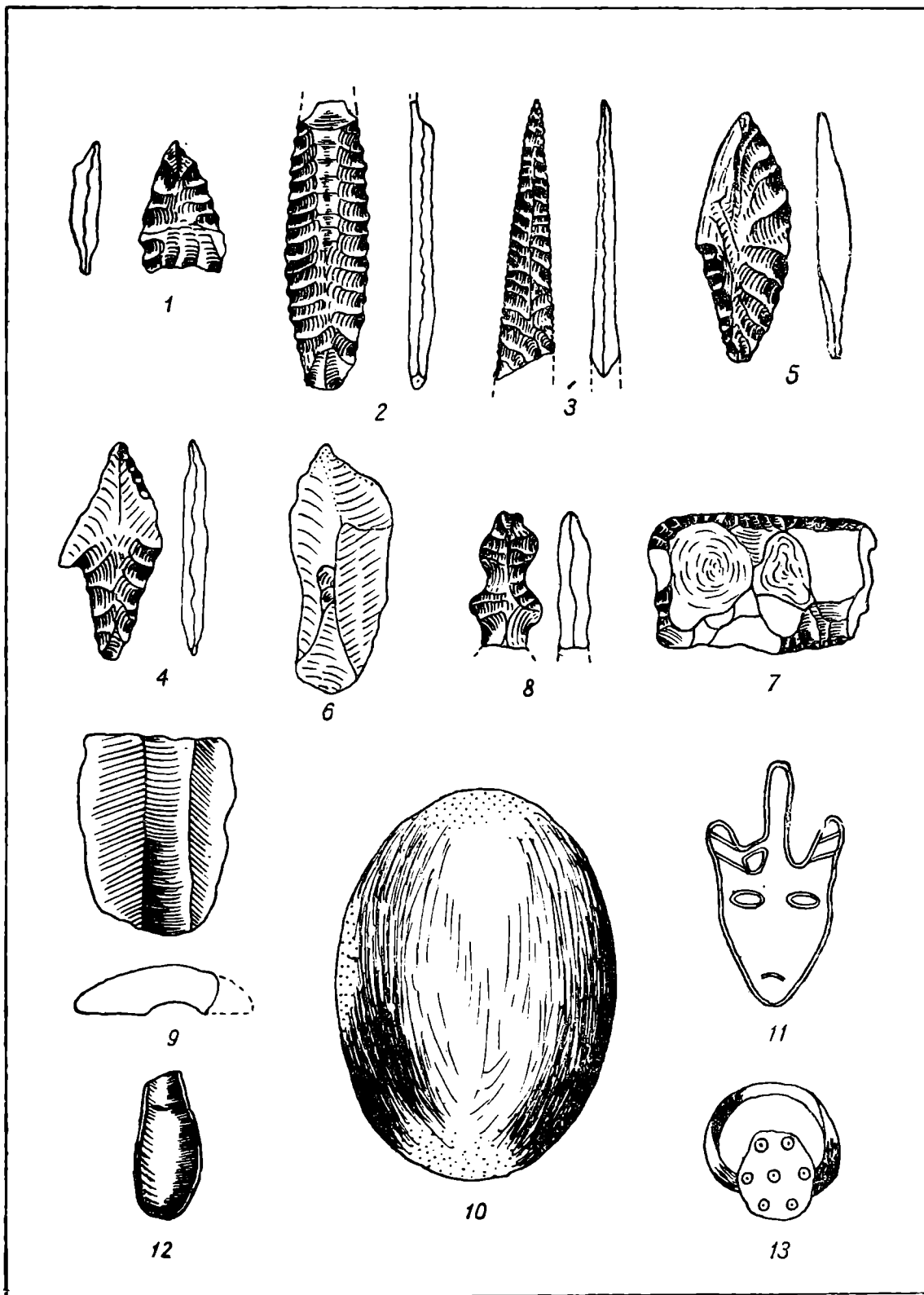

Рис. 25. Кремневые и металлические изделия из стоянок в Большеземельской тундре.

Из собранных 70 шт. наконечников стрел можно было выделить несколько типов. Кроме наконечников из ножевидных пластинок листо-видной формы (рис. 24, 12), имеются наконечники той же формы с закругленной, довольно острой тыловой частью (рис. 24, 13). Другой тип — близкий к нему, у которого тыловая часть слегка закругленная. Третьим типом, наиболее часто встречающимся, являются наконечники с совершенно тупым тылом (рис. 24, 14). Близкими к ним являются наконечники, у которых в тыловой части имеется неглубокая выемка (рис. 24, 15). Один из обломков наконечников непохож на предыдущие типы своими параллельными ребрами (рис. 24, 17). Один наконечник был найден с насадом, имеющим тупое тыло (рис. 24, 18). Некоторые наконечники имеют почти треугольную форму с довольно глубокой выемкой в тыле (рис. 25, 1), другие — овальной формы. Большинство наконечников хорошо обработаны мелкой отжимной ретушью и имеют закругленные мелкие зубцы по краям, это так наз. наконечники с пильчатыми краями (рис. 25, 2). Один из наконечников, хорошо обработанный, имеет очень мелкие острые зубцы по краям (рис. 25, 3). В поперечном разрезе этот наконечник дает вытянутый овал, а наконечники с пильчатыми краями — ромб. Один наконечник имеет сбоку большой шип (рис. 25, 4). Кроме вышеприведенных наконечников, было собрано несколько кремневых заготовок для наконечников стрел. Среди других кремневых изделий были найдены: один маленький отжимник, имеющий обтертые ребра на одном конце (рис. 25, 6), один вкладыш (рис. 25, 7) и один обломок человеческой фигурки (рис. 25, 8). Из каменного материала были найдены точила; одно из них имеет вид продолговатого круглого бруска из серого песчаника, на одной стороне которого сделана ложбинка, служившая для обтачивания круглых поделок. Другой брусок серого песчаника сделан из плоской плитки, имеющей овальную форму. Из подобного песчаника был сделан найденный обломок от формочки, в которую выливался металл (рис. 25, 9). При исследовании формочки спектральным анализом выяснилось, что в ней имеются следы линии Cu, Ni и Sn.

Из металлических изделий был найден на стоянке 1 амулет (рис. 25, 11), на стоянке 8 фигурка в виде слитка (рис. 25, 12), а на стоянке 25 два кусочка металла. Два одинаковой формы кольца (рис. 25, 13), один детский наперсток и стеклянные бусы желтого, голубого и зеленого цвета были найдены в стороне от черепков глиняной посуды на стоянке 23.

Данные спектрального анализа показали, что все наши металлические находки являются бронзовыми, за исключением колец и, видимо, наперстка, которые оказались латунными. Присутствие линий мышьяка указывает на то, что плавка металла велась не при высокой температуре. Почти во всех металлических вещах оказались золото и серебро, а также и никель.

Из костей собрано лишь несколько оленьих косточек, при этом многие из них обожжены, несколько зубов молодого оленя и один зуб грызуна.

На большинстве наших стоянок собрано около 1500 шт. фрагментов глиняной посуды, из них 350 с орнаментом, принадлежащим не менее 112 сосудам.

По орнаменту все наши черепки подразделяются на четыре типа. Одни сосуды имеют лишь один ямочный орнамент (рис. 26, 1). С таким орнаментом черепки от трех сосудов были встречены в культурном слое стоянки 27.

Большое количество сосудов оказалось с ямочно-ребенчатым орнаментом. Наиболее частыми являются сосуды с преобладанием ребенчатого орнамента над ямочным. Орнамент покрывает не только верхнюю часть сосудов, но и бока сосудов; возможно, орнаментировалось также и дно. Кроме этого, были найдены черепки с более сложным ямочно-ребенчатым орнаментом. На этих сосудах орнамент более тщательно выполнен, чем на других. На отдельных фрагментах сосудов, кроме ямочно-ребенчатого орнамента, имеется добавочный ногтевой орнамент, который наносился на венчике сосудов ниже ямочного орнамента. Иногда находились черепки глиняной посуды в одном месте от одного сосуда, что позволило восстановить форму некоторых сосудов.

Наиболее частыми являются сосуды с прямыми стенками и с круглым дном, а также сосуды с выпуклыми стенками и с круглым дном. При этом можно отметить, что все сосуды, имеющие сложный ямочно-ребенчатый орнамент, и сосуды с ямочно-ребенчато-ногтевым орнаментом имеют выпуклые стенки. Сосуды с простым ребенчато-ямочным и ямочным орнаментом имеют обычно стенки прямые. Кроме этих двух форм сосудов, можно отметить, что некоторые сосуды с прямыми боками были неглубокими и не служили, повидимому, для варки пищи. У большинства сосудов с глубоким дном на внутренней стороне сохранился нагар от пищи.

Все вышеописанные сосуды делались из озерной глины, в которую добавлялся либо речной грубозернистый песок, а иногда мелко раздробленные валуны или кварц. В некоторых черепках можно было наблюдать примесь белой слюды.

На внутренней стороне сосудов, а иногда на внешней, видны царапины, следы сглаживания поверхности пучками травы. На бугорках, образовавшихся при вдавливании ямочного орнамента, в ряде случаев сохранились следы отпечатков пальцев.

Огромное количество кремневых орудий и осколков кремня, найденных на обширных яреях стоянки 1, свидетельствует о том, что здесь производилась выделка кремневых орудий и поселение существовало длительный промежуток времени.

Стоянка 2, на которой, кроме кремневых осколков со следами явных искусственных сколов, ничего найдено не было, говорит о том, что в данном месте если и не существовала стоянка, то во всяком случае здесь производилась кратковременная обработка кремня.

Повидимому, стоянки 3, 4 и 5 тоже не были постоянными поселениями человека, а являлись лишь местами временных, возможно непродолжительных, остановок.

Стоянки 6, 7 и 8 не вызывают никакого сомнения относительно длительности их существования. На стоянках собрано много черепков глиняной посуды и встречено несколько очагов из обожженных валунов. То же самое можно сказать и о стоянках 11, 12, 13, 14, 15 и 16. Стоянки 17, 18, 19 и 20 являлись скорее всего местом временного посещения их человеком. Последние восемь стоянок, на которых собрано большое количество черепков глиняной посуды и кремневых орудий, за исключением, может быть, 22-й и 24-й, не были местами постоянного жительства.

Расположение стоянок вблизи достаточно крупных водоемов не является случайным. Озера и реки были местами, где первобытный человек добывал немалое количество рыбы.

Важно отметить то обстоятельство, что все стоянки на р. Колве-вис расположены только на одном правом берегу, однако этому явлению

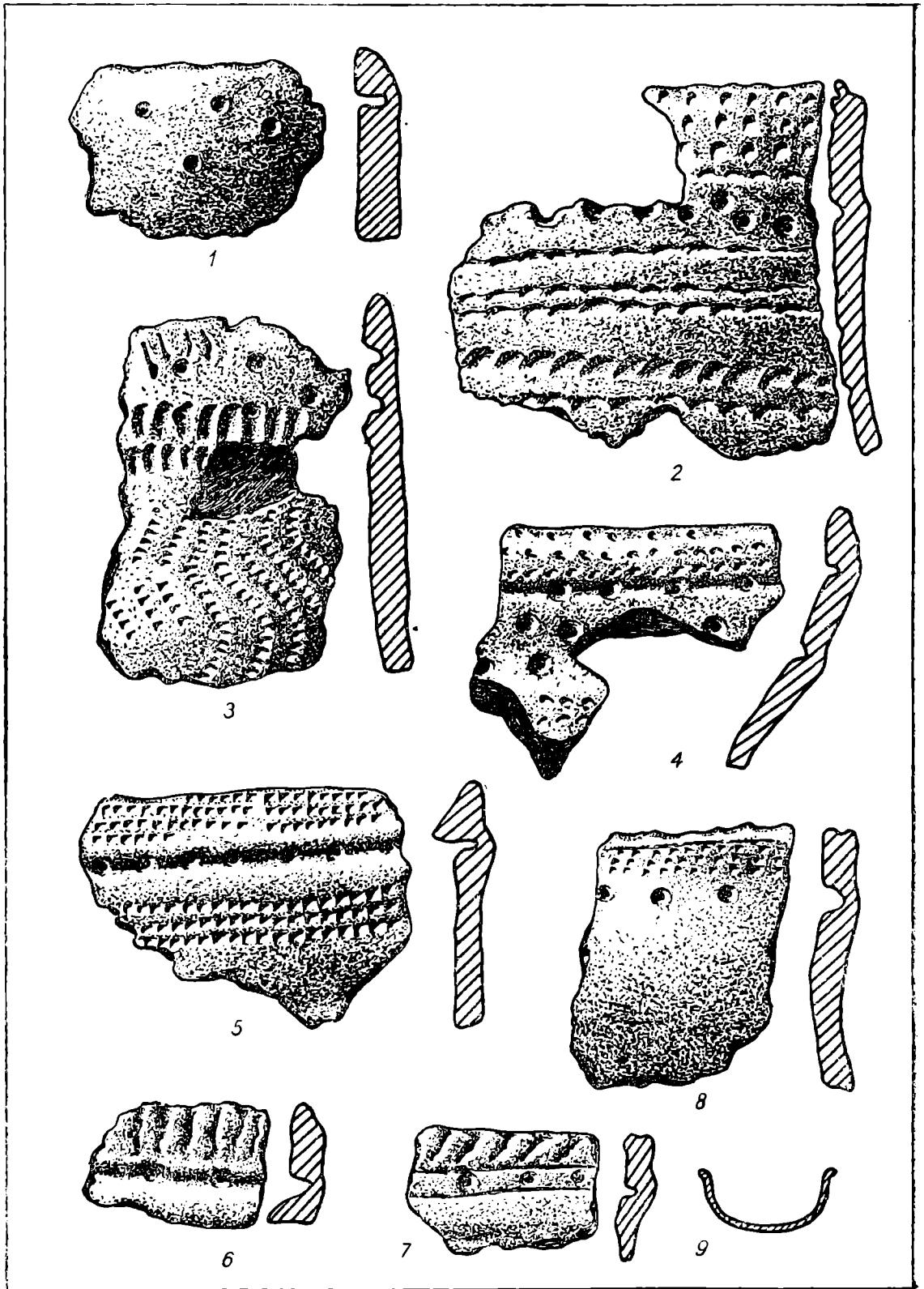

Рис. 26. Фрагменты сосудов из стоянок в Большеземельской тундре.

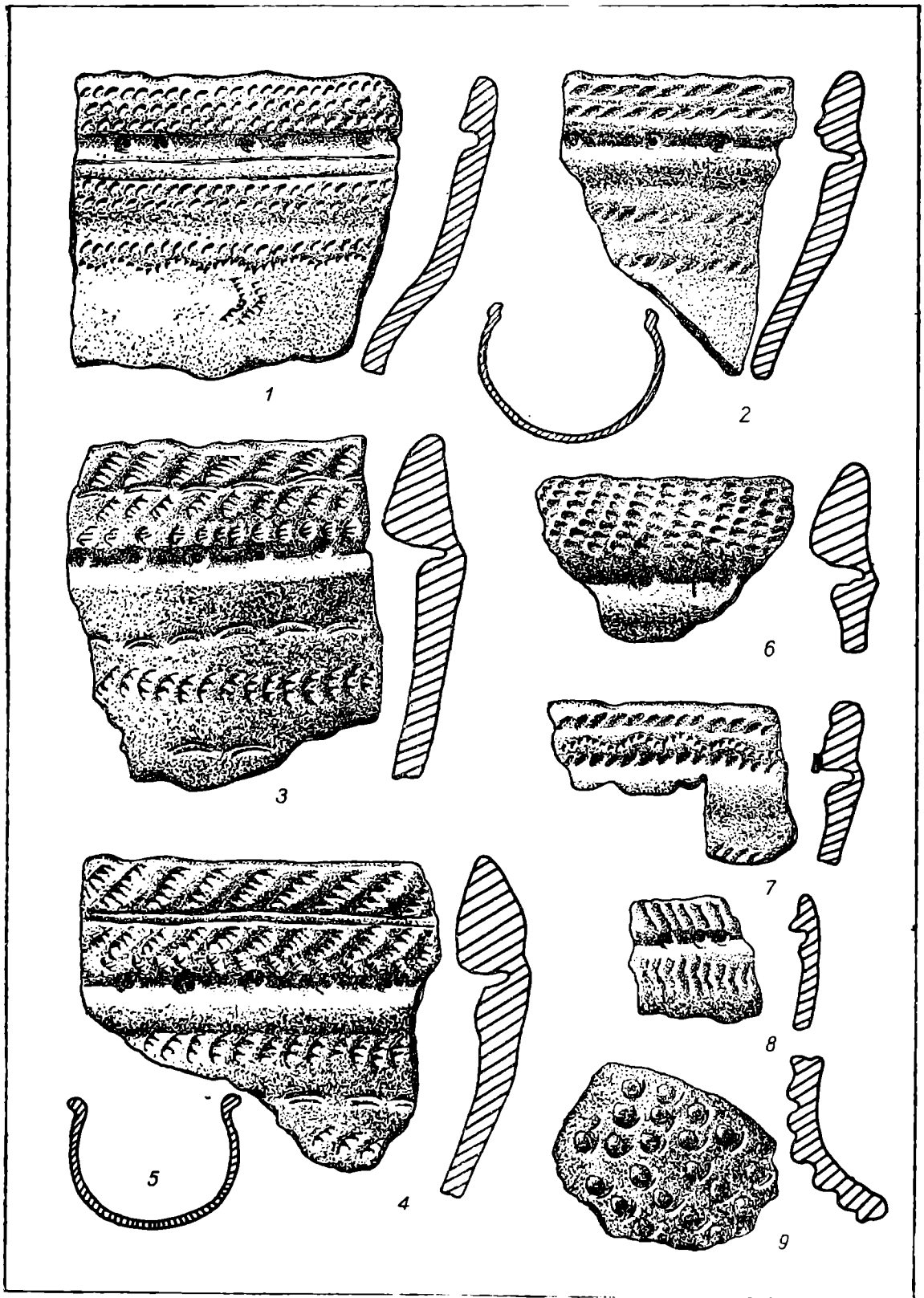

Рис. 27. Фрагменты сосудов из стоянок в Большеземельской тундре.

дать объяснение пока трудно. Кроме рыболовства, несомненно уделялось большое внимание и охоте. Судя по тем кремневым орудиям, найденным в большинстве стоянок, которые представлены почти исключительно наконечниками стрел и скребками, охота была развита хорошо и стояла не на последнем месте. Кремень, которым пользовались люди, — валунный, плохого качества, однако в виду недостатка его он расходовался весьма экономно.

Сравнивая наши кремневые орудия с орудиями стоянок Беломорского побережья, которые являются наиболее изученными в северном крае, мы находим между ними большое сходство.

Приведенные в работе В. И. Смирновым¹ типы наконечников металлических орудий, встречающихся на стоянках Беломорского побережья, оказались и у нас. Это сходство проявляется не только в формах, но и в технике обработки.

В нашей коллекции имеется несколько наконечников новых типов, не встречающихся на Беломорских стоянках (рис. 25, 4, 5 и др.). Обломок человеческой фигурки, изображенный на рис. 25, 11, также похож на фигурку человека, найденную на одной из Беломорских стоянок.

На беломорских стоянках керамика отражает четыре фазы развития северного неолита.

Керамика из наших стоянок имеет некоторые аналогии с беломорской, причем большинство сосудов имеет орнамент, весьма близкий к орнаменту второй и третьей фаз развития керамики Беломорского побережья.

Некоторое сходство мы находим в керамике стоянок в бассейнах Северной Сосвы и Конды,² расположенных в 300—400 км к востоку от наших стоянок.

Культурный слой нашей стоянки 27, залегающей под подзолистой почвой, не является ископаемым подзолом. Это обстоятельство не противоречит данным Ливеровского,³ который говорит, „что расселение человека вероятно произошло в тот период, когда подзолистые почвы только что начали погребаться эоловыми песками“. Найденные археологические находки в Малоземельской тундре под погребенным подзолом относятся к началу бронзового века.

Пыльцевой анализ, который был произведен из трех горизонтов нашего культурного слоя, подтверждает, что он не является лесным подзолом, где главным образом пыльца представлена травяная и спор.

Если археологические находки, извлеченные из культурного слоя стоянки 27, отвечают по возрасту находкам Малоземельской тундры, относящимся к началу бронзового века, то мы можем сказать с уверенностью, что черепки глиняной посуды с ямочно-гребенчато-ногтевым орнаментом и сосуды, имеющие более высокую обработку, чем извлеченные из культурного слоя, должны безусловно отвечать несколько позднему времени. Пять первых стоянок, на которых вообще не найдено черепков глиняной посуды, должны относиться к более раннему времени и, может быть, к концу каменного века.

Отсутствие черепков глиняной посуды и наконечников от стрел на этих стоянках нельзя рассматривать как явление случайное.

¹ В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников Беломорского побережья северной области. Сов. археол., № 4.

² С. Г. Боч. Стоянки в бассейнах Северной Сосвы и Конды. Тр. Комиссии по изуч. четверт. периода, вып. 5, 1937.

³ Ю. А. Ливеровский. Геоморфология и четвертичные отложения северных частей Печорского бассейна. Тр. Геоморфол. инст., вып. 7, Акад. Наук, Лгр., 1933.

Нахождение бронзового амулета на стоянке 1 может быть случайным. В отношении других металлических изделий — латунных колец, наперстка и железных остатков — можно сказать, что данные находки, конечно, ни в какой мере не принадлежат ни к одной из наших стоянок, а относятся к значительно позднему времени.

Г. А. Чернов

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В РАЙОНЕ Г. КЕМИ

Между устьем р. Северный Выг (с. Выгостров) и г. Кандалакшей неолитические стоянки до 1937 г. были неизвестны. Указания на единичные находки нескольких фрагментов керамики (подъемный материал) у г. Кемпи приводились И. В. Даниловским. Летом 1937 г. я обнаружил *in situ* первые три неолитические стоянки у г. Кемпи, в 8—10 км от Белого моря. Стоянки встречены мною по левому берегу р. Кемпи у Кемско-Ухтинского тракта в следующих расстояниях от его начала: стоянка 1 в 3.1—3.2 км, стоянка 2 в 3.4—3.5 км и стоянка 3 в 4.25—4.40 км. Все три стоянки расположены на довольно обширной террасе, с абс. отметками в 17—18.5 м. Терраса выработана в морене и лишь местами на ней встречаются пятна сортированных песков.

Культурный горизонт залегает под почвенным слоем и представлен разнозернистым песком, цвета от желтовато-красного до оранжевого и меняющейся мощности.

В культурном горизонте найдены: а) много битого кварца с острыми режущими краями, иногда со следами обработки (скребки, пластинки); б) небольшие куски серого камня и кремневые ножевидные пластинки; в) кусочки костей мелких животных; г) обломки створки раковины (напоминает *Astarte compressa* L., *Astarte elliptica* Brown); д) значительное количество фрагментов керамики с орнаментом.

Керамика изготовлена без гончарного круга. Во всех трех стоянках она представлена обломками тонкостенных сосудов. Толщина черепков колеблется от 4 до 10 мм, с преобладающей величиной в 4—6 мм. В качестве дополнителя применялись слюда и немного крупного кварцевого песка. Обжиг часто несовершенный: разница в окраске поверхностных и внутренних частей сосудов очень резкая. На внутренних стенках сосудов встречается штриховка в разных направлениях.

Орнамент керамики — мелкозубчатая гребенчатая насечка, расположенная параллельными рядами с расстоянием между ними в 5—7 мм; реже встречаются косая насечка или параллельные ряды из прямоугольных вдавлений. Ямочный орнамент отсутствует совершенно.

Судя по технике изготовления и орнаменту, керамика кемских стоянок относится к III фазе развития гребенчатой керамики по Айлио. Это соответствует 1600—1900 гг. до н. э., четвертому периоду Монтелиуса и времени развития арктического неолита на севере Фенноскандии, т. е. времени трансгрессии Trivia по В. Таннеру.

На основании первых сделанных находок я пришел к выводу, что выработанная в морене и частично аккумулятивная терраса в долине р. Кемпи с абс. отметками абразионной линии в 17—18.5 м, на которой расположены стоянки III фазы, сформировалась во время трансгрессии Trivia.¹ Исходя из этого уровня как стратиграфической координаты, по

¹ Г. И. Горещкий. Новые неолитические стоянки у г. Кемпи, в Карелии. Природа, № 12, 1937, стр. 103.

эпейрогеническому спектру Таннера можно определить, что терраса трансгрессии *Tapes*, отвечающая литориновой террасе Прибалтики, должна находиться в районе Кеми на абс. отметках в 27.5—28.0 м. Прекрасно выраженная обширная терраса с отметками абразионной линии в 27.5 м действительно и была обнаружена в долине р. Кеми на 5-м—6-м км Кемско-Ухтинского тракта. Это должна была быть терраса *Tapes*; к ней обычно приурочиваются, как можно судить по другим районам Советской Карелии, Ленобласти,¹ Мурманской области² и Финляндии, неолитические стоянки II фазы развития гребенчатого орнамента. Но ни палеонтологических данных, ни археологических находок, устанавливающих возраст этой террасы, в то время не имелось. Позже был собран материал, подтвердивший вывод, построенный на эпейрогеническом спектре Таннера.

Между р. Кемь и Кемско-Ухтинским трактом, против 7.3—7.4 км тракта, мною была обнаружена неолитическая стоянка 4. Тогда же против 7.9 км тракта была найдена неолитическая стоянка 5. Обе стоянки расположены на террасе с волноприбойной линией на 27 м, прорезаемой р. Кемь. Культурный слой местами обнажается прямо в верхней части обрывистого берега Кеми.

В обеих стоянках над культурным горизонтом залегает сильно задернованный слой почвы. Мощность культурного горизонта довольно значительная. Культурный слой сложен сортированными песками яркочерного и оранжевого цвета.

В культурном слое обеих стоянок обнаружено много фрагментов керамики. По обилию керамики эти стоянки, особенно стоянка 4, напоминают богатые керамикой неолитические стоянки Вой-Наволока у Повенца. Вместе с керамикой были найдены отдельные мелкие угольки, мелкие полураздробленные кусочки костей (грызунов и птиц), много кварцевых пластинок и осколков. Поделки из серого и желтого кремня встречались исключительно редко.

Вся керамика, собранная на стоянках, толстостенная, с преобладающей толщиной в 8—10 мм; орнамент ямочно-гребенчатый, обжиг довольно хороший; в качестве примеси пользовались грубым и крупным песком. По характеру орнамента и технике изготовления керамика обеих стоянок относится ко II фазе развития гребенчатого орнамента.

Отдельные пятна культурного горизонта встречались на всем протяжении от 6.5 до 8.2 км Кемско-Ухтинского тракта, главным образом прямо по берегу р. Кеми, сначала на террасе с абразионной линией в 27 м, а выше по реке и на террасе с отметками плато в 32—33 м.

Обширная терраса, на которой обнаружены неолитические стоянки 4 и 5, сложена в прилегающих к р. Кеми частях сортированными песками, а в частях террасы, удаленных от реки, за Кемско-Ухтинским трактом, — глинами. Глины залегают иногда прямо на кристаллических породах, а чаще на флювиогляциальных песках, выходящих ближе к реке, против 7.8 км тракта, непосредственно на поверхность.

Наиболее выровненная часть террасы со стоянками 4 и 5 имеет поперечный уклон в 0.0075. Волноприбойная линия террасы хорошо выражена у подножия больших песчаных и песчано-галечных флювиогляциальных холмов; она лежит на абс. высоте в 27—27.5 м.

¹ Б. Ф. Земляков. Исследования по каменному веку на побережье Арктического океана. Тр. Сов. секции INQUA, вып. III, Лгр., 1937. — Он же. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера и Белого моря, т. I, Лгр., 1937.

² Г. И. Горещкий. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка. Тр. Сов. секции INQUA, вып. III, 1937.

Выше располагается еще одна ступень с абразионной линией в 33.5—34.0 м.

Терраса со стоянками абрадирована в флювиогляциальных песках и иольдиевых глинах. И только ближе к волноприбойной линии на иольдиевых глинах залегают глины литориновые, аккумулярованные одновременно с образованием террасы. Литориновые глины отделяются от иольдиевых прослоем среднезернистых песков.

Мощность литориновых глин невелика; кое-где литориновые глины залегают прямо на иольдиевых, без маркирующего горизонта.

Среди ископаемых диатомовых водорослей в литориновых глинах найдено 10% морских форм, 12% солоноводных, 5% эвригаллиных, 31% пресноводно-солоноводных и 42% пресноводных. Такой состав диатомовой флоры резко отличает литориновые глины от нижележащих иольдиевых глин, в которых среди диатомовых водорослей преобладают группы пресноводно-солоноводных и пресноводных форм (большая опресненность бассейна). В литориновом бассейне района Кеми морская форма *Melosira f. radiata* Gr. имеет высокое количественное развитие (sh), тогда как в иольдиевых отложениях морские и солоноводные формы имеют очень редкую частоту встречаемости (ss).

Еще большая разница между иольдиевыми и литориновыми глинами устанавливается анализом ископаемой пыльцы древесных пород. В иольдиевых глинах преобладает пыльца ели (48.3—66.6%); пыльца сосны занимает подчиненное положение (18.7—39.3%); береза имеет значительное развитие (9.3—14.7%); присутствует пыльца ивы (3.1%) и кедра (3.1%), — климат был холодный и влажный.

Среди пыльцы в литориновых глинах резко преобладает пыльца сосны — 83%, содержание пыльцы ели падает до 7.5%; уменьшается количество пыльцы березы до 6.5%; присутствует ольха — 2.5%, появляется пыльца орешника — 5.5%; это — климат литоринового оптимума, явно теплый.

Отнесение формирования террасы с неолитическими стоянками 4 и 5 к литориновому времени Балтики подтверждается и палеонтологическими данными встречающихся на этой террасе торфяников. В основании этих маломощных торфяников прекрасно развит горизонт вертикально стоящих пней, указывающий, что начало образования торфяников совпадает с сухим ксеротермическим периодом, когда жизнь болот была прервана и на их месте стала развиваться лесная растительность.

Пыльцевой спектр торфяников также указывает на суббореальный период: устанавливаются сильное преобладание сосны, значительное развитие ольхи (до 8.0%), орешника (9.5%); появляются такие широколиственные породы, как дуб (0.8%) и вяз (2.5%).

Таким образом палеонтологические и археологические данные и положение в эпейрогеническом спектре согласно определяют возраст Кемской террасы, на которой располагаются неолитические стоянки 4 и 5, как литориновый, синхроничный морской трансгрессии *Tapes* на севере Фенноскандии (ярус *c*). Отложения этого времени прослеживаются по юго-восточному побережью Белого моря до отметок 18—20 м,¹ в нижнем течении р. Кеми до отметок 27 м. Совершенно очевидно, что здесь поселения человека относятся к значительно более поздней поре, когда морские воды отступили и освободили от воды поверхность сформированной террасы.

¹ Б. Ф. Земляков. Четвертичные отложения Карельской АССР. Тр. Сов. секции INQUA, вып. IV, 1939, стр. 56.

Над литориновой террасой и вышележащей террасой яруса с (волноприбойная линия на 33.5 м) на расстоянии от 7.9 до 8.2 км Кемско-Ухтинского тракта тянется еще более высокая терраса, выработанная во флювиогляциальных отложениях (отметки плато около 38—40 м). На этой террасе встречается много битого кварца, кварцевых скребков и пластинок со следами обработки; изредка попадаются грубые кремневые поделки. Культурный слой или отсутствует или обнаруживается неясно выраженными небольшими пятнами; керамика нет. Это или бескерамические стоянки мезолита (быть может так наз. арктический палеолит?) или месторасположение „мастерских“ обитателей стоянок более низких террас.¹

Г. И. Горецкий

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В КАРЕЛО-ФИНСКУЮ ССР в 1940 г.

В 1940 г., по примеру прошлых лет, в Карело-Финской ССР на средства Карельского научно-исследовательского института культуры и Карельского Государственного музея совместно с ИИМК проводились археологические исследования, ставившие себе целью наиболее полное изучение территории республики.

Исходя из этого, основной задачей экспедиции явилось продолжение исследований ранее открытых поселений на территории Медвежьегорского района и проведение археологических разведок в тех районах Карелии, которые в этом отношении оставались до сего времени совершенно не изученными. Такими районами явились, прежде всего, Кемский и отчасти Олонецкий, в пределах которых не было известно почти ни одного памятника, относящегося ко времени неолита или раннего металла.²

Наибольший интерес при исследовании Кемского района представляла р. Кемь, многоводная и порожистая, соединяющая Белое море с внутренней частью страны, а через посредство финских рек и с Балтийским морем.

Здесь в результате кратких разведок были обнаружены три стоянки, расположенные на левом берегу р. Кеми. Две из них содержат значительное количество обработанного кварца и кремня. Отсутствие на этих стоянках керамики и геологические данные заставляют относить их ко времени „арктического палеолита“.

Третья стоянка носила несколько иной характер. На ряду с кремневыми орудиями в виде ретушированных ножевидных пластинок и скребков, а также орудий из кварцита, было встречено значительное количество тонкостенной керамики с примесью асбеста, орнаментированной косыми, мелкими отпечатками гребенки. Общий характер инвентаря,

¹ Обнаруженные Г. И. Горецким в окрестностях г. Кеми бескерамические стоянки, расположенные выше волноприбойной линии Тарез на отметках около 38—40 м, представляют значительную близость с находками Б. Ф. Землякова в районе Медвежьегорска, Колы, Озерка, Цып-наволока, Эйпа-губы и др., сделанными в тех же геологических условиях и относящими на основании анализа встреченных типов орудий к мезолитическим памятникам времени моря Pholas в бассейне Арктического океана. (Ред.)

² Указание о наличии неолитических стоянок вблизи г. Кеми было сделано Г. И. Горецким в „Природе“ (№ 12, 1937); В. И. Равдоникасом при раскопках курганов в Олонецком районе были обнаружены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

и в особенности керамики, позволяет датировать ее, повидимому, временем не ранее конца эпохи бронзы.

Разведка в Олонецком районе ограничилась осмотром берега р. Олонки на территории Туксинского сельсовета близ колхоза Искра, где, по полученным нами сведениям, при мелиоративных работах были найдены каменные орудия.

Как удалось выяснить, находки были обнаружены в мощном слое торфа, залегающем здесь между слоями глины. Это были шлифованные крупные орудия, близкие по материалу и форме к орудиям, встречающимся на территории Финляндии. Кость и керамика отсутствовали. Разведка на этом участке ограничилась зачисткой стенок канав и изучением обнаженного культурного слоя.

На территории того же колхоза была открыта нами еще одна очень богатая неолитическая стоянка, по характеру своего инвентаря типичная для Карелии. Она дала значительное количество толстостенной, остродонной керамики, орнаментированной крупными коническими ямками, изредка дополненными гребенкой, в виде горизонтальных или косых линий. Из орудий найдены крупные сланцевые, шлифованные кирки карельского типа. Характер инвентаря в целом позволяет относить эту стоянку ко времени раннего неолита. Раскопок здесь не производилось.

Необходимость дальнейшего исследования Олонецкого района совершенно очевидна. До сего времени на его территории не было известно ни одного неолитического поселения в противоположность довольно многочисленным курганам X—XII вв. по р. Олонке. Тот факт, что в результате очень коротких разведок нам удалось обнаружить два пункта с неолитическими остатками, указывает на то, что последние не являются здесь редкими. Особого интереса заслуживают условия залегания стоянки — в слое торфа, который, вероятно, обеспечит сохранность кости, необходимой для полноты изучения карельских неолитических стоянок. Интересным с этой точки зрения является сообщение населения об извлечении в 1920 г. из слоя торфа на территории соседнего колхоза деревянной лодки.

Разведками в Медвежьегорском районе был обнаружен ряд новых неолитических стоянок, расположенных в расстоянии 5—6 км от пос. Повенец. Судя по характеру найденного инвентаря, их следует считать разновременными.

Наиболее интересные результаты были получены при работах в районе Оров-Наволока, в 35 км южнее пос. Повенец на берегу Онежского озера.

Эта часть берега имеет прихотливо извилистые очертания, получившиеся в результате чередования небольших мысов и спокойных бухт. Среди последних особенно выделяется Оров-губа, имеющая вид внутреннего озера, отделенного от Онежского озера узким и очень глубоким проливом. Южнее ее располагается мыс Оров-Наволока, вдающийся на значительное расстояние в Онежское озеро и ограниченный с другой стороны тихой бухточкой.

Оров-Наволока представляет оз., имеющий обычное для этого района северо-западное направление. Его высота достигает 30 м над современным уровнем Онежского озера. Северный склон резко обрывается, тогда как на южной стороне отчетливо видны 4 террасовидных уступа.

Разведками 1939 г. в бухте, примыкающей к южной части Оров-Наволока, была обнаружена и частично раскопана стоянка с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой. Особый интерес возбудили находки

металлических предметов в виде обломка бронзовой или медной пластинки и медного ножа, что побудило нас продолжать раскопки в 1940 г.

Как показало исследование, поселение Оров-Наволоок располагалось в тихой песчаной бухточке, защищенной мысом от холодных северных ветров, и было вытянуто вдоль берега. Высота расположения его над современным уровнем Онежского озера равнялась 12 м.

Судя по характеру и обилию инвентаря, вероятнее считать это место длительным поселением, а не кратковременной стоянкой. Об этом свидетельствует как обилие совершенно однородной керамики, так и наличие жилищных комплексов. Наиболее важными из них являются остатки жилища в форме овальной ямы, достаточно отчетливо прослеживаемой в красноватом культурном слое. В разрезе яма напоминала по форме усеченный конус. Дно ее (серый материковый песок) было достаточно плоским и содержало некоторое количество золы и мелких углей. Размеры по дну ямы равнялись 1.10×1.50 м, тогда как ближе к верхней части они доходили до 3×2.25 м. Очага на дне ямы найдено не было, однако было встречено несколько мелких угольков и небольшое количество золы. Вероятнее всего, что очаг помещался за пределами ямы, хотя и в границах самого жилища; доказательством этому может служить интенсивное зольное пятно с мелкими угольками и обожженным песком, найденное нами около ямы. Такое вынесение очага за пределы ямы мы наблюдали на наших раскопках поселения Вой-Наволока, с той лишь разницей, что там в контурах этого пятна были встречены крупные камни, отсутствовавшие здесь.¹

Любопытной чертой этого жилища, придающей ему сходство до деталей с жилищем, открытым на поселении Вой-Наволоок 9, является наличие на краю ямы раздавленного сосуда. Напомним, что подобное наблюдение известно для целого ряда жилищ, вскрытых на неолитических поселениях лесной полосы восточной Европы.

В заполнении ямы обнаружено значительное количество фрагментов керамики.

Открытое нами жилище можно реконструировать примерно в том же виде, как и жилище стоянки Вой-Наволоок 9, т. е. в форме полуземлянки с шалашеобразной крышей, захватывающей несколько большую площадь, нежели контуры ямы с включением сюда же очага и сосуда.

В южной части поселения были расчищены два круглых, плоских камня, поверхность которых носила ясные следы ударов. Около них концентрировалось большое количество обломков кварца и роговика. Не остается сомнений в том, что это место служило для обработки камня.

Инвентарь поселения носит несколько специфический характер. Здесь обнаружено очень большое количество толстостенной керамики с примесью дресвы, прекрасно обожженной и остродонной по форме. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда. Элементами орнамента являются овальные или круглые ямки, образующие иногда в сочетании с гребенкой сложные узоры в виде спускающихся треугольников и ромбов (рис. 28, 3, 5, 7). Из орудий преобладают мелкие. Так же, как и на Вой-Наволоке, все они изготовлены из кварца и роговика. Кремневые орудия почти отсутствуют. Интересно отметить отсутствие крупных шлифованных орудий. За два года раскопок не найдено ни одного топора. Из этой категории предметов имеется всего лишь одно желобчатое долото. Остальные шлифованные каменные орудия представляют

¹ См. нашу статью „Поселение Вой-Наволоок 9 в свете раскопок 1938—1939 гг.“ (Краткие сообщ. ИИМК, вып. V, 1940).

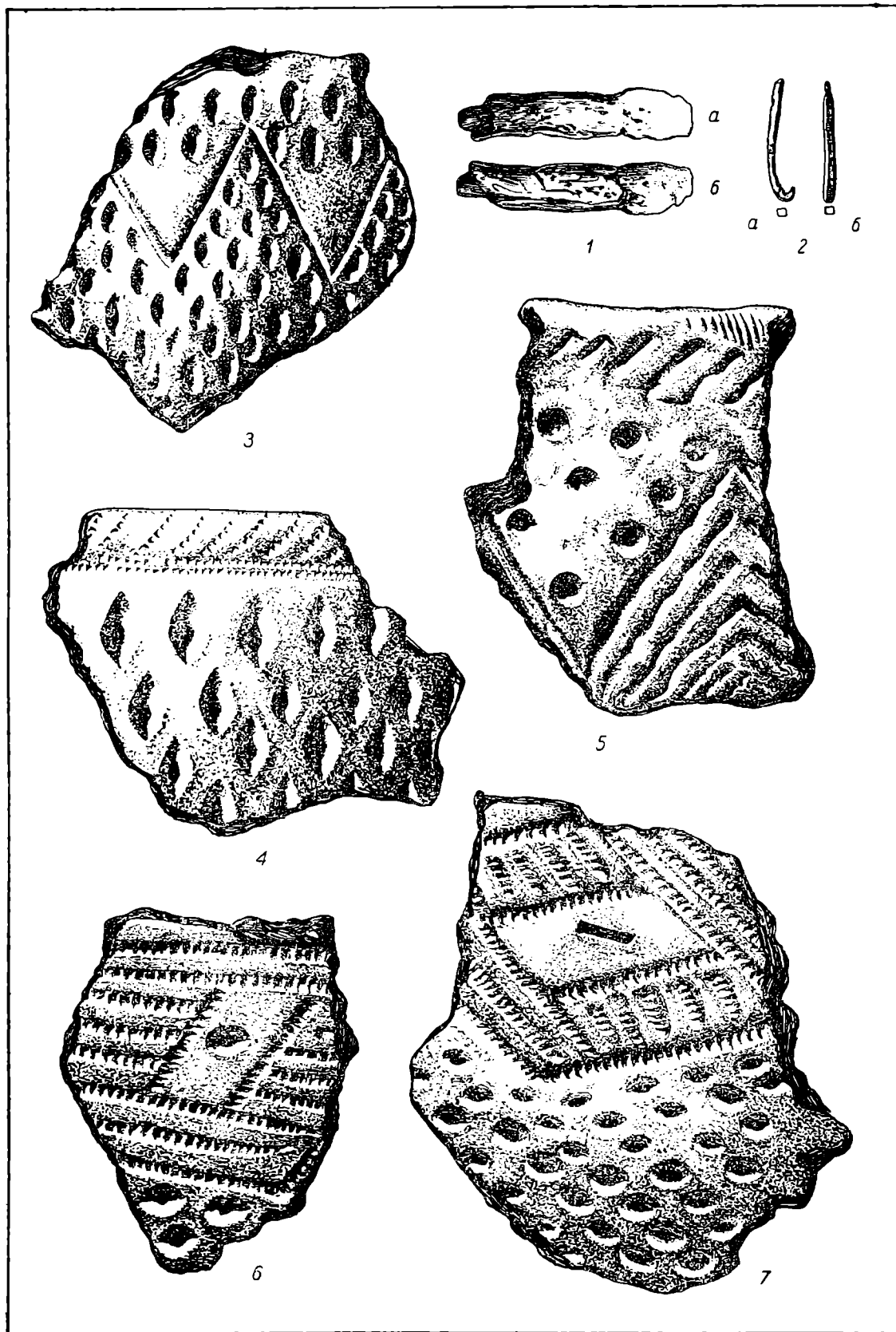

Рис. 28. Керамика и бронзовые предметы из стоянки Оров-Наволоок.

1, а и б — обломок медного предмета (ножа?); 2, а и б — рыболовные крючки из металла (меди или бронзы); 3—7 — обломки керамики.

некрупные, атипичные формы. Частичное объяснение этому явлению можно видеть в присутствии на поселении металла, в виде обломков тоненькой металлической пластинки и медного ножа (рис. 28, 1, а, б), обнаруженных при раскопках 1939 г. Уже тогда эти находки вызвали у нас заслуженный интерес и позволили сделать некоторые предварительные выводы, касающиеся хронологии карельских неолитических стоянок.¹

Условия их нахождения в культурном слое *in situ* под скоплением обломков керамики, составляющей значительную часть сосуда, исключали возможность попадания их извне. Однако осторожность требовала дополнительных наблюдений.

Работы этого года значительно увеличили количество находок бронзы. Нам удалось обнаружить 11 мелких кусочков бронзы, чаще бесформенных, и 2 бронзовых или медных рыболовных крючка (рис. 28, 2, а и б), сходных с рыболовными крючками, найденными в погребениях глазковской стадии на территории Сибири.

Одна из наших находок представляет нижнюю часть крючка. Это проволочка с округлым поперечным сечением и загнутым концом. Верхняя часть его отсутствует. Наоборот, вторая находка дает лишь верхнюю часть подобного же рыболовного крючка с насечкой в месте его крепления к нитке.

Находки металлических вещей в сопровождении чисто неолитической керамики представляют исключительно интересное и совершенно необычное явление для района Карелии.

Следует напомнить, что до сего времени на ее территории, так же как и Севера вообще, в противоположность многочисленным неолитическим стоянкам, не было известно ни одного поселения эпохи раннего металла (бронзы или раннего железа), хотя их отдельные находки и были нередки. Таким образом в представлении исследователей древнейшей истории Карелии существовал ничем не заполняемый прорыв, „hiatus“, длительностью около двух тысяч лет. Исходя из стремления как-то объяснить это загадочное явление, археологами, изучающими памятники Севера, был выдвинут ряд гипотез, иногда в корне противоречащих друг другу.

Одна группа² исследователей Севера в лице шведских, финских и русских археологов утверждала, что отсутствие поселений эпохи раннего металла на территории Севера объясняется тем, что наступившее климатическое изменение, выразившееся в похолодании, вызвало уход населения в более южные районы, вследствие чего и произошло его обезлюдение, и лишь с IX—X вв. вновь началась колонизация.

Другая группа³ исследователей объясняла отсутствие поселений эпохи раннего металла тем, что население Севера и, в частности, Карелии очень долго продолжало пользоваться каменными орудиями, а поэтому многие местные археологические памятники, содержащие в себе признаки, присущие неолитическим поселениям, должны датироваться, по их мнению, поздним временем.

Однако наиболее близкой к истине оказалась точка зрения А. Я. Брю-

¹ Наша статья „Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера“ (доклад, прочитанный на пленуме ИИМК Краткие сообщ. ИИМК, вып. VII, 1940).

² R. Sernander. Postglaziale Klimaverslechterung. Ebert-Reallexikon der Vorgeschichte. — A. Talgren. Djurhuvudyxor av brons från östra Ryssland. Finskt Museum, 1913.

³ A. Brögger. Kulturgeschichte des norwegischen Altertums. Oslo, 1926. — А. Шмидт. О хронологии доклассового общества. Пробл. ист. мат. культ., 1933, № 7—8.

сова, высказанная им в его капитальной работе „История древней Карелии“.¹ Он видит причину отсутствия памятников эпохи раннего металла на территории Карелии лишь в трудности их отыскания.

Находки металла в виде меди или, может быть, бронзы в сопровождении неолитической керамики при исследовании Оров-Наволока подтвердили правильность высказываемых нами ранее взглядов по этому вопросу,² кратко заключающихся в следующем:

1. Факты с неоспоримостью доказывают, что процесс развития общества на территории Карелии шел непрерывно, хотя, вероятно, и несколько запаздывал в своем развитии.

2. Особый физико-географический характер данной территории (отсутствие благоприятных условий для занятий земледелием и скотоводством, наличие большого количества озер, изобилующих рыбой, и леса, богатого дикими животными) способствовал сохранению прежних форм хозяйства — в основном рыболовства, а затем охоты. Подтверждением этому является не только факт расположения поселения у озера и не только наличие большого количества грузил на поселении, но, что особенно важно, — рыболовные крючки из металла, имеющие, как указывалось выше, сходство с таковыми же из глазковской стадии, что объясняется, прежде всего, общностью физико-географических условий обеих северных территорий.

3. Население Оров-Наволока, овладевшее уже металлом, продолжало заниматься рыболовством, совершенствуя орудия лова. Многие элементы культуры как надстроечные явления оставались поэтому без значительных изменений. В частности, мало изменился характер керамического орнамента, хотя все же он стал богаче и разнообразнее. Вот почему поселения раннего металла на территории Карелии имеют так много общего с неолитическими и принимаются, повидимому, археологами за таковые.

4. Находки, обнаруженные на стоянке Оров-Наволока, ставят перед исследователями задачу пересмотра целого ряда карельских неолитических стоянок с точки зрения возможной их принадлежности к эпохе металла.

Если говорить об абсолютной дате стоянки Оров-Наволока, то мы должны будем отнести ее примерно ко времени 1200—800 лет до н. э., т. е. поставить несколько ранее бронзолитейной мастерской, обнаруженной и исследованной в 1930—1932 гг. А. Я. Брюсовым у урочища Томицы вблизи Петрозаводска.

Не менее интересные результаты по заполнению имеющегося прорыва в истории древнейшей Карелии и уточнению датировки неолита имеют произведенные разведки по берегу Оров-губы.

Здесь в песчаной осыпи подмываемого берега были обнаружены фрагменты керамики с примесью асбеста, чаще орнаментированные косыми отпечатками гребенки, реже гладкие, и часть примитивной плавильной печи со шлаками.

Стратиграфия наблюдалась здесь следующая: под растительным слоем залегал серый подзол, ниже которого располагался культурный слой, представляющий желтоватый песок, имеющий мощность 0.20 м. Подстилающим слоем является светло-желтый материковый песок. В культурном слое были найдены фрагменты керамики, отщепы кварца, куски шлаков и обмазки горна.

Сам горн был составлен из трех плоских, массивных гранитных плит, поставленных на ребро и образующих, повидимому, треугольник; *in situ*

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Изд. Гос. Истор. музея, 1940.

² Н. Н. Гурина. Неолитические поселения на с.-в. берегу Онежского озера. Краткие сообщ. ИИМК, вып. VII, 1940.

сохранились лишь 2 стенки. Судя по ним, основание горна было опущено в материк, а верхний край его находился на верхней границе культурного слоя, под серым подзолом. Внутри горна сохранились мелкие угли и зола, а также шлаки, приставшие к тонкой гранитной плите, служившей подом горна.

По произведенному анализу лаборатории Онег-завода (г. Петрозаводск), шлаки оказались железными. Повторного анализа произведено не было.

Культурный слой не был нигде нарушен, мелкие шлаки находились в основании культурного слоя вместе с фрагментами керамики и отщепами кварца. Общее количество керамики на квадратах вблизи горна было несколько меньше, чем в более отдаленной части раскопа, вследствие чего создавалось впечатление о выклинивании здесь культурного слоя.

Не предпринимая подробного объяснения факта совместного нахождения асбестовой керамики с горном и железными шлаками, укажем, однако, что случаи нахождения железных шлаков в сопровождении керамики с примесью асбеста на территории Карелии наблюдаются не первый раз. Мы имеем в виду находки на урочище Томица¹ и на стоянке близ Надвоиц.²

Относятся ли поселения, в которых содержится керамика исключительно с примесью асбеста, орнаментированная гребенкой или совсем не имеющая орнамента, к эпохе раннего железа в Карелии, покажут дальнейшие исследования. Несомненным однако уже и сейчас является то, что поселения этого типа должны относиться к более позднему времени, нежели поселения типа Оров-Наволоок, содержащие медно-бронзовые предметы и имеющие еще так много общих черт с неолитическими.

Н. Н. Гурина

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 238—243.

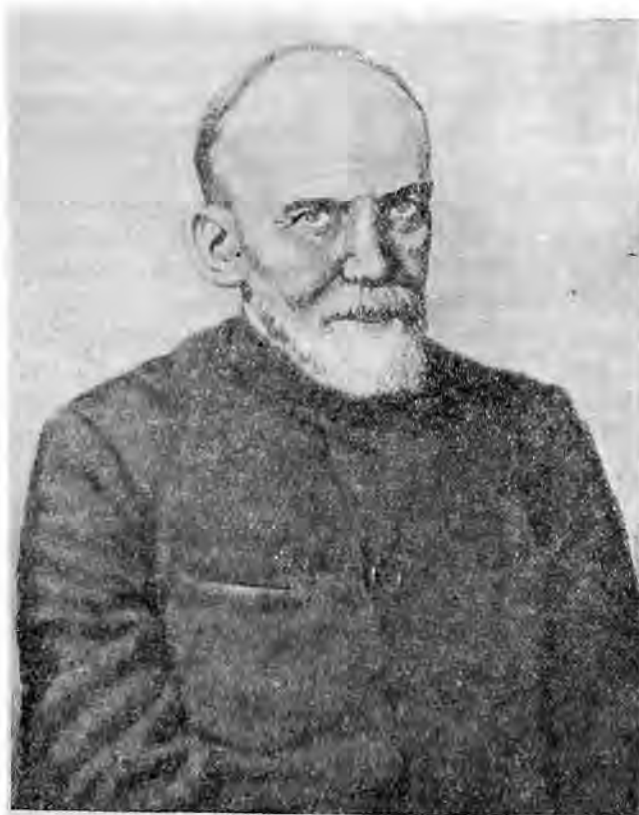
² Там же, стр. 226—227.

Н. И. Репников

(1882—1940)

25 декабря 1940 г. скончался один из старейших русских археологов Николай Иванович Репников. Имя Николая Ивановича Репникова широко известно археологам нашей страны, занимающимся славянскими древностями и средневековой историей юга СССР. Николай Иванович родился в Петербурге 9 апреля 1882 г. в семье крестьянина, работавшего бурлаком на лесных сплавах. В 1900 г. Н. И. окончил коммерческое училище и в 1902 г. поступил в Археологический институт, который окончил в 1904 г. со званием члена-сотрудника. С 1904 по 1908 г. Н. И. состоял вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского Университета. С 1902 по 1909 г. Н. И. работал в Археологической комиссии, по поручению которой вел самостоятельные полевые археологические исследования. Полевую археологическую деятельность Н. И. начал с раскопок курганов в Бежецком и Весьегонском уездах б. Тверской губ. и Демьяновском у. б. Новгородской губ. Одновременно он начал археологические исследования на юге России, в частности в Крыму.

В год начала своих полевых исследований Н. И. открыл знаменитый готский могильник „Суук-су“ на южном побережье Крыма и затем в течение ряда лет вел его систематическое изучение. В 1904 г. Н. И. энергично работал над раскопками некрополя Ольвии и одновременно изучал развалины средневекового Аккермана. В 1905 г. под руковод-

Н. И. Репников.

ством Н. И. развернулись широкие работы по раскопкам могильника в Суук-су, однако он не оставлял углубленного исследования Аккермана, которое было закончено им в 1906 г. В том же 1906 г. Н. И. продолжал раскопки Ольвийского некрополя. Летние экспедиционные сезоны 1907 и 1908 гг. Н. И. посвятил изучению археологических памятников Крыма. Им в этот период были раскопаны могильники готского времени на Южном берегу, изучены памятники эпохи бронзы и раннего железа в Байдарской долине. Выдающимся открытием Н. И. является раскопанная им базилика в Партените. Летом 1908 г. Н. И. провел большие работы по раскопкам Херсонеса и начал изучение пещерных городов Крыма. Продолжая научные изыскания в области изучения памятников юга СССР, которые Н. И. проводил до конца своей жизни, он вложил огромное количество творческого труда и энергии в дело изучения отечественных древностей. Живой интерес к славянским памятникам нашел свое реальное выражение еще в 1903 г., когда Н. И. начал обследование городища в Старой Ладоге. В 1909 г. он приступил к широким раскопкам этого городища, которые продолжались до 1913 г. Не замыкаясь в рамках только археологического исследования, Н. И. предпринимает в 1914—1916 гг. ряд поездок по озерной области и на юге России с целью этнографического изучения памятников древней архитектуры и народного искусства русских и мариупольских греков. В эти годы Н. И. работает в Этнографическом отделе Русского музея. В 1922 г. Н. И. усиленно работает над изучением древностей Новгорода и его окрестностей, затем, будучи перегруженным работой по изучению памятников юга, Н. И. на время отвлекается от полевых исследований памятников северо-запада СССР и принимает участие в их изучении sporadически; так, в 1927 г. под его руководством были открыты и изучены фрески XII в. в Старой Ладоге, в 1939 г. он принимает участие в раскопках Старой Ладоги, организованных Ленинградским Государственным Университетом.

Временное отвлечение от полевых исследований памятников Древней Руси отнюдь не означало для Н. И. их забвения, он попрежнему ведет напряженную камеральную работу, участвует в организации охраны и изучения их, дает консультации и т. п., словом продолжает оставаться тем же ревностным энтузиастом и высокоавторитетным специалистом по русской старине.

Еще осенью 1913 г. Н. И. начал свои исследования пещерных городов Крыма, однако средства на изучение их были столь малы, что об организации сколько-нибудь широких работ в то время не могло быть и речи. Лишь начиная с 1927 г., благодаря широкой поддержке со стороны центральных и местных археологических организаций, Н. И. развертывает крупные работы по изучению пещерных городов Крыма и в первую очередь Эски-кермена. В течение девятилетних экспедиционных сезонов Н. И. руководит или участвует в исследованиях на Эски-кермене. Труды этой экспедиции внесли много нового в советскую археологию и привлекли внимание широких кругов советских и зарубежных ученых к пещерным городам. Как и в период усиленных занятий раскопками русских древностей, Н. И. не сужал круга своей деятельности на одном памятнике, а всегда стремился к осмыслению памятника во всех его древних взаимосвязях; так, во время работ на Эски-кермене Н. И. провел ряд исследований на Гераклеюмском п-ове (1928), в Феодосии (1934), в долине р. Бельбек (1936), в Инкермане (1937) и последние полевые исследования Н. И. закончил в Бахчисарайском районе (1940).

Перу Н. И. Репникова принадлежит около 40 печатных трудов и 6 трудов приняты для печати. Среди последних имеются крупные монографические работы, как, напр., „Памятники Гераклеийского полуострова“. В последние годы своей жизни Н. И. работал над составлением археологической карты юго-западного нагорья Крыма. Собранный им материал дает исчерпывающую характеристику археологических памятников этого района. Труд этот остался незаконченным.

Опубликованные Н. И. работы отражают широкий диапазон его знаний и интересов. Небольшие часто по объему работы Н. И. отличаются изяществом и оригинальностью. Н. И. был учеником крупнейшего русского археолога А. А. Спицына и А. Л. Бертье-де-Лагарда; их благотворное влияние запечатлелось на стиле и организации его печатных работ. Научная последовательность и содержательность — вот что характерно для работ Н. И.

Печатные работы Н. И. охватывают самые разнообразные вопросы археологии СССР, различных территорий, разных времен и разнообразных типов памятников: памятники двух окраин великого пути из „варягов в греки“ — Новгород и Херсонес, средневековая Тмутаракань, крымские дольмены и средневековые города Крыма; Н. И. исследовал бытовые предметы из могильников, остатки поселений, крепостные стены и монументальную живопись; его интересовали и вопросы узко-археологического порядка и большие проблемы социально-экономической истории, напр. вопросы сельского хозяйства античного Херсонеса. В своей работе Н. И. много труда уделил воспитанию новых кадров. Это особенно ярко сказалось в деятельности Н. И. в Крыму. С первых же дней своей широко поставленной работы по изучению пещерных городов Крыма он привлек к своим исследованиям молодежь Севастопольского музея краеведения. Многие ныне самостоятельно работающие научные работники не могут без чувства благодарности вспомнить Н. И., под руководством которого формировался их интерес к археологии. Эски-кермен — база научных исследований Н. И. — стала первой археологической школой для ряда научных работников. Воспитание научных кадров является быть может одной из главных заслуг Н. И. В Крыму Н. И. оставил после себя много хороших воспоминаний и вполне заслуженно пользовался искренней любовью со стороны местных работников. Не случайно свой 25-летний юбилей научной деятельности в 1928 г. Н. И. проводит в Крыму, в Херсонесе. Со всех концов Советского Союза в день 26 августа 1928 г. в Херсонес телеграф принес теплые слова приветствий многочисленных научных организаций СССР и личные приветствия крупнейших научных работников страны. Среди них одна телеграмма особенно обрадовала Н. И. — телеграмма академика Н. Я. Марра: „Пути науки не из одних шоссежных дорог, подлинные исследовательские тропинки укрыты в лесе нагроможденного материала. Четверть века настойчиво искать и материалы и освещения своей тропой большой подвиг. Поздравляя пройденным путем, желаю успехов по широкому прочному пути. Марр“.

Н. И. продолжал до конца дней своих активно работать. Горячий патриот своей родины, он неустанно заботился о процветании советской науки. Уже будучи сломленным тяжелым недугом, Н. И. продолжал напряженно трудиться над завершением своей большой работы „Археологические памятники юго-западного нагорья Крыма“. Смерть помешала Н. И. довести эту многолетнюю работу до конца.

А. Н. Бернштам и С. Н. Бибилов

А. А. Марр

(1860—1940)

30 декабря скончалась вдова Н. Я. Марра Александра Алексеевна Марр. Жизнь ее неразрывно связана с научными работами Николая Яковлевича, постоянным участником которых она была. Огромный размах научных интересов Н. Я. требовал выполнения большого количества вспомогательных работ — указателей, обратных словарей, библиографических сводок и т. п. Большинство этих работ выполнялось А. А. Ею же в течение ряда лет держались корректуры не только работ Н. Я., но и всех редактировавшихся им серий. В этом деле она не знала соперников, особенно, когда работа требовала особой выдержки и внимательности — при издании словарей, текстов, грамматик. Ею же совместно с сестрой, М. А. Бартольд, был подготовлен материал для указателей к тт. XI—XX „Записок Восточного отделения“.

А. А. была неизменным участником лингвистических и археологических поездок и экспедиций Н. Я. В азиатских работах на ее долю выпала вся хозяйственная сторона, все заботы по организации бытового обслуживания сотрудников, помощь при составлении описей, дневников и т. п. Во всякую выполнявшуюся ею работу А. А., требовательная и к другим, вносила свойственные ей точность, четкость и инициативность.

Человек исключительной скромности, трудолюбия и большой культуры, А. А. пользовалась глубоким уважением всех, знавших ее. Всю свою долгую жизнь она посвятила бескорыстному и незаметному для посторонних служению научному делу Н. Я. Научное наследие Н. Я. навеки сохранит и самоотверженный труд его верного помощника и друга, А. А. Марр.

В. А. Миханкова

V. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Киик-коба. Палеолит Крыма. Вып. I. Комиссия по изучению четвертичного периода АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 1—225.

Среди выдающихся достижений советской археологии в деле изучения отдаленнейшего прошлого нашей страны одно из первых мест занимают результаты исследований памятников Крымского палеолита. Благодаря трудам советских ученых, Крым с его многочисленными и разнообразными пещерными поселениями каменного века является теперь одним из тех немногих районов Советского Союза, где наиболее полно и отчетливо прослеживается смена этапов каменного века, а также постепенное развитие культуры первобытного человека.

Первое место среди палеолитических памятников Крыма по богатству находок и древности в настоящее время принадлежит гроту Киик-коба. Открытый в 1926 г. в результате настойчивой разведочной работы и подвергнутый тщательным раскопкам грот Киик-коба пользуется заслуженной известностью благодаря сделанным в нем замечательным находкам и, в том числе впервые найденным на территории Союза древнейшим погребениям.

Нельзя не отметить поэтому как важное событие в нашей археологической науке появление большой работы Г. А. Бонч-Осмоловского о Киик-кобе, в которой изложены результаты исследований грота и связанные с ними теоретические выводы. Эта книга заслуживает особого внимания еще и потому, что до сих пор опубликование материалов наших палеолитических памятников резко отставало от полевых работ и от общетеоретических исследований. Работа Г. А. Бонч-Осмоловского является пока еще единственным и первым в своем роде монографическим исследованием, посвященным древнейшим памятникам палеолита СССР.

Она состоит из тринадцати глав. В двух первых главах излагается история

исследования, описываются методика раскопок и приемы обработки материала. В четырех последующих главах описаны физико-географические условия, стратиграфия и характер культурных слоев, а также история образования грота; рассмотрены найденные в нем остатки флоры и фауны.

Далее в шести главах, соответственно установленному делению находок на два одновременных комплекса, рассмотрены техника изготовления и функции обнаруженных в гроте орудий, а также описаны вскрытые в ходе раскопок бытовые детали, в том числе погребения. В заключительной главе изложены общие соображения о геологическом и археологическом возрасте кииккобинских находок.

В конце книги приложены: журнал экспертизы специальной комиссии Главнауки, список литературы (195 названий), резюме и 22 таблицы с объяснительным текстом.

Представляя, как видно уже из этого перечня освещенных в ней тем, стройное и законченное целое, работа дает прежде всего отчетливое представление о методах полевых исследований, от которых непосредственно зависит и все ее содержание. Автор использовал весь накопленный к тому времени опыт изучения пещерных стоянок, а кроме того во многом проявил собственную инициативу и изобретательность, необходимую при раскопках любого памятника и тем более пещер, резко отличающихся друг от друга по строению и расположению своих отложений.

Основной и далеко не легкой задачей было при этом, естественно, установление действительной стратиграфической последовательности культурных отложений грота и связанных с ними находок. О трудности этой задачи, кстати, дает представление исследование погребения,

оказавшегося перекрытым очажным слоем нижнего горизонта, но по мнению В. А. Городцова, к которому позднее присоединился и автор исследования, относящегося к другому, верхнему, слою.

Кроме того, перед исследователем стояла также задача разобраться в горизонтальном распространении культурных остатков и восстановить по ним возможно полнее картину жизни древних обитателей. Обыкновенно в поселениях открытого типа эта задача решается достаточно просто, путем одновременного вскрытия всей площади поселения или значительной ее части. В условиях пещерных стоянок метод сплошного вскрытия встречает значительные препятствия; так было и в Киик-кобе. Отказавшись от последовательного и сплошного вскрытия каждого слоя по отдельности в виду опасности потерять ориентировку в стратиграфии культурных отложений, исследователь все же смог проследить существенные бытовые детали, в особенности очаги, ямы. Точная фиксация культурных остатков дает также возможность проследить в общих чертах их распространение на площади грота. Этого для той поры в основном было достаточно, тем более, что материалы стоянки, среди которых преобладают мелкие кремни и раздробленные небольшие кости, не дают столь наглядной и яркой картины, как поселения открытого типа с эффектными нагромождениями костей гигантских животных или с жилыми ямами. Остается пожалеть, тем не менее, что к работе не приложено более детальных планов поселения по двум его горизонтам с наиболее важными находками, а также и разрезов. Имеющиеся планы, а также разрезы даны в слишком малом масштабе.

В отличие от многих других археологов, исследовавших палеолитические пещерные поселения, Г. А. Бонч-Осмоловский с особым вниманием и тщательностью подошел к сбору и анализу остатков деятельности первобытного человека: кремня, угля, костей. В связи с этим заслуживает быть особо отмеченным его стремление к полному комплексному охвату находок, опыты статистического, наиболее объективного, учета археологических фактов, тщательный анализ каменных орудий, а также и костей со следами деятельности человека, не только с внешней формальной стороны, но и в связи с техникой их изготовления, назначением и способом употребления. Вместе с тем, как отмечает автор, работа по изучению Киик-коба имела комплексный характер, и в самой публикации отражено участие геологов, ботаников, палеонтологов. Сказанным определяется ценность работы как исчерпывающей публикации археологического источника.

Этим же в значительной мере определяется и характер работы как исторического исследования, имеющего целью использовать собранные факты для восстановления жизни древних жителей грота Киик-коба.

Г. А. Бонч-Осмоловский пытался, прежде всего, проследить историю грота как естественного жилища, в пределах которого и параллельно с его развитием протекала домашняя жизнь первобытного человека. Он установил, затем, наличие в нем стратиграфически различных остатков, принадлежавших двум отрезкам времени. Для каждого из них были сделаны меткие и ценные наблюдения, определенным образом характеризующие образ жизни и бытовой уклад населения грота. Наиболее подробно, живо и оригинально рассмотрена техника изготовления каменных орудий и ассортимент последних, что вполне соответствует их значению в древнейшей истории человечества.

Остроумно и обстоятельно разобран вопрос назначения и способе употребления орудий. Соответствующее место уделено основному производству. На основе точного подсчета костей и кремня автор приходит к выводу, что примитивная облавная охота достигает уровня важнейшего занятия только во время отложения верхнего слоя.

Перед читателем встает и целостная картина грота как естественного жилища, центром которого и средоточием жизни первобытного коллектива был плавающий под пещерным сводом костер, огнище. Столь же отчетливо, благодаря тщательности исследования, рисуется и характер захоронений, как правильно указывает автор, свидетельствующих о зарождении погребального ритуала, первоначальных религиозных представлений о жизни и смерти. Как и следовало ожидать от советского археологического исследования, жизнь древних людей раскрывается здесь в меру имеющихся фактов достаточно полно, и именно она, а не сами по себе находки, не вещи только, все время находятся перед глазами исследователя.

Рассматривая грот Киик-коба с исторической точки зрения, автор, естественно, должен был поставить перед собою и общетеоретический вопрос о взаимоотношении обнаруженных в гроте слоев, а также о их месте в общей цепи памятников каменного века.

В этом отношении Г. А. Бонч-Осмоловский имеет определенные и четкие взгляды, вполне сформулированные им еще в 1932 г. в сводке о крымском палеолите. В этой сводке он отмечал, прежде всего, „общее сходство рельефа и климата северных предгорий Крымского полуострова с наиболее изучен-

ными центрами палеолитической жизни в южной Франции" и вместе с тем его обособленное от последних географическое положение. Исходя из этого, Г. А. Бонч-Осмоловский полагает, что изучение крымского палеолита имеет исключительное значение и как „поверочный эксперимент, с помощью которого можно было оценить те или иные суждения о характере исторического процесса на территории Евразии" на столь низкой ступени развития, как палеолит, когда сходство естественно-географической среды было предпосылкой „для более или менее сходных путей исторического процесса“.

Изучение крымских материалов привело тогда исследователя к выводу, что „развитие первобытного человека повсеместно протекало сходными путями“, „на одной и той же стадии, в одних и тех же условиях существования человек, подчиняясь неумолимым законам общественного развития, мог создавать только сходные элементы культуры“. Те же самые взгляды нашли не менее последовательное отражение и в новой работе-монографии о Киик-кобе, в каждой главе которой и даже странице чувствуется ясная целеустремленность, определенная направленность мысли.

Теоретические взгляды Г. А. Бонч-Осмоловского в их основной части, где он признает общее единство и закономерность исторического процесса в первобытное время, естественно, не могут оспариваться. Сложнее обстоит дело с вопросом, где и в каких формах проявляется это единство, о соотношении общего и частного. Автор прав, когда говорит о том, что на первых ступенях развития первобытного человека было много общего, но было бы ошибочно полагать, что и в дальнейшем жизнь протекала в одинаковых формах.

Реальное разнообразие памятников верхнего палеолита и в особенности неолита ясно свидетельствует, что культурно-исторический процесс имел в разных областях земного шара не только общие закономерности, но и бесконечно разнообразные формы, в которых это общее проявлялось. Еще сложнее и разнообразнее становился исторический процесс в результате активного взаимодействия древних этнических групп, рас, языков и культур. Задача историка, следовательно, и в пределах первобытности сводится не только к установлению общего единства, но и к выявлению качественно-своеобразного, особенного, единичного. Без этого не может быть создано действительной истории и первобытного человека. Да и вообще не стоило бы, пожалуй, над ней трудиться, если бы все было уже ясно на примере лучше изученной Западной Европы. Особым и наиболее важным с этой сто-

роны теоретическим вопросом является второй — конкретно-исторический, о месте Киик-кобы в частности, и крымского палеолита вообще, среди памятников каменного века.

Автор удачно и обстоятельно показал черты общего сходства, объединяющего Киик-кобу со многими палеолитическими памятниками Запада. Это сходство, несомненно, объясняется во многом общим достаточно низким еще уровнем техники и культуры первобытного человека, определявшим параллелизм развития.

Вместе с тем следует учитывать, что ареал распространения древнейшего человека в Европе был уже очень обширным. Древние палеолитические памятники, родственные и близкие по существу к западноевропейским, достаточно известны теперь и в других местах Европы, в Азии и в Африке. Обитатели Крыма не были одиноки в своих горах и, вероятно, находились в той или иной связи со своим окружением, составляя лишь часть одной обширной группы тогдашнего человечества. Полнее судить об этой связи, естественно, можно будет лишь по мере накопления фактов. Но тем больший интерес с этой стороны представляет вопрос о конкретном соответствии обоих слоев Киик-кобы западным памятникам и их возрасте, не раз уже кстати вызывавший споры и разногласия.

Нижний слой стоянки рассматривается автором как принадлежащий начальной эпохе в развитии техники, „аморфной стадии“; верхний же относится им к концу ашельского и началу мустьерского времени. Соответственно этому кости человека, обнаруженные в гроте, и относящиеся, по словам исследователя, к верхнему слою, также датируются позднеашельским временем и определяются как принадлежащие существу более первобытному, чем неандерталец. Таким образом, если принять эти выводы, Киик-коба является наиболее древним из известных памятников палеолита в СССР, а остатки кииккобинского человека также должны быть наиболее первобытными из известных в данное время в Союзе.

Выводы о возрасте наслоений Киик-кобы зависят, естественно, от анализа найденных в гроте каменных изделий, остатков флоры и фауны, а также и самого человека. Флора и фауна грота не дают, однако, необходимых категорических указаний на возраст культурных остатков. Можно лишь полагать, что находки верхнего слоя, повидимому, относятся к началу ледникового периода, в ходе которого затем отложились в других пещерах культурные слои верхнего палеолита. Не противоречит такому выводу и каменный инвентарь верхнего слоя Киик-кобы, который в общем

ближе к мустьерскому, чем к ашельскому.

Насколько далеко по времени отстоит от верхнего нижний слой по флоре и фауне, судить нельзя. Зато несомненно резкое отличие нижнего слоя от верхнего по характеру каменного инвентаря и технике изготовления каменных орудий, поражающей своей примитивностью. С самого начала исследователь объяснял черты примитивности в технике нижнего слоя его глубокой древностью. П. П. Ефименко, ссылаясь на случаи, когда сходные „аморфные“ изделия сочетались с рубилами или перемежались с другими, в которых находились рубила и даже похожие на мустьерские вещи, относит нижний слой Киик-коба к „премустьерской стадии“ и считает аморфную технику лишь особым вариантом техники „ранней поры среднего палеолита“.

Сложность вопроса о возрасте кииккобинских находок увеличивается еще и условиями находки погребения. Г. А. Бонч-Осмоловский объясняет наличие под ним нижнего очажного слоя тем, что земля сбрасывалась обратно в яму в той же последовательности, как она вынималась при рытье могилы. Такое предположение слишком условно, если даже не искусственно. Окончательной уверенности в том, что погребение относится к верхнему, а не к нижнему слою, все-таки нет. Но в таком случае не слишком ли высоким будет уровень культуры для столь архаической стадии, если не для „дошелльской“, то равнозначной шеллю по мнению Г. А. Бонч-Осмоловского. Фауна и флора нижнего слоя, близкие к находкам из вышележащих отложений, тоже указывают, что здесь необходима большая осторожность в выводах.

Но если, с одной стороны, приходится считать еще недоказанным столь глубокий возраст нижнего слоя, как думает исследователь, то такая же осторожность нужна и по отношению к предположению о его принадлежности к премустьерской стадии. Как справедливо отмечает Г. А. Бонч-Осмоловский, обычные представления о древнем палеолите связаны с находками в аллювиальных отложениях. Накопление таких новых фактов, как открытия в Чжоу-Коу-Тяне, может существенным образом сказаться на понимании древнейших этапов человеческой истории. Нельзя не упомянуть, кстати, и открытий в палестинских гротах, где над слоем с аморфными изделиями залегал слой с рубилами (раскопки Гаррод).

Кроме того, заслуживают внимания ценные наблюдения Г. А. Бонч-Осмоловского над аморфной техникой, согласно которым двусторонне обработанные орудия не случайны, а закономерно связаны с развитием этой древней техники: по его словам изготовить большое орудие с длинным лезвием, при неумении скалывать большие отщепы, можно было только двусторонней отеской крупного камня. Немногочисленность или даже полное отсутствие их в „атипических“ или, что точнее, „аморфных“, комплексах при этом действительно может рассматриваться в одних случаях как признак раннего времени, когда они еще не приняли своей определенной формы, в других же как случайность, как частный случай, потому что по сравнению с орудиями на отщепе рубила, естественно, должны были встречаться реже.

Как бы то ни было, наличных материалов еще недостаточно для окончательного решения, а вместе с тем остаются одинаково законными и отмеченные противоположные точки зрения.

Таким образом достоинством работы Бонч-Осмоловского является еще и то, что ее автор не ограничивается описательной частью и анализом находок, а в собственном плане ставит важные и неразработанные проблемы истории первобытного человечества.

Издана книга относительно неплохо, но хотелось бы видеть монографию о Киик-кобе, в полиграфическом отношении не уступающей лучшим археологическим изданиям на Западе и в первую очередь, в ином, более крупном, формате, с соответствующим шрифтом, отдельными вкладными таблицами. Особенно скверное впечатление производят фотоиллюстрации. Не к чести издательства многочисленные опечатки. Язык книги простой и точный. Отдельные выражения все же вызывают сомнения. Так, вряд ли удачно часто повторяющееся слово „нить лезвия“ вместо „контур лезвия“ или „линия лезвия“. Можно было бы избежать довольно неуклюжего термина — „микокский слой“ (в тексте опечатка: „миковский слой“). Слово „лавровидный наконечник“, употребляемое вместо „лавролиственный“, напоминает образ лавра, дерева, а не специфическую форму лаврового листа. Кое-где есть повторения и длинноты, без которых работа выглядела бы лучше и читалась бы легче.

А. П. Окладников

VI. ИНФОРМАЦИИ

ОБЗОР ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДАМ НА СОВЕЩАНИИ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ НАРОДОВ СЕВЕРА

(28—29 мая 1940 г.)

Совещание по этногенезу народов Севера, состоявшееся в Москве при Отделении истории и философии Академии Наук СССР, прошло очень оживленно. Доклады вызвали развернутые прения, отразившие достоинства этих докладов, а также выдвинувшие ряд существенных возражений по поводу отдельных положений.

Выступавшие по докладу Окладникова и Дебеда акад. Струве и М. С. Плисецкий отметили необходимость расширения этнографических работ в Сибири и введения их в плановое русло. Выступавший затем А. М. Золотарев выдвинул целую систему возражений против доклада Окладникова. Разделение на восемь ареалов неолитической культуры, — сказал он, — которую дал докладчик, является несомненным успехом в систематизации археологического материала. Но нельзя не подчеркнуть предварительного, чернового характера этой схемы, нуждающейся в дальнейшей разработке и уточнении. Нельзя возводить также стенки, отделяющие эти ареалы друг от друга, и игнорировать те общие элементы в культуре, которые несомненно имеются для всей северной таежной и приполярной зоны. Все племена и народы, населяющие эти области, прошли через ступень долыжной культуры зимних рыболовов, к которой, очевидно, принадлежат исаковская и серовская стадии прибайкальского неолита.

Выдвинутая Окладниковым концепция развития прибайкальского неолита от охотничьей культуры (исаковской-серовской) к рыболовческой (китойско-глазковской) ошибочна. В действительности можно наблюдать скорее обратную закономерность. Каменные рыбы-приманки, обильная керамика землянки, говорят о том, что исаковская и серовская культуры были оседло-рыболовческими культурами. Появление тунгусского „фрака“ и исчезно-

вание рыб-приманок (для зимнего рыболовства) говорят о развитии охоты в китойско-глазковскую эпоху и о создании подвижной культуры лесных охотников. С. В. Киселев присоединился в основном к возражениям А. М. Золотарева, указав, что нет оснований говорить о преобладании охоты в исаковское и серовское время. Подвижная охотничья культура возникла не ранее китойской стадии. Это доказывается тем, что, начиная с китойской стадии, в Байкало-Ангарский бассейн проникают южные предметы. Точно также С. А. Токарев указал, что доклад Окладникова не поколебал схемы Биркет-Смита и Золотарева, ибо он не в состоянии показать возникновение оленеводства из рыболовецкой культуры и объяснить, почему якобы бродячие охотники—серовцы и исаковцы — имели обильную керамику.

Н. Н. Чебоксаров посвятил свое выступление вопросу о происхождении антропологических типов, встречающихся среди эвенков и манчжуров: гипотеза Широкого о южном происхождении эвенков действительно ошибочна. Идентификация типа „гамма“ с антропологическим типом прибайкальских тунгусов не выдерживает критики. Во всяком случае существуют достаточно четко выраженные различия между антропологическим типом манчжур и прибайкальских эвенков. Манчжурский тип имеет параллели скорее в Китае и Тибете.

А. П. Окладников в пространным и насыщенном фактами заключительном слове прежде всего остановился на проблеме происхождения манчжуров, которую он считает возможным решать следующим образом: манчжуры — это древние земледельцы, когда-то жившие вплоть до Амура и завоеванные пришедшими с севера таежными охотниками-тунгусами. Затем он кратко остановился на проблеме происхождения афанасьевской культуры и

перешел к основному предмету дискуссии — к вопросу о приоритете рыбной ловли или охоты в неолите таежной полосы. Указав на связь взглядов А. М. Золотарева с воззрениями культурно-исторической школы, он на ряде примеров показал, что человек раннего неолита жил в лесу и нуждался для охоты в лыжах, которые „появились вместе с луком и стрелами, появились вместе с каменным топором“. Впрочем возможно, что лыжи-лапки были известны еще мадленцу. В заключение он остановился на том, что „среднего неолита“ не было и что это понятие призвано для спасения несостоятельной конструкции А. М. Золотарева, вопреки мнению которого „серовское время—это идеальная охотничья культура“. В китойско-глазовское время появляется рыболовный крючок и развивается рыболовство. Затем возникает оленеводство, с появлением которого совершается переход к кочевой культуре и исчезает керамика в тайге.

В прениях по докладу Дебеда выступил Г. Н. Прокофьев, указавший, что европеоидный элемент мог проникнуть в Западную Сибирь не только с юга, как утверждал докладчик, но и с запада, как свидетельствуют об этом данные лингвистические. Распространенный на территории Западной Сибири этноним „кум“ встречается и в индо-европейском мире, в форме *homo*, *hompe*, *hombre*, а „такое распространение единого этнонима на территории Западной Европы вплоть до Западной Сибири, конечно, не может рассматриваться как случайное совпадение названий отдельных этнических групп прошлого и настоящего“. Очевидно в Западную Сибирь из Европы проник европеоидный элемент.

В кратком заключительном слове Г. Ф. Дебед отметил, что угорские группы, влившиеся в западносибирское население, могут быть носителем европеоидного типа; однако опасно было бы говорить об участии европеоидного типа в формировании самодийских племен.

Прения по докладу М. В. Талицкого, А. В. Збруевой и Т. А. Трофимовой были проведены совместно.

Выступавший первым С. В. Киселев отметил, что проблема происхождения ананьинской культуры чрезвычайно сложна и братья за ее решение рискованно. Все же доклад А. В. Збруевой заслуживает всяческого внимания, хотя некоторые моменты его остаются очень спорными. Так, говоря о генезисе ананьинской культуры, не закономерно искать южные элементы. Приведенные Збруевой вещи — ножи срубного и киммерийского типа — универсальны до определенной эпохи. Еще более неправильно ссылаться в связи с этим на сходство в форме срубных и ананьинских землянок — форма жилища диктуется свое-

образом в развитии хозяйства в большей степени, чем взаимоотношения соседей. Гораздо важнее было говорить о сейминской культуре. Здесь несомненна генетическая связь ее с ананьинской культурой. Это подтвердили и замечания Збруевой о переходных сеймино-ананьинских типах кельтов. Однако сама сейминская культура была обрисована совершенно неправильно. Район распространения отдельных сейминских предметов (он очень велик — от Байкала до Бессарабии и от Камы до Исссык-куля) вовсе не совпадает с областью так наз. сейминской культуры, занимающей, по видимому, главным образом Нижнее Прикамье и часть Волги до Оки. Если излишне было много говорить о срубном компоненте в ананьинской культуре, то совершенно напрасно ничего не было сказано об абашевских памятниках. Также необходимо говорить на ряду со скифским и о сибирском проникновении на Каму. Ананьинский клевет не местного, а южно-сибирского происхождения. В связи с этим очень интересны те заключения, которые сделала Трофимова по Луговскому могильнику. Монголоидная инфильтрация в Ананьине могла быть только из-за Урала. Збруева хорошо сделала, что поставила вопрос о происхождении ананьинской культуры, но разрешение вопроса в докладе слишком упрощено.

В. Н. Чернецов соглашается с Талицким в том, что городища, расположенные по западную сторону Урала, не имеют отношения к уграм, жившим к востоку от Урала. „Очень интересно, — говорит он, — толкование термина «пор», до сих пор сохранившегося как название одной из хантейских фратрий, как этнонима местного туземного населения“. А. П. Смирнов обращает внимание на стоянки типа Карташихинской, изучение которых позволяет думать, что эта культура соприкасается, с одной стороны, с культурой сейминской, с другой стороны — с Галичской стоянкой и Ананьинским могильником. Сейминский компонент попал в Ананьино из стоянок этого типа. В заключение, возражая Т. А. Трофимовой, А. П. Смирнов указывает, что, изучая антропологический тип ананьинцев, нельзя привлекать материалы Полянского могильника, относящегося к предананьинскому времени.

П. А. Дмитриев возражает против понятия сейминской культуры, ибо вещи, приписываемые этой культуре, распространены на очень широкой территории и попадают в памятниках, принадлежащих к другим культурам. Поэтому нельзя искать сейминский компонент в ананьинской культуре.

А. В. Збруева в заключительном слове подчеркнула, что рассматривает процесс формирования ананьинской культуры как очень сложный, в которой пока можно

выделить два слагаемых компонента — сейминский и срубный. Возможно, что дальнейшие работы покажут и иные элементы. В частности, возможно предполагать андроновское влияние.

Т. А. Трофимова в заключительном слове отмечает, что появление монголоидного типа в Прикамье следует связывать с миграцией с востока, из Сибири, а европеоидный компонент ананьинской культуры следует выводить из Поволжья.

Объединены были также прения по докладам Н. Н. Чебоксарова, Г. Н. Прокофьева, В. Н. Чернецова, А. М. Золотарева, С. А. Токарева. Первым выступил Б. А. Васильев, обративший внимание собравшихся на совершенно недостаточную изученность материальной культуры сибирских народов и предложивший поставить на повестку дня этнографических учреждений создание сводных работ по материальной культуре сибирских народов.

А. П. Окладников в своем выступлении охватил целый ряд вопросов. Согласившись с А. М. Золотаревым в том, что эскимосы вошли как составной элемент в современную чукотскую и корякскую народность, он указал на необходимость поисков южных эскимосских связей. Окончательных данных для решения этой проблемы еще нет; зато можно указать на ближайшее сходство между концевыми скребками и в особенности нуклеусами-скребками Аляски и Монголии, заставляющее искать корни американского неолита на территории Сибири. Поэтому ближайшие задачи советской науки — работы на северо-востоке Азии.

Переходя к докладу С. А. Токарева, Окладников отмечает оригинальность построения, но полагает, что докладчик недооценивает руководящего значения южных элементов в культуре якутов, столь ярко отраженных в языке и культуре. Археология указывает дорогу якутов — вниз по Лене. Это доказывается рядом скифских вещей, найденных в верховьях Лены и в Якутии. Некоторые из этих вещей, напр. изображение свернутого дракона с кругом во рту, обнаруживает несомненно китайские и скифосибирские черты. Писаницы и остатки курумчинской культуры позволяют говорить об участии турок VI—VIII вв. в этногенезе якутов. Наконец, мифология свидетельствует о связях якутов с бурятами.

С. В. Киселев замечает, что данные археологии подтверждают гипотезу Прокофьева о миграции самодийских племен из алтайско-сайнских гор. Проникновение саяно-алтайской культуры на север происходит с очень давних времен, показателем чего является культура типа Томского могильника, Ишимский клад, находки та-

гарского типа в таежной полосе, скифские находки на Васюгане и др.

С. П. Толстов посвятил большую часть выступления проблеме этнонимов. „На нашем совещании, — сказал он, — слабо представлена лингвистика, хотя сама проблема этногенеза народностей была впервые поставлена правильно лингвистами школы Н. Я. Марра. Доклад Прокофьева был очень интересен, но его метод анализа этнонимов требует уточнения самого понятия «этноним». Пока этот вопрос дан в слишком общей форме, а между тем, история этнонимов представляет сама по себе целую проблему с точки зрения их семантики“. В первоначальном значении эти термины были названиями фратрий, затем они превратились в название племен и породили также термин „человек“.

Далее С. П. Толстов указал на проблему „тибетоида“ антропологического типа, представителем которого являются кеты и следы которого найдены в Восточном Туркестане. С. Я. Шугер поделился результатами своих антропологических наблюдений над ненцами. Среди европейских ненцев преобладает лапоноидный компонент, среди азиатских — кетский. Среди большеземельских ненцев заметна примесь палеосибирского монголоидного типа. Получается соответствие с лингвистическими выводами Прокофьева: европейские ненцы могут соответствовать пласу кум, азиатские ненцы — пласу тянь, а самодийский элемент связан с монголоидным типом.

В заключительном слове Г. Н. Прокофьев наметил проблему связи самодийских и эскимосских племен. Он указал также, что процесс передвижения самодийских племен шел волнами. Это было медленное просачивание отдельных групп, ассимилировавшихся при этом с местным населением. Возражая С. П. Толстову, докладчик указал, что этнонимы нельзя считать названиями фратрий: „У селькупов племенная организация сохранялась до самого последнего времени. В частности, нарымские селькупы представляли собой два племени — гумулькуп (земляные люди) и сесюкуп (таежные люди). Я скорее склонен считать, что это были не фратриальные названия, а именно этнонимические названия, в силу того, что в одной группе преобладал элемент «земляных людей», аборигенов, а во второй группе преобладали элементы пришлых «таежных людей»“. В заключение Прокофьев указывает, что назрела необходимость поставить проблему этногенеза амурских народов.

С. А. Токарев, отметив выдающееся научное значение докладов Прокофьева и Чернецова, указал, что последний в своем анализе остяко-вогульской культуры недооценил значения западных элементов (сруб, ткачество, армяк, застегивающийся на левую сторону, женская одежда туни-

кообразного покроя, орнамент на одежде, девятиструнный лебедь), которые говорят о связи остяко-вогулов с земледельческими народами Европейской части СССР.

Чернецов, отвечая Токареву, указал: срубная юрта Приобья — татарского, а не западного происхождения. Одежда также возникла очевидно независимо от западных влияний, так же как орнамент, уходящий корнями в андроновскую культуру. Музыкальные струнные инструменты связывают остяко-вогулов не с западом, а с югом, с Ираном. Вогулы никогда не проникали далеко на запад, а связи их с югом очень сильны. Быть может они доведут нас до Индии.

Н. Н. Чебоксаров отмечает, что антропологическое сходство между кетами и тибетцами скорее кажущееся, чем реальное.

А. М. Золотарев отметил: вопросы этногенеза во всех докладах были поставлены на конкретно-историческую почву. Несомненно, что разрешение этих проблем возможно только в тесной связи с историей культуры. Определенные этапы формирования народностей связаны с определенным типом хозяйственной деятельности, с определенными этапами в развитии культуры. Поэтому нельзя отрывать этногенеза от истории культуры и историю культуры от этногенеза. В результате совместных работ, вырисовывается следующая картина: древнейшей формой культуры Севера, общей для

территории Сев. Азии, Америки и, в известной мере, Европы, является культура зимних рыболовов. На основе этой культуры в таежной полосе развивается и возникает культура ороцкого типа, культура таежных охотников. На берегах Амура на том же основании создается гилацкии культурный тип, на Крайнем Севере — эскимосский. До этого времени процесс этногенетического развития Севера идет по общим, автохтонным путям. Но в дальнейшем начинает сказываться глубокое влияние южных культур. Докладами установлены три основных центра южного влияния: Китай, Алтай, западносибирская степь. Эти центры, влияя на северные народы путем передачи отдельных культурных элементов или целых культурных комплексов, определили индивидуальное лицо процесса этногенеза в отдельных областях.

Все участники совещания пришли к заключению, что передвижения народов и их отдельных групп сыграли существенную роль в этнической истории Сибири. Все мы, очевидно, стоим на той точке зрения, что образование народностей нельзя понять, отказавшись от точки зрения стадийного развития. Также нельзя понять развитие народа, отказавшись от переселений. В этом отношении наша сессия показывает конец абстрактного схематизма и начало подлинно-марксистской разработки этногенетических проблем.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

В начале января 1941 г. вышел в свет № 1 трудов Института из серии „Материалы и исследования по археологии СССР“. Сборник называется „Археологические памятники Урала и Прикамья“. В сборнике помещены следующие работы: Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья.

Д. Н. Эдинг. Новые находки на Горбуновском торфянике.

К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у сел. Федоровки Челябинской области.

Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска.

А. В. Збруева. Гакинское городище.

А. В. Збруева. Свиногорское городище.

Н. А. Прокошев. Селище у дер. Турбино.

К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орска.

Л. А. Мацулевич. Византийский антик в Прикамье.

М. В. Талицкий. Кочергинский могильник.

Объем сборника 21 печ. лист. Книга

богато иллюстрирована (81 рисунок и 30 таблиц).

В настоящее время в процессе производства находится еще ряд сборников из серии „Материалов и исследований по археологии СССР“. Среди них следует в первую очередь отметить:

1. „Палеолит и неолит СССР“, включающий следующие работы:

В. А. Городцов. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки (предварительное сообщение).

И. Г. Пидопличка. Кремневые „гигантолиты“ из Новгород-Северска.

П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II.

С. Н. Бибииков. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Южный Урал).

М. М. Герасимов. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта.

П. И. Борисковский. Кирилловская палеолитическая стоянка.

А. П. Окладников. Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.)

- Г. П. Сосновский. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катунь.
- О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье.
- С. Н. Бибииков. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время.
- М. В. Воеводский. Мезолитическая стоянка Гремячее.
- М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки.
- Б. Ф. Земляков. О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда (стоянка у ст. Разлив Приморской ж. д.; 1938 г.).
- Н. Н. Гурина. Орудия Вознесенской стоянки.
- М. Е. Фосс и Л. Ельницкий. О добывании камня и древнейших каменоломных орудиях на севере восточной Европы.
- А. П. Окладников. К вопросу о назначении неолитических каменных рыб из Сибири.
- С. А. Семенов. Следы употребления на неолитических орудиях из Ангарских погребений.
- М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье.
- П. А. Дмитриев. Землянки на Зауральских стоянках.
- Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры.
- П. П. Ефименко и Н. А. Берговая. Палеолитические местонахождения СССР.
2. „Материалы по археологии Кабардино-Балкарии“.
- А. А. Иессен. Основные памятники Кабардино-Балкарии.
- Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ Нальчика.
- А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике.
- А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика.
- Б. Е. Деген. Курганы в кабардинском парке г. Нальчика.
- А. В. Мачинский. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика.
3. „Археологические памятники Боспора и Херсонеса“.
- Отчет о раскопках Тиритаки в 1932—1934 гг.
1. Боспор.
- Ю. Ю. Марти. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн.
- Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки.
- Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки.
- В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г.
- М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г.
- В. Ф. Гайдукевич. О местоположении древней Тиритаки.
- В. Ю. Марти. Рыбозасолочные ванны Тиритаки.
- Отчет о раскопках Мирмекия в 1934 г.:
- В. Ф. Гайдукевич. Археологическое изучение Мирмекия.
- В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви и Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г.
- С. А. Жебелев. Откуда ведет свое происхождение название „Мирмекий“.
- А. Н. Зограф. Мирмекийский клад, найденный в 1939 г.
- А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.
- Е. М. Придик. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1937 гг.
- Гидравлические растворы, примененные в мирмекийской античной винодельне [Справка Института археологической технологии (б. ГАИМК)].
- II. Херсонес.
- Отчет о раскопках Херсонеса в 1931—1933 гг.
- Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг.
- Л. Н. Белова. Монеты из раскопок Херсонеса в 1931 и 1932 гг.
4. „Этногенез восточных славян“, т. I:
- П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена.
- Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст.
- П. А. Сухов. Славянское городище IX—X ст. в Южном Белозерье.
- Н. Н. Червягин. Длинные курганы и сопки (археологическая карта).
- Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье.
- И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам.
- М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века н. э.
- Ф. Д. Гуревич. Збручский идол.
5. П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья до первого тысячелетия н. э.
- Все названные работы должны быть выпущены в текущем году.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Доклады на совещании Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии. Итоги совещания по этногенезу народов севера.— С. П. Толстов	3
Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока.— А. П. Окладников	5
Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии.— Г. Ф. Дебедц	14
Очерк этногенеза обских югров.— В. Н. Чернецов	18
Антропологическое изучение манси.— Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова	28
Происхождение ананьинской культуры.— А. В. Эбруева	37
Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье.— Т. А. Трофимова	42
К этногенезу коми.— М. В. Талицкий	47
Этногенез коми в свете антропологических данных.— Н. Н. Чебоксаров	54
Происхождение якутской народности.— С. А. Токарев	58
II. Доклады на Ученом совете Института. Археология и основные вопросы древней истории Якутии.— А. П. Окладников	63
III. Статьи. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове.— А. В. Мачинский	80
IV. Полевые археологические исследования Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске.— В. И. Смирнов	90
О геологическом возрасте неолитической стоянки на р. Кузнечихе в г. Архангельске.— Б. Ф. Земляков и И. М. Покровская	98
Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре.— Г. А. Чернов	101
Неолитические стоянки в районе г. Кеми.— Г. И. Горецкий	111
Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финскую ССР в 1940 г.— Н. Н. Гурина	114
— — — — —	
Н. И. Репников	121
А. А. Марр	124
— — — — —	
V. Критика и библиография. Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Киик-Коба.— А. П. Окладников	125
VI. Информации Обзор прений на совещании по этногенезу народов Севера	129
Материалы и исследования по археологии СССР	132

Редактор издательства А. М. Баранов. — Подписано к печати 14/III 1941 г. М 42667 — Объем
8½ печ. л. + 2 вкл. 12,1 уч.-изд. л. Тираж 800 экз. Цена книги 12 руб.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Заказ № 259.